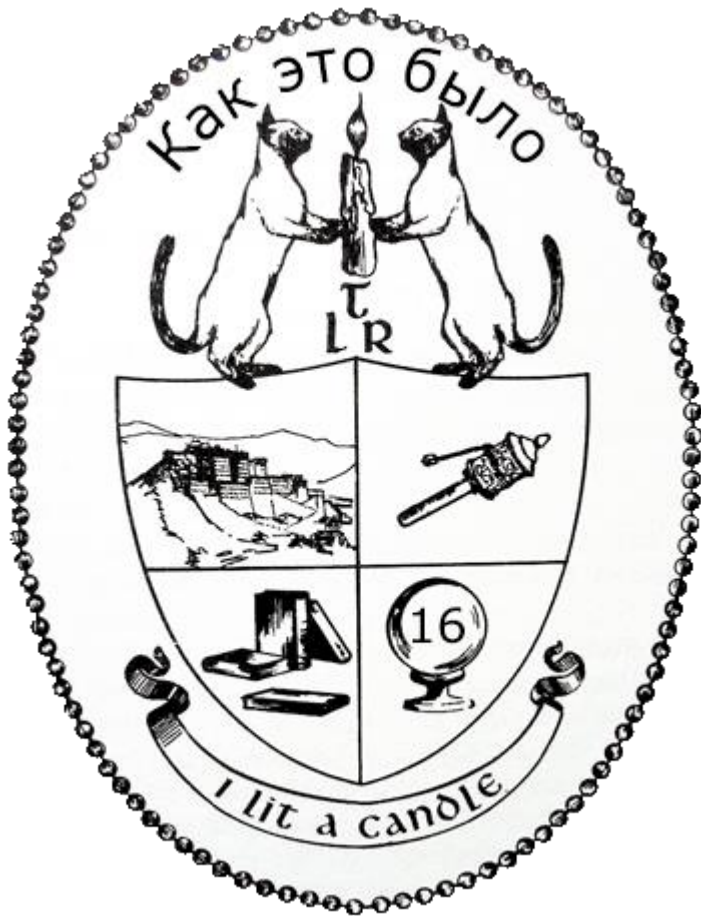

Лобсанг Рампа

Как Это Было

Как это было — (Первоначально опубликовано в 1976 году). Эта книга продолжает историю жизни Лобсанг Рампа от того времени, когда он жил в Тибете, до его удивительных путешествий по всему миру. А также РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ о жизни Сирила Генри Хоскинса до того, как доктор Рампа переселился в его физическое тело. Сирил Генри Хоскинс, через доктора Рампу, прояснил нелепые утверждения о том, что он был простым водопроводчиком, а Иисус был простым плотником. Что плохого в том, чтобы быть простым торговцем?

Лучше зажечь свечу, чем проклинать темноту.

Герб окружен тибетскими четками, состоящими из ста восьми бусин, символизирующих сто восемь книг тибетского Кангьюра. В личном гербе мы видим двух стоящих на задних лапах сиамских кошек, держащих зажженную свечу. В левой верхней

части щита изображена Потала; в правой части щита - вращающееся тибетское молитвенное колесо, о чем свидетельствует небольшой груз, находящийся над объектом. В нижней левой части щита находятся книги, символизирующие таланты писателя и рассказчика автора, а в правой части щита - хрустальный шар, символизирующий эзотерические науки. Под щитом можно прочесть девиз Лобсанга Рампы: "Я зажег свечу".

Наступила темнота, и на дороге за большими воротами стоял одинокий маленький мальчик и смотрел вниз по дороге на последних уезжающих гостей. Он стоял, сцепив руки, и думал о предсказанной ему несчастливой жизни, об ужасах войны, которых он не понимал, о бесчувственных преследованиях, которые еще предстоят. Он стоял там, один во всем мире... Он стоял там, а ночь становилась все темнее, и никто не пришел, чтобы найти его и привести обратно. Наконец, он лег на обочине дороги, и через несколько минут рядом с его головой раздалось мурлыканье, и рядом с ним улеглась большая кошка. Мальчик обнял животное и задремал, но кошка была настороже, наблюдая, охраняя...

Как Это Было

Посвящается городу Калгари,
где у меня был мир и покой
и свобода от вмешательства в
мои личные дела. Спасибо,
Город Калгари.

- Книга 1 — Как Это Было Вначале
Книга 2 — Первая Эпоха
Книга 3 — Книга Перемен
Книга 4 — Как Это Есть Сейчас!

Оглавление

Оглавление	4
Книга первая <i>Как Это Было Вначале</i>	7
Глава первая	7
Глава вторая	22
Глава третья	37
Книга вторая <i>Первая Эпоха</i>	55
Глава четвертая	55
Глава пятая	72
Глава шестая	88
Книга третья <i>Книга Перемен</i>	109
Глава седьмая	110
Глава восьмая	129
Глава девятая	148
Книга четвертая <i>Как это есть сейчас!</i>	165
Глава десятая	165
Глава одиннадцатая	181

Предисловие ...

Все "лучшие" книги имеют предисловие, поэтому очень важно, чтобы оно было и у этой книги. В конце концов, авторы имеют полное право считать свои книги лучшими. Позвольте мне начать "Лучшее" с объяснения того, почему я выбрал свое название.

'Как Это Было!' Зачем ему понадобилось использовать такое нелепое название? В других книгах он говорит, что ВСЕГДА пишет правду! Конечно, конечно, у вас будет свое объяснение, поэтому просто сохраняйте спокойствие (должно быть написано шестидюймовыми прописными буквами) и ЧИТАЙТЕ дальше. Все мои книги правдивы, и я сохранил этот факт перед лицом непрекращающихся преследований и клеветы. Но на протяжении веков здравомыслящих, разумных людей преследовали и даже пытали и убивали за то, что они говорили все как есть! Один очень мудрый человек был почти сожжен на костре за то, что осмелился утверждать, что Земля вращается вокруг Солнца вместо того, как учили священники, - что Земля является центром Творения и все планеты вращаются вокруг нее. Бедняга пережил ужасные времена, когда его растягивали на дыбе и все такое, и спасся только тем, что отказался от своих слов.

Потом были люди, которые случайно левитировали в неподходящий момент перед неподходящими людьми с неподходящими результатами; их отвергали различными эффективными способами за то, что они дали понять, что отличаются от обычной толпы. Некоторые же из "толпы" являются также обычными, особенно если они представители прессы!

Люди худшего типа - вы знаете, кто они! - просто обожают опускать всех на один уровень; им невыносимо думать, что кто-то отличается от них, поэтому, как маньяки, они кричат "уничтожить! уничтожить!". И вместо того, чтобы пытаться доказать правоту человека, они всегда пытаются доказать, что он не прав. Пресса особенно любит начинать охоту на ведьм и преследовать человека, чтобы раздуть сенсацию. У невежд из

прессе не хватает ума подумать, что в этом все-таки может быть "что-то есть!".

Эдвард Дэвис, "Самый крутой коп Америки", писал в журнале True Magazine от января 1975 года: "Средства массовой информации в целом состоят из кучки разочарованных писателей-фантастов. Говоря иначе, журналистика наполнена пикассо-типами, которые достают свои коробки с красками и создают картину, на которой должен быть я, но которую никто не узнает, кроме парня с кистью и перьями". Мистер Дэвис, это совершенно ясно, не любит прессу. Я тоже. У нас обоих есть на то веские причины. Один журналист сказал мне: "Правда? Правда никогда не продавала газету. Сенсация продает. Мы не беспокоимся об истине; мы продаем сенсации".

После публикации "Третьего глаза" - правдивой книги! - "странные существа выползли из леса" и, обмакнув ручки в яд, стали писать книги и статьи, нападая на меня. Самозванные "эксперты" объявили ЭТО ложью, в то время как другие представители жанра объявили ЭТО правдой, а ТО ложью. Ни один из двух "экспертов" не мог прийти к согласию.

Бродячие "следователи" гастролировали по стране, опрашивая людей, которые никогда не встречались со мной, и придумывая совершенно вымышленные истории. Эти "следователи" тоже никогда не встречались со мной. Журналисты, отчаянно нуждаясь в сенсации, придумывали "интервью", которые никогда не проводились. Миссис Рампа в полностью сфабрикованном "интервью" была процитирована в искаженном виде, сказав, что книга была выдумкой. Она этого не говорила. Она никогда этого не говорила. Мы оба говорим: "Все мои книги правдивы".

Но ни пресса, ни радио, ни издатели НИКОГДА не давали мне возможности высказать свою точку зрения на этот вопрос. Никогда! Меня также не просили выступить на телевидении или радио и рассказать правду! Как и многие до меня, я подвергался преследованиям за то, что "отличался" от большинства. Так человечество уничтожает тех, кто может помочь человечеству

особыми знаниями или особым опытом. Мы, Необычные, могли бы, если бы нам позволили, отодвинуть границы знаний и продвинуть понимание Человека.

Пресса пишет обо мне как о маленьком и волосатом, большом и лысом, высоком и коротком, худом и толстом. Также, согласно "достоверным" сообщениям прессы, я англичанин, русский, немец, посланный в Тибет Гитлером, индеец и т.д. 'Достоверные' сообщения прессы! Все, что угодно, все, что угодно, кроме Правды - но она содержится в моих книгах.

Так много лжи было сказано обо мне. Так много искаженного воображения было использовано, так много страданий было вызвано, так много несчастий - но здесь, в этой книге, есть Истина. Я рассказываю ее

Как это было!

Книга первая

Как Это Было Вначале

Глава первая

Старик устало прислонился спиной к опорному столбу. Его спина затекла от боли, вызванной долгим сидением в одной тесной позе. Его глаза затуманились от возрастного ревматизма. Медленно он потер глаза тыльной стороной ладоней и огляделся вокруг. На столе перед ним лежали бумаги, бумаги, только бумаги. Бумаги, испещренные странными символами и массой корявых фигур. Перед ним двигались смутно видимые люди, ожидая его приказаний.

Медленно старик поднялся на ноги, с опаской отбрасывая руки помощи. Пошатываясь под тяжестью прожитых лет, он подошел к ближайшему окну. Немного дрожа от холода, он плотнее натянул древний халат на свою скудную фигуру. Опираясь локтями о каменную кладку, он огляделся вокруг. Проклятый способностью видеть вдаль, когда работа требовала видеть вблизи, он теперь мог видеть до самых дальних пределов равнины Лхасы.

День был теплым для Лхасы. Ивовые деревья были в самом расцвете сил, листья были совсем зелеными. Маленькие костянки, или кислицы, придавали приятный мириад желтых полос зеленому и коричневому фону. На высоте четырехсот футов под стариком эти цвета наиболее гармонично сочетались с блеском прозрачной воды, проступающей сквозь нижние ветви.

Старый Главный астролог размышлял о земле, раскинувшейся перед ним, созерцал могучую Поталу, в которой он жил и которую так редко покидал, да и то лишь по самым неотложным делам. Нет, нет, подумал он, давайте я пока не буду думать об этом; дайте мне отдохнуть, наслаждаясь видом.

В деревне Шё, которая так уютно расположилась у подножия Поталы, было многолюдно. Разбойники были пойманы во время ограбления торговцев на высокогорных перевалах и доставлены в зал правосудия в деревне. Правосудие уже свершилось над другими преступниками; люди, осужденные за то или иное тяжкое преступление, выходили из зала, их цепи звенели в такт шагам. Теперь им придется скитаться с места на место, выпрашивая пропитание, потому что, закованные в цепи, они не смогут легко работать.

Старый астролог с тоской посмотрел в сторону Великого собора Лхасы. Он давно подумывал о том, чтобы посетить его, чтобы воскресить в памяти воспоминания детства; его служебные обязанности в течение многих лет не позволяли ему отвлекаться только на удовольствия. Вздохнув, он начал отворачиваться от окна, потом остановился и пристально всмотрелся вдаль.

Обратившись к служителю, он сказал: "Идя вдоль Додпал Линга, прямо у Кесара, я, кажется, узнал того мальчика, не тот ли это мальчик Рампа?". Служитель кивнул: "Да, преподобный господин, это мальчик Рампа и его слуга Цзы. Мальчик, чье будущее вы описываете в этом гороскопе". Старый астролог криво усмехнулся, глядя на фигуру маленького мальчика и огромного, почти семифутового роста, слугу из провинции Кхам. Он наблюдал, как две несочетаемые фигуры, одна на маленьком пони, а другая на большой лошади, скакали вверх, пока выступы скал горы не скрыли их из виду. Кивнув самому себе, он повернулся обратно к заваленному столу.

"Значит, ЭТО, - пробормотал он, - будет вровень с ЭТИМ". Хмм, значит, более шестидесяти лет он будет страдать из-за неблагоприятного влияния...". Его голос перешел в низкий гул, пока он рылся в бесчисленных бумагах, делая пометки здесь и пометки там. Этот старик был самым известным астрологом Тибета, человеком, хорошо сведущим в тайнах этого почтенного искусства. Астрология Тибета значительно отличается от западной. Здесь, в Лхасе, дата зачатия соотносилась с датой рождения. Прогрессивный гороскоп также составлялся на дату, когда должна была быть сдана вся "работа". Главный астролог предсказывал жизненный путь знаменитостей и значимых членов их семей. Астрологи консультировали и само правительство, и Далай-ламу. Но это была не астрология Запада, которая, похоже, продается сенсационной прессе.

За длинными низкими столами сидели, скрестив ноги, жрецы-астрологи, проверяя фигуры и их взаимосвязь друг с другом. Составлялись карты небесных конфигураций, существовавших на момент зачатия, рождения, составления гороскопа, который был известен заранее, и для каждого года "жизни субъекта" составлялась полная карта и годовой расклад. Затем все это соединялось в один очень большой отчет.

Тибетская бумага изготавливается вручную и образует довольно толстые листы, примерно восемь дюймов сверху

донизу и от двух футов до двух футов шести в ширину. Западная бумага для письма длиннее сверху донизу, чем в ширину; тибетская бумага - наоборот. Страницы книг не переплетены, а находятся в стопке между двумя листами дерева. На Западе такие книги быстро бы испортились, страницы были бы потеряны или порваны. В Тибете бумага священна, и с ней обращаются очень осторожно; трата бумаги - это серьезное преступление, и порвать страницу - значит потратить бумагу впустую, отсюда и особая осторожность. Лама читал, а рядом с ним стоял маленький аколит. Деревянный верхний лист книги снимался с большой осторожностью и клался лицевой стороной вниз слева от читающего. Затем, после чтения верхнего листа, лист благоговейно снимался пономарем и клался лицом вниз на верхнюю обложку. После окончания чтения листы тщательно выравнивались, а книга скреплялась лентами.

Так составлялся гороскоп. Лист за листом писали или рисовали. Лист откладывался в сторону, чтобы высохнуть - ведь марать бумагу было преступлением. И вот, наконец, спустя, возможно, шесть месяцев, ибо время не имело значения, гороскоп был готов.

Медленно аколит, в данном случае молодой монах с опытом работы в несколько лет, благоговейно поднимал лист и клал его лицом вниз на соседний. Старый астролог поднял новый лист, раскрытый таким образом. "Тц, тц, - ворчал он, - эти чернила становятся плохого цвета еще до того, как попадают на свет. Мы должны переписать эту страницу". С этими словами он взял одну из своих "чернильных палочек" и сделал поспешную запись.

Эти палочки были изобретением многотысячелетней давности, но делались они точно так же, как и две-три тысячи лет назад. На самом деле существовала легенда о том, что Тибет когда-то находился на берегу сияющего моря, и эту легенду поддерживали частые находки морских раковин, окаменевших рыб и многих других предметов, которые могли попасть сюда только из более теплой страны, расположенной у моря. Там были захоронены

артефакты давно исчезнувшей расы, орудия труда, резьба, украшения. Все это, вместе с золотом, можно было найти в большом количестве по берегам рек, протекавших через страну.

Но теперь писчие палочки изготавливались точно так же, как и раньше. Готовилась большая масса глины, затем монахи шли и собирали с ивовых деревьев подходящие саженьцы, тонкие кусочки веток толщиной в половину мизинца и длиной около фута. Их очень тщательно собирали, а затем относили в специальный отдел Поталы. Здесь все веточки тщательно осматривались и сортировались, прямые безупречные веточки получали особое внимание, их очищали от коры, а затем заворачивали в глину, при этом тщательно следили за тем, чтобы веточки не были согнуты.

Те веточки, которые имели небольшой изгиб или изъём, также заворачивались в глину, потому что они подходили для младших монахов и аколитов, чтобы использовать их в своих собственных сочинениях. В связках глины, каждая из которых имела оттиск печати, указывающий на то, что она суперкласса (для высших лам и самого Сокровенного), затем первого класса для лам высшего класса и второго класса для обычного использования, было проделано очень маленькое отверстие, чтобы пар, образующийся во время процесса нагревания, мог выходить наружу и тем самым предотвратить разрыв глиняной обертки.

Итак глину укладывали на подставки в большой камере. В течение месяца или около того они просто лежали там, испаряя влагу в атмосфере низкой влажности. Где-то через четыре-шесть месяцев глиняные свертки снимали и переносили на огонь - огонь также использовался для приготовления пищи, нагрева воды и тому подобных вещей - и аккуратно клали так, чтобы они находились в самой красной части огня. В течение суток поддерживалась температура, а затем огню давали угаснуть. Когда огонь остывал, связки глины раскрывались, отходы глины выбрасывались, и обработанные ивовые палочки (древесный

уголь) были готовы к высшему использованию - распространению истинного знания.

Ивовые палочки, которые были признаны непригодными для превращения в древесный уголь, использовались для костров, высушивающих глину лучших палочек. Для костров использовали хорошо высушенный навоз яка и любые другие дрова, которые оказывались поблизости. Но опять же, дерево никогда не использовалось для сжигания, если оно могло быть использовано для какой-то другой "более благородной" цели, потому что древесина в Тибете была очень дефицитной.

Палочки для писания, таким образом, были тем товаром, который в западном мире известен как уголь и который используется художниками в их черно-белых рисунках. Но в Тибете требовались и чернила, и для этого использовалась другая древесина, опять-таки обернутая в глину. Её нагревали гораздо дольше и подвергали гораздо более высокой температуре. Затем, через несколько дней, когда костры гасили, а глиняные шарики выгребали из остывшего костра и вскрывали, внутри обнаруживался очень черный осадок - почти чистый уголь.

Уголь брали и очень, очень тщательно исследовали на предмет того, что там не является черным углём. Затем его помещали в кусок довольно грубой сетчатой ткани, которую затягивали и натягивали на кусок камня с углублением, в котором, по сути, было корыто. Корыто было размером восемнадцать на двенадцать дюймов и глубиной, возможно, два дюйма. Монахи домашнего класса разминали ткань на дне корыта, так что постепенно образовывалась очень мелкая угольная пыль. В конце концов ее смешивали с горячей камедью определенных деревьев, которые росли в этой местности, перемешивали, перемешивали и перемешивали, пока не получалась черная липкая масса. Затем ей давали высохнуть в виде лепешек, после чего, когда нужны были чернила, просто растирали одну из этих лепешек в специальном каменном сосуде и добавляли туда немного воды. В результате получались чернила ржаво-коричневого цвета.

Официальные документы и очень важные астрологические карты никогда не составлялись из чернил на этой обычной основе, вместо этого был кусок хорошо отполированного мрамора, который подвешивался под углом около сорока пяти градусов, а под ним находилось около дюжины масляных ламп, фитили которых были сделаны слишком длинными, слишком высокими, так что лампы испускали густой черный дым. Дым попадал на полированный мрамор и тут же сгущался в черную массу. В конце концов, когда накапливалась нужная толщина, молодой монах наклонял мраморную плиту и зачерпывал все скопления "ламповой сажи", а затем возвращал плиту под угол сорок пять градусов, чтобы можно было собрать больше.

С деревьев собирали смолистую камедь и помещали ее в емкость, которую очень тщательно нагревали, чтобы камедь приобрела консистенцию воды и значительно осветлилась. С верхней части камеди, бодро кипящей и бурлящей, соскребают густой осадок, оставляя абсолютно прозрачную, слегка желтоватую жидкость. В ней размешивали всю массу "ламповой сажи", пока не получалась довольно жесткая паста. Затем эту массу выливали в ковшик и выкладывали на камень, чтобы она остыла и затвердела. Для высших лам и чиновников куски разрезали на прямоугольники и делали из них вполне презентабельную массу, но низкое звено монахов было радо любой форме чернильного листа. Он использовался так же, как и первый тип, то есть использовался специальный кусок камня с углублением, или небольшим желобом, и в него соскабливали часть небольшого блока чернил. Затем его смешивали с водой до получения подходящей консистенции.

Конечно, в Тибете не было ни стальных ручек, ни перьевых, ни шариковых, вместо них использовались ивовые пруты, которые тщательно очищались от кожуры, делались гладкими, а концы слегка распушивались, так что, по сути, они были похожи на кисточки с очень-очень короткой щетиной. Затем палочки тщательно высушивали - очень тщательно, чтобы избежать

растрескивания или деформации, - а потом, когда они были достаточно сухими, чтобы не расколоться, их клали на раскаленный камень, который закалял их, чтобы с ними можно было безопасно обращаться и чтобы они служили довольно долго. Тибетское письмо, таким образом, больше похоже на тибетское письмо кистью, потому что иероглифы, идеограммы, пишутся формой кисти примерно так же, как пишут китайцы или японцы.

Но старый астролог все бормотал что-то о плохом качестве чернил на странице. Он продолжил читать, а потом обнаружил, что читает о смерти субъекта гороскопа. Тибетская астрология охватывает все аспекты, жизнь-жизнь-смерть. Он внимательно просмотрел свои предсказания, проверяя и перепроверяя их, потому что это было предсказание для члена очень важной семьи, предсказание для человека, который был важен не только из-за своих семейных связей, но и сам по себе, из-за возложенной на него задачи.

Старик откинулся на спинку кресла, его кости скрипели от усталости. С содроганием он вспомнил, что его собственная смерть была очень близка. Это была его последняя великая задача - составление гороскопа в таких подробностях, каких он еще никогда не делал.

Выполнение этого задания и успешное провозглашение его показаний приведет к ослаблению уз плоти и скорейшему прекращению его собственной жизни. Он не боялся смерти; смерть, как он знал, была лишь переходным периодом; но переход или нет, это все равно был период перемен, перемен, которые старик ненавидел и боялся. Он должен был покинуть свою любимую Поталу, он должен был оставить свой желанный пост главного астролога Тибета, он должен был оставить все то, что знал, все то, что было ему дорого, он должен был уйти и, как новобранец в ламаистском монастыре, начать все сначала. Когда? Он знал это! Где? Это он тоже знал! Но было тяжело расставаться со старыми друзьями, тяжело менять жизнь, потому что смерти

нет, то, что мы называем смертью, - всего лишь переход от жизни к жизни.

Он думал о процессах. Он видел себя таким, каким так часто видел других - мертвым, неподвижным телом, не способным двигаться, не разумным существом, а просто массой мертвой плоти, поддерживаемой массой мертвых костей.

В своем воображении он видел себя таким: его раздевали донага, связывали в пучок, голова касалась коленей, а ноги были согнуты сзади. В своем воображении он видел, как его взваливают на спину пони, заворачивают в ткань и увозят за окраину города Лхаса, где он будет передан на попечение Утилизаторов мертвых.

Они забирали его тело и клали его на большой плоский камень, специально подготовленный для этой цели. Его расколют и извлекут все органы. Глава Утилизаторов громко зывал в воздух, и вниз слеталась целая стая стервятников, хорошо привыкших к подобным вещам.

Главный утилизатор брал сердце и бросал его главному стервятнику, который без лишних слов заглатывал его, затем почки, легкие и другие органы разрезались и бросались другим стервятникам.

Окровавленными руками Утилизаторы отрывали плоть от белых костей, резали ее на полоски и тоже бросали их стервятникам, которые столпились вокруг, как торжественное собрание стариков на вечеринке.

Когда вся плоть была содрана, а все органы выброшены, кости разламывали на небольшие куски и засовывали в отверстия в скале. Затем камнями раскалывали до тех пор, пока кости не превращались в порошок. Порошок смешивали с кровью и другими выделениями тела и оставляли на камнях, чтобы птицы могли им полакомиться. Вскоре, через несколько часов, от того, что когда-то было человеком, не останется и следа. Не останется следов и от стервятников; они улетят куда-нибудь, пока их не призовут на свою страшную службу в следующий раз.

Старик думал обо всем этом, думал о том, что видел в Индии, где от бедных людей избавлялись, бросая грузные тела в реки или закапывая их в землю, а более богатые люди, которые могли позволить себе дрова, сжигали их тела, пока не оставался только хлопьевидный пепел, и затем его бросали в священную реку, чтобы пепел, а возможно, и дух человека, вернулся в лоно "Матери-Земли".

Он грубо встряхнулся и пробормотал: "Сейчас не время думать о своем переходе, позвольте мне закончить свою задачу, пока я готовлю записи о переходе этого маленького мальчика". Но этому не суждено было случиться, наступила пауза. Старый астролог как раз бормотал указания переписать всю страницу лучшими чернилами, когда раздался звук торопливых шагов и хлопнула дверь. Старик недовольно поднял голову, он не привык к подобным прерываниям, он не привык к шуму в астрологическом отделе. Это была зона спокойствия, тишины, созерцания, где самым громким звуком было скрежет закаленного прутика по шершавой поверхности бумаги ручной работы. Раздался звук возвышенных голосов. "Я ДОЛЖЕН увидеть его, я ДОЛЖЕН увидеть его сейчас же, требует Сокровенный". Затем раздалось шлепанье ног по земле и шорох жесткой ткани. Появился лама из окружения Далай-ламы, сжимая в правой руке палку, в расщелине которой, на конце, виднелся лист бумаги с письменами самого Сокровенного. Лама вышел вперед, сделал обычный полупоклон старому астрологу и наклонил палку в его сторону, чтобы тот мог снять написанное послание. Он сделал это и в ужасе нахмурился.

"Но, но... - пробормотал он, - как же мне теперь уйти? Я нахожусь посреди этих вычислений, я нахожусь посреди этих вычислений. Если мне придется остановиться в этот момент...". Но затем он понял, что ничего другого не остается, как идти "в тот же миг". Со вздохом покорности он сменил свой старый рабочий халат на более опрятный, взял несколько графиков и несколько палочек для записей и обратился к монаху рядом с

ним: "Вот, мальчик, неси это и сопровождай меня". Повернувшись, он медленно вышел из комнаты вслед за ламой в золотой мантии.

Лама в золотом одеянии сбавил шаг, чтобы идущий за ним пожилой человек не испытывал излишнего беспокойства. Долго они шли по бесконечным коридорам, монахи и ламы, занятые своими делами, почтительно стояли в стороне, склонив головы, когда мимо них проходил главный астролог.

После долгого пути, поднимаясь с этажа на этаж, лама в золотой одежде и главный астролог достигли самого верхнего этажа, где находились апартаменты самого Далай-ламы, Тринадцатого Далай-ламы, Сокровенного, того, кто должен был сделать для Тибета больше, чем любой другой Далай-лама.

Свернув за угол, они столкнулись с тремя молодыми монахами, которые вели себя явно буйно; они катались, словно на коньках, обмотав ноги тканью. В знак уважения они прекратили свои забавы и посторонились, пока двое мужчин проходили мимо. У этих молодых людей была постоянная работа; было много полов, которые нужно было содержать в безупречной полировке, и трое молодых монахов проводили все рабочее время с тяжелыми тряпками вокруг ног, они ходили, бегали и скользили по огромным площадям пола, и в результате их усилий пол приобрел чудесный блеск и патину древности. Но пол был скользким. Лама в золотой одежде осторожно отступил назад и взял за руку старого астролога, прекрасно понимая, что в его возрасте сломанная нога или рука - это фактически смертный приговор.

Вскоре они пришли в большую солнечную комнату, где сам Великий Тринадцатый сидел в позе лотоса, глядя через окно на панораму гималайских горных хребтов, простирающихся перед ним и, фактически, вокруг всей долины Лхасы.

Старый астролог совершил простирания перед Богом-Царем Тибета. Далай-лама велел сопровождающим удалиться, и вскоре

он и главный астролог остались одни, сидя лицом к лицу на подушках, которые в Тибете используются вместо стульев.

Это были старые знакомые, хорошо знавшие друг друга. Главный астролог знал все государственные дела, знал все предсказания о Тибете, ибо он, действительно, сделал большинство из них. Сейчас Великий Тринадцатый выглядел очень серьезным, потому что это были судьбоносные дни, дни напряжения, дни беспокойства. Ост-Индская компания, британская компания, пыталась вывезти из страны золото и другие товары, а различные агенты и лидеры британской военной мощи вынашивали идею вторжения в Тибет и захвата этой страны, но угроза России в ближайшем будущем не позволила предпринять этот решительный шаг. Однако достаточно сказать, что на том этапе британцы создали для Тибета много беспорядков и неприятностей, так же как в гораздо более поздние годы это сделали китайские коммунисты. Для тибетцев выбор между китайцами и британцами был невелик, тибетцы просто хотели, чтобы их оставили в покое.

К сожалению, была и другая, более серьезная проблема: в Тибете в то время существовали две секты священников, одна из которых была известна как "Желтые шапки", а другая - как "Красные шапки". Иногда между ними возникали жестокие споры, и два лидера, Далай-лама, который был главой "желтых колпаков", и Панчен-лама, который был главой "красных колпаков", не испытывали друг к другу никакой любви.

Между двумя сектами действительно было мало симпатии. В то время сторонники Далай-ламы имели преимущество, но так было не всегда, в другие времена Панчен-лама, который вскоре был вынужден покинуть Тибет, был в первых рядах, и тогда страна погружалась в хаос, пока Далай-лама не смог укрепить свои позиции с помощью Тартар и потому, что по религиозным соображениям Желтые Шапки имели то, что можно назвать "высшей святостью".

Сокровенный - Далай-лама, которому дали этот титул, и который был хорошо известен как Великий Тринадцатый, - задавал много вопросов относительно возможного будущего Тибета. Старый астролог порылся в портфеле, который был у него с собой, достал бумаги и диаграммы, и они вместе просмотрели их.

"Менее чем через шестьдесят лет, - сказал астролог, - Тибета как свободного государства больше не будет. Наследный враг, китайцы, с новой формой политического правления вторгнутся в страну и практически уничтожат орден жрецов в Тибете".

Далай-ламе сказали, что после ухода Великого Тринадцатого в качестве паллиатива против китайской агрессии будет выбран другой. Ребенок будет выбран как реинкарнация Великого Тринадцатого, и независимо от точности выбора это будет прежде всего политический выбор, потому что тот, кто будет известен как Четырнадцатый Далай-лама, будет родом с территории, удерживаемой Китаем.

Сокровенный был очень мрачен по поводу всего этого и пытался разработать планы, как спасти свою любимую страну, но, как точно заметил Главный астролог, многое можно сделать, чтобы обойти плохой гороскоп отдельного человека, но не существует известного способа существенно изменить гороскоп и судьбу целой страны. Страна состояла из слишком большого количества различных единиц, слишком большого количества индивидуумов, которых нельзя было ни вылепить, ни приказать, ни убедить думать в одно и то же время и с одной и той же целью. Итак, судьба Тибета была известна. Судьба Мудрых Изречений, Священных Книг и Священного Знания еще не была известна, но считалось, что подходящими средствами можно обучить молодого человека, дать ему особые знания, наделить особыми способностями, а затем отправить в мир за пределы Тибета, чтобы он мог написать о своих знаниях и знаниях Тибета. Два человека продолжали беседовать, и наконец Далай-лама сказал: "А этот мальчик, мальчик Рампа, вы уже составили для

него гороскоп? Я хочу, чтобы вы прочитали его на специальном приеме в доме Рампы через две недели после этого дня". Главный астролог вздрогнул. Две недели? Он не был бы готов ни через два месяца, ни через два года, если бы ему не дали твердую дату. Поэтому дрожащим голосом он ответил: "Да, Ваше Святейшество, все будет готово через две недели после этого дня. Но в течение жизни этого мальчика ждут самые печальные условия, страдания и пытки, отречение соотечественников, болезни - все препятствия, которые только можно себе представить, поставлены на его пути злыми силами и одной особой силой, которую я пока не совсем понимаю, но которая, похоже, каким-то образом связана с газетчиками".

Далай-лама шумно вздохнул и сказал: "Хорошо, давайте пока оставим это в стороне, потому что то, что неизбежно, не может быть изменено. В течение следующих двух недель вам придется еще раз просмотреть свои карты, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что вы собираетесь провозгласить. А пока - давайте сыграем партию в шахматы, я устал от государственных дел".

Раздался звон серебряного колокольчика, и в комнату вошел лама в золотой одежде, который получил приказ принести шахматы и шахматную доску, чтобы двое мужчин могли сыграть. Шахматы были очень популярны среди высших интеллектуалов Лхасы, но это совсем не те шахматы, в которые играют на Западе. На Западе при начале игры первая пешка каждой стороны делает два шага, а не один, как в Тибете, и в Тибете нет такого понятия, как рокировка, при которой пешка, дойдя до задней линии, может стать ладьёй, также не используется патовая ситуация, вместо этого считается, что состояние равновесия или стазиса достигнуто, когда король остается один без пешки или без любой другой фигуры на доске.

Двое мужчин сидели и играли с бесконечным терпением, каждый в теплом сиянии любви и уважения, которое росло между этими двумя, а над ними на плоской крыше прямо над

покоюми Далай-ламы развевались молитвенные флаги под дуновением высокогорного ветра. Дальше по коридору стучали молитвенные колеса, воспроизводя бесконечные воображаемые молитвы. На плоских крышах сверкали ослепительно золотые отблески от гробниц предыдущих воплощений Далай-ламы, ведь по тибетским поверьям каждый Далай-лама после смерти просто переходил в иной мир, а затем возвращался на Землю в теле какого-нибудь маленького мальчика. В Тибете трансмиграция была настолько общепризнанным фактом религии, что даже не заслуживала комментариев. Итак, на плоской крыше двенадцать тел лежали в двенадцати золотых гробницах, каждая из которых имела замысловатую крышку с множеством спиралей, завитушек и изгибов, призванных ввести в заблуждение и отогнать "злых духов".

Из золотых гробниц можно было увидеть сверкающее здание Колледжа медицинских наук Чакпори на Железной горе - дом медицины Тибета. За ним находился город Лхаса, который в этот день ярко сиял под лучами полуденного солнца. Небо было насыщенного пурпурного цвета, а с вершин гор, огибающих долину Лхасы, срывались шлейфы чистого белого снега.

По мере того, как шли часы, отмеченные растущими тенями от западной горной цепи, двое мужчин в государственных апартаментах внизу вздыхали и неохотно отодвигали свои шахматные фигуры, поскольку сейчас было время поклонения, время, когда Далай-лама должен был заниматься своими делами, время, когда главный астролог должен был вернуться к своим вычислениям, если он хотел уложиться в две недели, установленные Далай-ламой.

Снова зазвенел серебряный колокольчик, снова появился лама в золотой мантии и, пробормотав несколько слов, приказал помочь главному астрологу вернуться в его собственные покои тремя этажами ниже.

Главный астролог со скрипом поднялся на свои дряхлые ноги, совершил ритуальные поклоны и покинул присутствие своего духовного вождя.

Глава вторая

"О-о-о! О-о-о! Ай-яй! Ай-яй!" - сказал голос в сумерках того приятного дня. "Вы слышали об этой леди Рампе? Она опять за свое!" Послышалось шарканье ног по дороге, звук перекатываемых под ногами мелких камешков, а затем вздох. "Леди Рампа? Что она натворила?"

Первый голос ответил с нескрываемым весельем. Похоже, что для определенного типа женщин, независимо от их класса, национальности, если она приносит вести - предпочтительно плохие - ее день удался.

"Тетя моего приемного сына услышала странную историю. Как вы знаете, она собирается выйти замуж за таможенника, который работает на Западных воротах. Ее друг рассказывал ей, что вот уже несколько месяцев леди Рампа заказывает всевозможные вещи из Индии, и теперь торговцы в своих караванах начинают доставлять товары. Вы что-нибудь слышали об этом?"

"Ну, я действительно слышала, что в ближайшее время в их садах будет проведен специальный праздник, но вы должны помнить, что Великий Лорд Рампа был нашим регентом, когда Сокровенный отправился в Индию во время вторжения англичан, которое принесло столько вреда. Полагаю, вполне естественно, что одна из ведущих леди нашей страны захотела что-то заказать. Я не вижу в этом ничего плохого, а вы?"

Собеседница порывисто выдохнула, затем глубоко вздохнула и продекламировала: "Ах! Но вы не знаете всего этого, вы не знаете даже половины! Я слышала от одного из моих друзей, который

служит одним из ожидающих монахов в Кесаре - он родом из Поталы, вы знаете - что для этого маленького мальчика, вы знаете, маленького коротышки, который постоянно попадает в неприятности и кажется таким болезненным испытанием для своего отца, готовится очень тщательный гороскоп и чтение жизни. Я хотела бы узнать, слышали ли вы что-нибудь об этом?" Вторая леди задумалась на мгновение, а затем ответила: "Да, но вы должны помнить, что Палджор недавно умер - я своими глазами видела, как выносили его тело. Разделыватели тел очень благоговейно вынесли его из дома, и два священника сопровождали его до ворот, но своими собственными глазами я видела, как только два священника повернули назад, бедное маленькое тело было бесцеремонно брошено животом вниз на спину пони и отвезено в Рагьяб, чтобы Утилизаторы мертвых могли разделить его на части и скормить стервятникам. От него нужно было избавиться".

"Нет, нет, нет!" - возразила взволнованная собеседница, - вы упускаете всю суть - у вас не может быть большого опыта в этих социальных вопросах; после смерти старшего мальчика этот малыш, Лобсанг, теперь наследник владений и состояния семьи Лхалу, они миллионеры, вы знаете. У них есть деньги здесь, у них есть деньги в Индии, у них есть деньги в Китае. Я думаю, что они, должно быть, самая богатая семья. А этот малыш, почему он должен все это унаследовать? Почему он должен жить в роскоши, когда мы должны работать... Мой муж сказал мне, что, неважно, в один прекрасный день произойдут перемены, мы займем резиденции высших партий и будем жить в роскоши, а они будут работать на нас. Посмотрим, что мы увидим, если только проживем достаточно долго, хвала тому дню.

В сумраке послышался звук медленных шагов. Теперь можно было различить бледные черты лица и черные, черные локоны тибетской женщины. "Я не могла не слышать, что было сказано, - объявила новоприбывшая, - но мы должны помнить, что этому маленькому мальчику, Лобсангу Рампе, предстоит трудная

жизнь, потому что у всех, у кого есть деньги, жизнь действительно очень, очень трудная".

"Ну тогда, - ответила собеседница, - всем нам будет очень легко. Ведь у нас совсем нет денег, не так ли?". С этими словами она разразилась колдовским смехом.

Новоприбывшая продолжила: "Ну, я слышала, что планируется большой праздник, чтобы Великий Владыка Рампа мог провозгласить своего сына Лобсанга своим наследником. Я также слышала, что мальчика собираются отправить в Индию для обучения, и тогда вся проблема будет заключаться в том, чтобы он не попал в руки англичан, потому что англичане пытаются получить контроль над нашей страной, вы знаете, и посмотрите, какой ущерб они уже нанесли. Но нет, этого мальчика, богатого или бедного, ждет тяжелая жизнь, попомните мои слова, попомните мои слова". Голоса стихли, пока три женщины осторожно шли по дороге Лингхор, мимо храма Змеи, мимо Калинг Чу, чтобы пересечь мост Чара Сампа.

Всего в нескольких ярдах от них - а может быть, и больше нескольких ярд! - предмет их беседы, маленький мальчик, которому еще не исполнилось семи лет, беспокойно ворочался на жестком полу своей комнаты. Он более или менее крепко спал, видел обрывочные сны и страшные кошмары; он думал о воздушных змеях и о том, как ужасно будет, если когда-нибудь узнают, что это он запускал воздушного змея, который налетел на путников и так напугал их пони, что один из всадников сорвался и покатился прямо в реку, а всадник был очень важным человеком, помощником аббата одного из ламасерий. Бедный мальчик ворочался и корчился во сне, представляя во сне все страшные наказания, которым подвергнется его протестующее тело, если его когда-нибудь объявят виновным.

Жизнь мальчиков из ведущих семей Лхасы была довольно тяжелой. Эти мальчики должны были служить примером для других, они должны были терпеть лишения, чтобы закалить себя в жизненных битвах, они должны были испытывать большие

лишения, чем те, кто был низкого происхождения, чтобы служить примером, чтобы показать, что даже сыновья богачей, даже сыновья тех, кто правил страной, могут переносить боль, страдания и лишения. А дисциплина для мальчика, которому еще не исполнилось и семи лет, была такой, какую западные мальчики любого возраста никогда бы не вынесли.

Из-за моста доносилось бормотание, бормотание женских голосов: три женщины остановились, чтобы поболтать напоследок, прежде чем каждая отправилась к себе домой. Порывы ветра доносили слова "Рампа", "Ясодхара", а затем бормотание голосов, пока, наконец, гравий под ногами не зашевелился, когда женщины пожелали друг другу спокойной ночи и отправились каждая своей дорогой.

В большой резиденции Лхалу, массивные парадные ворота которой так хорошо выдержали нападения британской пехоты, что они могли получить доступ, только проломив каменную стену, семья спала, все, кроме "Хранителей ночи", тех, кто стоял на страже и называл ночное время и состояние погоды, чтобы любой, кто случайно проснется, знал о ходе ночи.

Рядом с часовней резиденции Лхалу находились покои служителей. Тибетские чиновники самого высокого класса содержали собственные часовни в своих резиденциях, в которых работали один или два священника; резиденция Рампы имела такое значение, что два священника считались абсолютно необходимыми. Каждые три года священники-монахи из Поталы заменялись другими, чтобы те, кто находился на домашней службе, не стали слишком изнеженными из-за своего домашнего уединения. Один из лам, а эти монахи действительно были ламами, присоединился к семье совсем недавно. Другой вскоре должен был уйти, чтобы вернуться в суровую дисциплину ламаистского монастыря, а последний беспокойно метался, размышляя, как бы ему продлить свое пребывание здесь, ведь это был поистине шанс всей жизни - увидеть, как наследнику

великой семьи объявляют его гороскоп, чтобы все могли заранее знать, каким человеком он вырастет.

Это был молодой лама, приехавший в поместье Лхалу с высокими рекомендациями своего настоятеля, но он оказался досадным разочарованием. Его развлечения были не совсем храмовыми, не совсем священническими, поскольку он был одним из тех, кто обладает так называемым "блуждающим взглядом", и его взгляд то и дело останавливался на молодых и симпатичных членах домашнего персонала. Служитель, живший слева от часовни, заметил это и подал жалобу, так что бедному молодому ламе грозило увольнение с позором. Его преемник еще не был назначен, и молодой человек думал, как бы ему оттянуть время, чтобы иметь славу одного из участников предстоящих торжеств и религиозных служб.

Бедный несчастный служитель также испытывал большие затруднения. Леди Рампа действительно была непростой женщиной, порой очень суровой в своих суждениях, склонной осуждать, не давая человеку шанса объяснить, что некоторые из этих трудностей возникли не по его вине. Теперь у него был заказ на товары примерно на три месяца, и - все знали, насколько медлительны индийские торговцы, - но леди Рампа подняла страшный переполох и заявила, что управляющий ставит под угрозу успех всего предприятия своей неэффективностью в получении поставок. "Что я могу сделать?" - бормотал он про себя, ворочаясь на своем одеяле на полу. "Как мне убедить торговцев привозить товары вовремя?" Так бормоча, он перевернулся на спину, его рот открылся, и он издал такой ужасающий храп, что один из ночных сторожей заглянул посмотреть, не умирает ли он!

Леди Рампа тоже беспокойно ворочалась. Она была очень социально озабочена. Ей было интересно, уверен ли распорядитель в очередности, все ли послания написаны, все ли приглашения на специальной бумаге ручной работы перевязаны ленточкой и помещены в палочку, которую быстрые всадники

будут возить на своих пони. Все должно быть сделано правильно, подумала она, нельзя допустить, чтобы нижестоящий получил приглашение раньше, чем его начальник. Такие дела просачиваются наружу, всегда найдутся люди, желающие подставить под удар трудолюбивую хозяйку, которая старается сделать все возможное для престижа своей семьи. Леди Рампа крутилась и вертелась, размышляя о запасах еды, гадая, не прибудет ли что-нибудь вовремя.

Рядом в маленькой комнате сестра Ясодхара немного волновалась. Мать уже решила, что ей надеть на праздник, но это было совсем не то, что хотела Ясодхара, у нее были совсем другие мысли. В конце концов, говорила она себе, это единственное время в году, когда можно по-настоящему рассмотреть мальчиков и понять, кто из них подойдет в мужья в последующие годы, а рассмотреть мальчиков означало, что и она должна чем-то привлечь их - одежда, это должна быть подходящая одежда, ее волосы должны быть хорошо расчесаны с маслом яка, ее одежда должна быть усыпана тончайшим жасмином. Она должна была сделать все возможное, чтобы привлечь того, кто, как она надеялась, станет хорошим мужем в будущем, но ее мать-матери ничего не понимали, они были из ушедшего века, они совершенно не понимали, как молодые девушки должны вести себя в наше время, они забыли о таких вещах. Ясодхара лежала и думала, и думала, и думала, как бы ей добавить ленточку сюда или цветочек туда, как бы ей улучшить свой внешний вид?

Когда ночь становилась все длиннее и длиннее, а новый рассвет, рассвет нового дня, был готов родиться, грохот ворон и звуки труб разбудили крепко спящих домочадцев. Младший Рампа открыл разлепившиеся от сна глаза, хмыкнул и снова перевернулся, чтобы уснуть еще до того, как завершится поворот. Внизу, возле кабинета управителя, ночные сторожа сходили с дежурства, а на их место заступала новая смена. Самые простые слуги проснулись от шума, доносящегося из окружающих

храмов, и вскочили на ноги, с трудом втискиваясь в полусгнившую одежду. В их обязанности входило следить за тем, чтобы тлеющие костры разгорелись и ожили, в их обязанности входила полировка комнат, уборка дома, прежде чем "семья" спустится сюда, чтобы увидеть его в состоянии ночной неопрятности.

В конюшнях, где содержалось множество лошадей, и в хозяйственных постройках на заднем дворе, где размещались яки, слуги рылись, собирая навоз, оставленный там животными за ночь. Высушенный и смешанный с несколькими кусками древесины, он служил основным топливом Тибета.

Повара неохотно вышли на работу, чтобы встретить новый день. Они устали, они были заняты уже несколько недель, готовя еду в фантастических количествах и имея дополнительную задачу - пытаться защитить еду от посягательств маленьких мальчиков и маленьких девочек с проворными пальчиками. Они устали, им надоело все это дело, они говорили друг другу: "Почему бы не начать и не закончить это, чтобы мы могли снова обрести покой. Госпожа еще больше потеряла голову от всех этих приготовлений".

Хозяйка - госпожа Рампа - действительно была занята. Уже несколько дней она сидела в кабинете своего мужа, донимая его секретарей списками всех самых важных людей, живущих в Лхасе, и некоторых избранных из других близлежащих центров. Также она потребовала пригласить подходящих иностранцев, которые впоследствии могли бы оказать благотворное влияние, но тут снова встал вопрос о протоколе и порядке старшинства, кто перед кем, кого в каком либо положении могут оскорбить, когда они считают, что должны быть в том или ином положении. Все это было большой задачей, большим испытанием, большой бедой, и слуги устали получать список на один день и обнаруживать, что на следующий день новый список заменяет тот, что был выдан накануне.

Уже несколько дней все вокруг было вычищено, песок с мелкой зернистостью использовался для придания блеска каменной кладке, потемневшей от старости, крепкие мужчины-слуги с тряпками вокруг ног и тяжелыми каменными глыбами, завернутыми в ткань, трудились вокруг дома, толкая свою тяжелую каменную ношу по полам, которые и без того были зеркально блестящими.

В садах изможденные садовники на руках и коленях перебирали землю, удаляя сорняки, и даже убирали маленькие камешки не того цвета. Хозяйка дома и впрямь была нелегкой хозяйкой, ведь это был кульминационный момент ее жизни: сын и наследник рода Лхалу, тот, кто мог бы стать принцем или - кем? - должен был появиться на свет, и только астрологи могли сказать, какой будет его жизнь, но астрологи не давали никаких намеков, не предвещали, что покажет их Чтение.

Хозяйка дома, жена одного из самых влиятельных людей в мирской жизни Тибета, думала и надеялась, что ее сын покинет страну и получит образование в другом месте, она надеялась, что сможет убедить мужа, что ей следует часто навещать сына, обучающегося в другой стране. Она надеялась посетить разные страны, долгое время она тайком просматривала некоторые журналы, привезенные в Лхасу странствующими торговцами. У нее были свои планы, мечты и амбиции, но все зависело от вердикта главного астролога, а все знали, насколько астрологи могут быть безразличны к социальному положению человека.

Приближалось время, когда должна была состояться эта великое событие. Торговцы входили через Западные ворота и быстрыми шагами направлялись к резиденции Лхалу. Более мудрые - или те, кто обладал большей деловой хваткой, - понимали, что леди Рампа скоро падет жертвой их уловок, если они смогут предложить что-то новое, что-то, чего еще не видели в Лхасе, что-то, что заставит ее соседей и социальных конкурентов воскликнуть в притворном благоговении, которое на самом деле

скрывало разочарование и зависть, что они не получили это первыми.

Поэтому многие торговцы медленно пробирались от Западных ворот по дороге Лингхор, вокруг Поталы, мимо храма Змеи к резиденции Лхалу, чтобы попытаться задобрить хозяйку дома странными экзотическими предметами, которыми она могла бы развлекать и удивлять своих гостей. Некоторые брали свои караваны яков и привозили весь свой товарный запас в резиденцию, чтобы хозяйка могла лично увидеть, что именно они хотят продать, и, конечно, для такого важного случая цены должны быть завышены, потому что ни одна хозяйка, которая действительно была хозяйкой, не осмелилась бы торговаться или спорить по предложенным ценам, боясь, что торговцы упомянут соседям, что госпожа Рампа не может заплатить надлежащую цену, но хочет скидку, или уступки, или образцы.

День за днем проходили караваны с яками, день за днем люди из конюшен забирали щедрость от яков и добавляли ее в кучу топлива, которая быстро росла, и действительно, много дополнительного топлива было необходимо для приготовления пищи, для отопления и для костров, потому что кто может устроить хороший праздник без хорошего костра?

Удовлетворительно очистив землю от сорняков, садовники обратили свое внимание на деревья, следя за тем, чтобы не было сломанных веток, чтобы не было мертвых ветвей, которые могли бы выглядеть неприглядно и вызвать обвинения в неухоженности сада. Еще более неприятным было бы, если бы какая-нибудь маленькая веточка упала на знатную даму и растрепала ее прическу, которая часами укладывалась на специальную лакированную деревянную рамку. Садовники устали от вечеринок, устали от работы, но не смели расслабляться, потому что леди Рампа, казалось, следила за всеми, и не успевал человек присесть на минутку, чтобы дать отдых больной спине, как она появлялась с яростным криком, что он затягивает дело.

Наконец порядок очередности был определен и утвержден самим Великим Владыкой Рампой, который лично приложил свою печать к каждому из приглашений, так как они были тщательно подготовлены монахами-переписчиками. Бумага была специально изготовлена для этого случая, это была плотная бумага с неровным краем, почти как у колоды. Каждый лист был примерно двенадцать дюймов в ширину и два фута в длину. Эти приглашения не соответствовали обычному размеру или образцу, используемому в ламасери; в ламасери бумага шире, чем в длину, но когда были очень важные приглашения, их писали на более узкой бумаге, которая была примерно вдвое длиннее, чем в ширину, потому что после того, как приглашение было принято, бумагу прикрепляли к двум бамбуковым прутьям, богато украшенным на концах, а затем приглашение аккуратно подвешивали на нитку и использовали в качестве украшения, чтобы показать, насколько важным был получатель.

Владыка Рампа был одной из семей Верхней Десятки в Лхасе. Сам лорд Рампа на самом деле был одним из Верхних Пяти, но леди Рампа была одной из Верхних Десяти, иначе они не могли бы пожениться. Ввиду того, что каждый из них имел столь высокий социальный статус, на приглашении должны были быть поставлены две печати, одна для его светлости и одна для ее светлости, а затем, поскольку они были женаты и имели такое обширное поместье, у них была третья печать, известная как печать поместья, и она тоже должна была стоять на документе. Каждая печать была разного цвета, и леди Рампа со служителем были в состоянии, граничащем с бешенством, чтобы посыльные не были неуклюжими и не сделали что-нибудь, что могло бы расколоть хрупкие, ломкие печати.

Были приготовлены специальные палочки для посланий. Они должны были быть совершенно одинаковой длины и почти одинаковой толщины, на одном конце каждой из них была специальная прорезь, в которую помещалось послание. Чуть ниже прорези крепилась деталь, на которой был изображен

фамильный герб. Ниже герба располагались узкие нити очень прочной бумаги, на которых были напечатаны молитвы с надеждой на защиту гонца и безопасную доставку посланий, а также с надеждой на то, что получатель сможет принять приглашение.

В течение некоторого времени гонцов тщательно тренировали в самой внушительной манере, чтобы они могли ездить и доставлять послания. Они сидели на лошадях, размахивая в воздухе палками с посланиями, словно копьями, а затем по сигналу выезжали вперед и один за другим приближались к капитану гвардии, который их тренировал. Тот, притворяясь хозяином дома или управляющим, милостиво принимал послание от протянутого и наклоненного к нему посоха. Он с большим уважением принимал послание и кланялся гонцу, который, в конце концов, был представителем "семьи". Посланник кланялся в ответ, садился на коня и уезжал галопом, откуда приехал.

Когда все послания, или приглашения, были готовы, их расставляли в порядке старшинства, и самый импозантный гонец брал самое важное послание, и так далее, а затем они галопом отправлялись передавать приглашения. Другие гонцы выходили вперед, каждый брал послание, клал его в расщелину палки и уносился галопом. Вскоре они возвращались, и вся процедура повторялась снова, пока, наконец, все приглашения не были разосланы, и теперь наступало время, когда управляющий и остальные должны были сидеть и ждать, ждать и ждать, и гадать, сколько человек примут приглашения. Не слишком ли много еды? Не слишком ли много? Это изматывало нервы.

Некоторые гости довольствовались бы садами, особенно если их социальный статус был недостаточен, чтобы быть принятыми в доме, но другие - они были важнее, и им пришлось бы войти в дом, а представители духовенства захотели бы увидеть часовню. Поэтому весь лак с алтарей и алтарных перил был снят, и люди работали горстями ткани, которую окунали во влажный песок и скребли, и скребли, и скребли, пока дерево под лаком не стало

ярким и новым. Затем наносился специальный грунтовочный слой, а когда он высыхал, лак, много слоев лака, самым тщательным образом наносился на алтари и перила, так что в итоге поверхность блестела, как поверхность тихой воды в солнечный день.

Бедных несчастных слуг вызывали к хозяйке дома и управляющему, и их тщательно осматривали, чтобы убедиться, что их одежда подходит и что все чисто. Если одежда не проходила проверку, ее тщательно стирали, для чего готовили большие котлы с горячей водой. Наконец, когда напряжение достигло своего апогея, все приглашения были отвечены, все слуги проверены, а все их особые одежды отложены в сторону, чтобы не надевать их до самого Дня. И вот усталые домочадцы сидели поздним вечером и ждали рассвета нового дня, когда Судьба будет явлена.

Медленно опускалось солнце за западные горы, посылая вверх мириады сверкающих точек света от вечно пылающих дымов, срывающихся с вершин; снег светился кроваво-красным, затем потемнел до синего и далее до фиолетового. В конце концов осталась лишь слабая дымка темноты неба и сверкающие точки света, которые были звездами.

В резиденции Лхалу таинственные точки света появлялись среди ухоженных деревьев. Случайный путник на дороге Лингхор замедлил шаг, замешкался, сделал движение, как бы собираясь идти дальше, а затем повернулся и пошел назад, чтобы увидеть, что было на ногах, или, точнее, что было на земле!

Из садов доносились возбужденные голоса, и путник не смог удержаться от соблазна продолжить разговор и выяснить, что же стало причиной столь громких голосов и, судя по всему, ссоры. Как можно тише он взобрался на грубую каменную стену и уперся грудью в вершину, подперев голову руками, после чего его взору предстало поистине необычное зрелище. Там стояла хозяйка дома, леди Рампа, пухленькая, невысокая, почти квадратная. По обе стороны от нее стояли двое высоких слуг,

каждый из которых нес зажженную масляную лампу и старался прикрыть колеблющееся пламя, чтобы оно не погасло и не вызвало гнев ее светлости.

Недовольные садовники безучастно двигались среди деревьев, закрепляя маленькие масляные лампы на некоторых нижних ветвях, а затем с помощью кремня и стальных искр разжигали хворост. От энергичного раздувания получалось пламя, а от него кусок хорошо смоченной в масле палочки использовался для передачи пламени на масляные лампы. Леди не была уверена, куда именно она поставит лампы, и бесконечно возилась в темноте, а маленькие мерцающие огоньки лишь усиливали пурпур ночи. Наконец поднялась суматоха, и на улицу вышла очень крупная фигура, крича от ярости: "Вы губите мои деревья, мои деревья, мои деревья - вы губите мои деревья. Я не потерплю этой чепухи. Немедленно погасите эти лампы!" Владыка Рампа очень гордился своими замечательными деревьями, деревьями и садами, которые славились по всей Лхасе. Он действительно был в бешеном волнении, если бы вдруг был нанесен ущерб некоторым из недавно распустившихся цветов на деревьях.

Его жена, ее светлость, повернулась к нему с возвышенной миной и сказала: "Вы действительно выставляете себя напоказ, мой господин, перед слугами. Неужели вы думаете, что я не в состоянии справиться с этим делом? Это мой дом, как и твой. Не мешайте мне". Бедный лорд зафыркал, как бык, и можно было представить, как из его ноздрей вырывается огонь. Он сердито повернулся на месте и поспешил обратно в дом, раздался звук захлопнувшейся двери, звук настолько сильный и тяжелый, что любая менее прочная дверь наверняка разлетелась бы от удара.

"Благовония, Тимон, благовония! Ты совсем глупый человек? Положи его туда, не думай о том, чтобы зажечь его сейчас - положи его туда". Бедный Тимон, один из домочадцев, с трудом справился с тяжелым мангалом, но это был не один мангал, а несколько. Ночь становилась все темнее и темнее, а хозяйка дома все не успокаивалась. Но наконец подул прохладный ветер,

появилась луна и залила все морозным светом. Человек, выглядывающий из-за стены, усмехнулся про себя и опустился на дорогу, чтобы продолжить свой путь, бормоча про себя: "Ну и ну! Если такова цена благородства, то я рад быть всего лишь скромным торговцем". Его шаги затихли в темноте, и в саду одна за другой погасли масляные лампы. Персонал и хозяйка дома ушли. В саду ночная птица учуяла странный необычный запах, исходивший от одной из масляных ламп, фитиль которой еще тлел, и улетела с испуганным криком протеста.

В доме поднялся переполох: мальчик исчез, наследник поместья, юный принц - где он теперь? Его не было в постели. Началась паника. Мать решила, что он сбежал, испугавшись суровости отца. Отец думал, что он сбежал, испугавшись гнева матери, потому что в тот день бедный мальчик ничего не сделал правильно. Весь день его преследовали неприятности: сначала за то, что испачкался, потом за то, что порвал одежду, потом за то, что не был там, где должен был быть в определенное время, потом за то, что не пришел вовремя к обеду; все складывалось для него неправильно.

Слуг разбудили, все обыскали, зажгли масляные лампы, задымили кремень и золу. Процессия слуг обошла все сады, зовя молодого господина, но безрезультатно - его не нашли. Сестру Ясодхару разбудили, чтобы спросить, не может ли она объяснить, куда делся ее брат, но нет - она вытерла затуманенные глаза тыльной стороной ладони, снова легла и уснула, пока сидела.

Слуги поспешили по дороге в темноте, чтобы проверить, не ушел ли мальчик. Другие слуги обыскали дом сверху донизу, и в конце концов в кладовой нашли Лобсанга, который спал на мешке с зерном, а по бокам от него сидели кошки, и все трое храпели. Но недолго! Отец бросился вперед с яростным ревом, который, казалось, почти сотрясал стены, а пыль из мешков с зерном прыгала и танцевала в воздухе. Лампы, которые несли слуги, мерцали, одна или две погасли. Бедного мальчика крепко обхватили за шею, а одна могучая рука подняла его высоко вверх.

Мать бросилась вперед и закричала: "Стой! Стой! Смотри, не помни его, потому что завтра он станет центром внимания всей Лхасы. Просто отправьте его в постель". Тогда бедного мальчика от души и с такой силой толкнули вперед, что он упал на лицо. Один из слуг поднял его и унес. От кошек не осталось и следа.

Но в великой Потале, на уровне, отведенном для астрологов, активность все еще продолжалась. Главный астролог тщательно проверял свои цифры, тщательно сверял свои карты, репетировал то, что он собирался сказать, отработывал интонацию, которая была ему необходима. Вокруг него ламы-астрологи брали каждый лист бумаги и с двумя другими ламами проверяли, чтобы каждый лист был расположен в правильном порядке, здесь не могло быть возможности ошибки, возможности читать не с той страницы и подвергнуть сомнению репутацию Коллегии астрологов. По завершении работы над каждой книгой сверху клали деревянную обложку и скрепляли книгу вдвое большим количеством лент, чем обычно, чтобы все было в два раза надежнее.

Монах, назначенный личным помощником главного астролога, тщательно чистил свой лучший халат, проверяя, чтобы знаки зодиака, которыми он был украшен, были яркими и надежно закреплены. Затем, поскольку он был пожилым человеком, он использовал две палочки, и эти две палочки тщательно осматривались на предмет каких-либо незамеченных изъянов или трещин, после чего передавались монаху-полировщику, который полировал их, пока они не блестели, как начищенная медь.

Из храмовых помещений доносились звуки гонгов, трубачей и шум торопливых шагов, когда религиозные монахи отправлялись на свою первую ночную службу. Монахи-астрологи были освобождены от участия в службе из-за важности возложенной на них задачи, потому что они не могли рисковать, бросая всё, чтобы пойти на службу, а наутро обнаружить, что в неё вкралась какая-то ошибка.

И вот, наконец, масляные лампы были погашены одна за другой. Вскоре не осталось никакого света, кроме света небес, света звезд и луны, но свет звезд и луны дополнялся яркими бликами от озер и рек, пересекающих равнину Лхасы. Время от времени ослепительные водные потоки обрушивались в виде каскада сверкающих, словно расплавленное серебро, струй, когда какая-нибудь огромная рыба выныривала на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

Все было тихо, кроме кваканья лягушек и криков ночных птиц вдалеке. Луна плыла в одиноком великолепии по пурпурному небу, свет звезд померк, так как облака из Индии заслонили их мерцание. На землю опустилась ночь, и все, кроме ночных созданий, спали.

Глава третья

Первый слабый свет появился над изрезанным восточным горизонтом. Огромные горные хребты возвышались в суровой черноте, а за ними небо становилось светлым.

На самом верхнем этаже ламасерий стояли монахи и ламы, готовые приветствовать новый день; самый верхний этаж - крыша - для каждого случая имелась специальная платформа или парапет, на котором на подставках стояли большие раковины и трубы длиной от пятнадцати до двадцати футов.

Долина Лхасы была непроглядно черной. Луна уже давно зашла, а звезд стало меньше из-за бледного неба за Восточными горами. Но долина Лхасы все еще спала, все еще жила в кромешной тьме ночи, и только когда солнце поднялось высоко над горами, глубоко запрятанные ламасерии и дома приветствовали дневной свет.

То тут, то там по всей долине беспорядочно появлялись редкие точки света, когда ламе, повару или пастуху приходилось готовиться к очень раннему началу работы. Слабые, тусклые

отблески лишь подчеркивали бархатную черноту, настолько черную, что нельзя было различить даже ствол дерева.

Свет за Восточными горами усиливался. Сначала появилась яркая вспышка света, затем красный луч, за которым сразу же последовало то, что казалось абсолютно зеленым оттенком света, который был одной из особенностей раннего утреннего восхода и позднего вечернего заката. Вскоре появились более широкие лучи света, и через несколько минут появилось поразительное золотистое сияние, очертившее высокие вершины, показывающее вечно лежащий снег, отражающийся от высоких ледников и проецирующий вниз в долину первые признаки наступившего дня. С первым появлением солнца над самым верхним краем гор лампы сильно дунули в свои трубы, а другие затрубили в раковины так, что казалось, сам воздух сотрясался от звука. Однако немедленной реакции на шум не последовало, потому что жители Долины хорошо привыкли к звукам труб и раковин и могли игнорировать их так же, как люди в городах игнорируют рев самолетов, грохот мусоросборников и все остальные шумы "цивилизации".

Однако то тут, то там сонная ночная птица испуганно щебетала, а затем снова клала голову под крыло и засыпала. Теперь наступало время дневных существ. Постепенно дневные птицы просыпались, сонно попискивая и хлопая крыльями, чтобы избавиться от ночной тишины. То тут, то там проносились перышки, и по прихоти бродячего ветерка их сдувало вниз.

В водах Ки Чу и у храма Змеи рыба лениво шевелилась после ночного дрейфа у поверхности. Рыба в Тибете всегда могла подняться на поверхность, потому что буддисты не лишают жизни, а рыбаков в Тибете нет.

Старик дернулся при звуках горна и реве раковины, дернулся и сонно сел прямо. Из своего низкого положения он посмотрел на небо, а затем его осенила внезапная мысль, и он со скрипом поднялся на ноги. Кости его одеревенели, мышцы устали, поэтому он осторожно поднялся, подошел к окну и выглянул

наружу - посмотреть на пробуждающийся город Лхасу. Под ним, в деревне Шё, один за другим начинали появляться маленькие огоньки: зажигались масляные лампы, чтобы у чиновников, которым предстоял этот день, было достаточно времени для подготовки.

Пожилой астролог дрожал от предрассветной прохлады и плотнее натягивал на себя халат. Мысли неизбежно вернулись к поместью Лхалу, которое не было видно с его точки обзора, поскольку он смотрел на деревню Шё и город Лхасу, а резиденция Лхалу находилась по другую сторону Поталы, напротив стены с резными фигурами, которая так привлекала странствующих паломников.

Старик медленно опустил на свои одеяла и стал отдыхать, обдумывая события прошедшего дня. Этот день, думал он, станет одним из кульминационных моментов его карьеры, возможно, самым кульминационным моментом. Старик уже чувствовал на себе руку приближающейся смерти, он ощущал, как замедляются процессы в его теле, он чувствовал, как истончается его Серебряный шнур. Но он был рад, что есть еще одна функция, которую он может выполнить и принести пользу офису главного астролога Тибета. Так размышляя, он задремал, но проснулся от неожиданности, когда в комнату ворвался лама, восклицая: "Достопочтенный астролог, настал день, нам нельзя терять время, мы должны еще раз проверить гороскоп и порядок, в котором должны быть представлены точки. Я помогу вам подняться, достопочтенный астролог". С этими словами он наклонился, обнял старика за плечи и осторожно поднял его на ноги.

К этому времени свет быстро увеличивался, солнце очистилось от восточного горного хребта и отражало свет на западную сторону долины; в то время как дома и ламасери, расположенные прямо под восточным хребтом, были еще во тьме, те, что находились на противоположной стороне, были почти полностью освещены дневным светом.

Потала просыпалась. Возникло странное шевеление, которое всегда возникает у людей, когда они приводят себя в движение в начале дня, возникло ощущение осознания того, что здесь находятся люди, готовые продолжать порой утомительное дело жизни. Звенели маленькие серебряные колокольчики, время от времени раздавался звук раковины, а может быть, и медный звук трубы. Старый астролог и окружающие его люди не замечали лязга и вращения молитвенных колес, они были настолько частью их повседневного существования, что уже давно не воспринимали шума, издаваемого молитвенными колесами, так же как не замечали они и молитвенных флагов, развевающихся на утреннем ветерке на высотах Поталы. Только прекращение этих звуков могло быть замечено испуганными людьми.

По коридорам зашаркали ноги, задвигались тяжелые двери. Откуда-то доносилось пение псалмов, религиозных псалмов, псалмов, снова приветствующих новый день. Но у старого астролога не было времени обращать внимание на подобные вещи, ведь сейчас ему предстояло прийти в полное сознание и заняться теми функциями, которые так необходимы после ночи сна. Вскоре он должен был принять утреннюю трапезу из цампы и чая, а затем отправиться на ритуал подготовки к Чтению, которое ему предстояло провести в этот день.

В доме семьи Лхалу слуги уже не спали. Леди Рампа тоже не спала. И лорд Рампа, наспех позавтракав, с радостью сел на коня и вместе со своими сопровождающими поскакал в офис правительства в деревне Шё. Он действительно был рад уехать от жены, от ее суетливой официальности и чрезмерно ревностного подхода к событиям, с которыми они столкнулись. Ему пришлось рано приступить к работе, потому что в конце дня ему предстояло вернуться, чтобы сыграть роль любезного хозяина, которым был принц Лхасы.

Наследник владений Рампы был разбужен и пришел в себя с большой неохотой. Сегодня был "его" день, но, подумал он с некоторым замешательством, как он мог быть его днем, когда

мать собиралась извлечь из него такую выгоду для общества. Будь его воля, он бы забыл об этой идее и исчез на берегу реки, чтобы посмотреть, как лодочник переправляет людей через реку, и, возможно, когда людей будет немного, ему удастся уговорить лодочника дать ему бесплатный проезд туда и обратно, всегда под предлогом, конечно, что он будет помогать переправлять паром.

Бедный несчастный мальчик был очень недоволен жестокосердным слугой, который тщательно намазывал его волосы маслом яка, а затем заплетал тугой косичкой с диковинными завитушками. Масло яка замешивалось в хвост, пока тот не стал почти неподвижным, как ивовый прут.

Около десяти часов утра раздался шум и топот лошадей, и во двор въехала группа людей. Лорд Рампа и его сопровождающие вернулись из правительственных учреждений, потому что было необходимо, чтобы семья отправилась в собор Лхасы, чтобы поблагодарить за тайны, которые должны были быть открыты в этот день, и, конечно, чтобы священникам, готовым поверить, что "черные головы" нерелигиозны, показать что именно "черные головы" религиозны. В Тибете у монахов бритые головы, а у простых людей, мирян, длинные волосы, чаще всего черные, и из-за черных волос их называли "черноголовыми".

Люди ждали во дворе, леди Рампа уже сидела на пони, и ее дочь Ясодхара. В последний момент наследника семьи схватили и бесцеремонно водрузили на пони, который, казалось, с такой же неохотой поехал. Ворота снова открылись, и все выехали с владыкой Рампой во главе. Около тридцати минут они ехали в странной тишине, пока, наконец, не подъехали к маленьким домикам и магазинчикам, окружавшим собор Лхасы, собор, который стоял здесь многие сотни лет, чтобы служить местом поклонения для благочестивых людей. Оригинальные каменные полы были глубоко выщерблены и изрезаны шагами паломников и экскурсантов. Вдоль входа в собор стояли молитвенные колеса - действительно большие штуки, и каждый человек, проходя

мимо, поворачивал колесо, как это было принято, так что создавался очень любопытный звон, который имел почти гипнотический эффект.

Внутри собора царил тяжелый, всепоглощающий аромат ладана и воспоминаний о благовониях, которые сжигались в течение последних тринадцати или четырнадцати сотен лет. На тяжелых черных балках крыши, казалось, росли облака благовоний: голубоватый дым, серый дым, а иногда и дым коричневатого оттенка.

Здесь были различные Боги и Богини, представленные в золотых, деревянных и фарфоровых фигурках, и перед каждым из них лежали подношения паломников. Время от времени подношения убирали за металлическую сетку, чтобы защитить их от паломников, чья набожность была побеждена желанием приобщиться к богатству богов.

В тусклом здании горели тяжелые свечи, от которых исходили мерцающие тени. Даже маленькому мальчику, которому еще не исполнилось семи лет, было отрезвляюще подумать о том, что эти свечи поддерживались путем поливания маслом на протяжении тринадцати или четырнадцати сотен лет. Бедный мальчик, глядя вокруг себя широко раскрытыми глазами, думал: "Вот закончится этот день, и, возможно, я смогу уехать в какую-нибудь другую страну, подальше от всей этой святости". Он еще не знал, что его ждет!

Большая кошка вяло про It was a sobering thought шествовала вперед и потерлась о ноги наследника семьи Рампа. Мальчик остановился и опустился на колени, чтобы поласкать большую кошку, которая замурлыкала от восторга. Коты-хранители храма, пронизательные ученики человеческой природы, которые с первого взгляда могли определить, кто может попытаться украсть, а кому можно доверять. Обычно такие коты никогда, никогда не подходили ни к кому, кроме своего собственного хранителя. На мгновение среди зрителей воцарилась неожиданная тишина, а некоторые монахи замешкались с

песнопением, когда их взгляды устремились на мальчика, стоящего на коленях возле большой кошки. Однако картина вскоре была испорчена, потому что Лорд Рампа, его лицо побагровело от гнева, наклонился и поднял мальчика за шиворот, встряхнул его, как домохозяйка вытряхивает пыль, дал ему пощечину по уху, от которой мальчик подумал, что началась гроза, а затем снова бросил его на ноги. Кот повернулся к Его Сиятельству и издал очень долгое, громкое шипение, а затем с достоинством повернулся и зашагал прочь.

Но пришло время возвращаться в резиденцию Лхалу, так как скоро должны были прибыть гости. Многие гости приходили рано, чтобы успеть выбрать из того, что им предлагалось, а предлагалось им лучшее место в саду. Так что гости покинули пределы собора и снова вышли на улицу. Мальчик поднял глаза и увидел флаги, развевающиеся над дорогой, ведущей в Индию, и подумал: "Скоро ли я окажусь на этой дороге, ведущей в другую страну? Наверное, я скоро узнаю, но, боже мой, я бы хотел чего-нибудь поесть".

Группа поехала дальше по своим следам, и через двадцать пять - тридцать минут они снова оказались во дворе дома, где их встретил встревоженный служащий, который подумал, что, возможно, произошла какая-то задержка и ему придется объяснять раздраженным гостям, что хозяин и хозяйка безотчетно задержались в соборе.

Было время для торопливой трапезы, а затем наследник поместья бросился к окну на неожиданные звуки, приближающиеся по дороге. Прибывали монахи-музыканты, их музыкальные инструменты звенели, когда они ехали по дороге на своих пони. Время от времени монах делал пробный удар в трубу или кларнет, чтобы убедиться, что они в ладу. Время от времени монах от души бил в барабан, чтобы убедиться, что кожа натянута правильно. В конце концов они вышли во двор и пошли по боковой дорожке в сад, аккуратно положив свои инструменты на землю. Положив инструменты, они с радостью потянулись за

тибетским пивом. Пиво было в изобилии, чтобы подготовиться, чтобы быть в правильном настроении, чтобы играть веселую музыку, а не мрачную классику.

Но заниматься музыкантами было некогда, прибывали первые гости. Они прибывали целыми толпами. Казалось, вся Лхаса движется к резиденции Лхалу. Сюда прибыла небольшая армия людей на лошадях, все они были хорошо вооружены, это было что-то вроде армии вторжения, посланной англичанами, но эта армия была вооружена только потому, что этого требовали церемония и протокол. Они ехали с мужчинами снаружи, а между рядами мужчин ехали женщины, где они были надежно защищены от любого воображаемого нападения. Копья и пики вооруженных слуг были богато украшены флагами и вымпелами. Тут и там, когда в отряде находился монах, с посоха развевались молитвенные флаги.

В самом дворе стояли две шеренги слуг, возглавляемые с одной стороны управляющим, а с другой - главным домашним жрецом. Было много церемоний с поклонами, ответными поклонами и снова поклонами, когда гостей вводили в дом. Каждому гостю помогали сойти с лошади, словно, как думал наследник дома, все они были парализованными манекенами. Их лошадей отводили в сторону и давали обильный корм. Затем, в зависимости от статуса гостей, их либо выводили в сад и оставляли на произвол судьбы, либо провожали в дом, где они с восторгом обсуждали те или иные предметы, которые были выставлены специально для того, чтобы произвести впечатление на гостей! Конечно, в Тибете шарфы дарят и принимают, и было много путаницы, когда прибывающие гости дарили шарфы, а затем получали их в ответ. Иногда случался неловкий инцидент, когда какой-нибудь озадаченный слуга бездумно передавал обратно гостю шарф, который тот только что подарил, появлялись смущенные улыбки и бормотание извинений, но вскоре все улаживалось.

Леди Рампа краснела лицом и сильно вспотела. Она была в ужасе, что старый астролог - главный астролог всего Тибета - должно быть, умер, или упал в реку, или был затоптан лошадьё, или еще какое-нибудь подобное несчастье, потому что от него не было известий, а целью всего события было предсказание будущего для наследника дома. Без главного астролога это было невозможно.

Слуга был отправлен на бегу подняться на самый верх дома и посмотреть в сторону Поталы, нет ли признаков приближающейся кавалькады, которая возвестила бы о скором прибытии астролога. Слуга удалился, и вскоре его увидели на самой верхней крыше, он жестикулировал руками и в волнении танцевал джигу.

Леди Рампа была в ярости, совершенно расстроенная, она понятия не имела, что пытался передать слуга, похоже, он был больше пьян, чем что-либо другое. Поэтому она поспешно послала нового слугу, чтобы тот доложил ей о происходящем. Вскоре оба слуги прибыли вместе и объяснили, что астрологическая кавалькада как раз пересекает равнину Ки Чу. Это был сигнал к усилению ажиотажа. Леди Рампа вывела всех из дома в сад и велела занять свои места, потому что великий главный астролог должен прибыть с минуты на минуту. Монахи-музыканты выпрямились и начали играть, заставляя воздух дрожать и вибрировать от волнения, которое они вкладывали в это событие.

Сады поместья Лхалу были большими и очень ухоженными. Здесь были деревья со всего Тибета и даже некоторые из Индии, из Бутана и Сиккима. Кустарники тоже росли в большом изобилии, экзотические цветы радовали глаз. Но сейчас в этом чудесном саду толпились заядлые экскурсанты, люди, которые не думали о садоводстве, люди, которые были здесь ради СЕНСАЦИИ. Великий Лорд Рампа уныло бродил по саду, грыз костяшки пальцев от мучительного разочарования и в то же

время пытался приветливо улыбаться тем людям, которых, по его мнению, он должен был одарить.

Леди Рампа почти измотала себя беготней; она постоянно суежилась, пытаясь убедиться, что лорд Рампа не слишком строг, пытаясь узнать, чем занят наследник поместья, чем заняты слуги, и следя за прибытием главного астролога.

Послышался звук шагов лошадей. Управляющий поспешил к главным воротам, которые были тщательно закрыты за ним. Он стоял наготове, чтобы в нужный момент приказать открыть их для максимального эффекта.

Гости услышали лошадей и теперь стекались из сада в очень большую комнату, которая по случаю праздника была превращена в трапезную-приемную. Здесь их ждал чай с маслом и, конечно же, деликатесы из Индии - очень сладкие липкие пирожные, которые эффективно поглащались и не давали так много говорить!

Тут раздался звук гонга глубокого тона, его голос эхом разнесся по всему зданию, это был могучий гонг высотой около пяти футов, который использовался только в самых торжественных случаях. Сейчас высокопоставленный слуга стоял возле него и наносил особые удары, которые он уже несколько дней отрабатывал на маленьком гонге.

Прогремел гонг, ворота распахнулись, и во двор въехала кавалькада молодых монахов, лам и главного астролога. Это был старик, обветренный, маленький, лет восьмидесяти. Рядом с ним, почти нога в ногу, ехали двое лам, единственной обязанностью которых было следить за тем, чтобы старик не упал и не был растоптан ногами.

Лошади остановились, прекрасно понимая, что путешествие подошло к концу и теперь их будут хорошо кормить. Два ламы-помощника соскочили с лошадей и осторожно подняли старого астролога. Затем Владыка Рампа вышел вперед, и произошел обычный обмен шарфами, обычные поклоны и ответные

поклоны. Затем главный астролог и владыка Рампа вошли в приемную, где все собравшиеся поклонились ему.

На несколько мгновений воцарилось некоторое замешательство и суматоха. Затем Главный астролог, вежливо отведая предложенный чай с маслом, жестом подозвал двух лам, которые несли записи и диаграммы.

Снова зазвучал гонг глубокого тона - бум, бум, бум-бум. Дальний конец приемной был распахнут, и главный астролог и два его ламы прошли вперед через дверь и вышли в сад, где был возведен большой шатер, специально привезенный из Индии. Одна сторона шатра была открыта, чтобы максимальное количество людей могло видеть и слышать происходящее. Внутри шатра был установлен возвышенный помост с перилами с трех сторон, а спереди находились четыре сиденья.

Главный астролог и два его помощника-ламы подошли к помосту, затем появились четверо слуг, которые несли вертикальные шесты, на конце которых были большие факелы, показывающие, что эти люди признают, что здесь, в этом шатре, находится пламя знания.

Затем появились четыре трубача. Они заиграли фанфары. Они должны были привлечь внимание к лорду и леди Рампе, потому что их сын, наследник поместья Лхалу, был причиной всего этого "переполоха", как сказал один из зрителей. Лорд и леди медленно поднялись на помост и встали за четыремя стульями.

С другой стороны, со своей свитой, появились два очень старых человека из Ламасерии Государственного Оракула. Эти два старика из Ламасерии Нечунга были, после Главного астролога, самыми опытными астрологами в стране, они сотрудничали с Главным астрологом, просматривали цифры, диаграммы и вычисления, и на каждом из листов гороскопа стояли печати одобрения каждого из этих людей.

Главный астролог встал. Остальные сидели. Внезапно на собравшуюся компанию опустилась тишина. Главный астролог окинул взглядом толпу, на несколько мгновений застыв в

молчании, а затем по жесту двое лам вышли вперед, по одному с каждой стороны от него. Тот, что справа, держал собранную книгу гороскопа, тот, что слева, осторожно снимал верхнюю деревянную дощечку, и главный астролог читал свои замечания.

Людям приходилось напрягаться, потому что с возрастом у астролога появился тонкий высокий голос, который для сидящих на заднем плане сливался с щебетанием птиц на самых верхних ветвях.

Его вступительное слово было ритуальным для таких случаев: "Боги, дьяволы и люди ведут себя одинаково, - сказал он, - поэтому будущее можно предсказать, но оно не является неизменным. Будущее может, в определенных пределах, быть изменено. Поэтому мы можем предсказывать только вероятности, а предсказав вероятности, предсказав хорошее и плохое, мы должны оставить остальное тем, чьи гороскопы мы читаем". Он остановился и посмотрел вокруг себя, а лама слева снял верхний лист, оставив обнаженным второй.

Астролог глубоко вздохнул и продолжил: "Перед нами самый замечательный гороскоп, который мы втроем когда-либо составляли". Он повернулся и слегка поклонился двум своим коллегам. Затем, прочистив горло, он продолжил: "Это гороскоп маленького мальчика шести лет от роду. Это самый сложный гороскоп и самая сложная Жизнь, с которой мы сталкивались".

Лорд и леди Рампа беспокойно переглянулись. Конечно, все складывалось не так, как они ожидали, и они были совсем не рады. Но, как и положено в их касте, они сохраняли непостижимое выражение лица. Стоявший позади них виновник всех бед, наследник поместья Лобсанг Рампа, и в самом деле чувствовал себя мрачно. Все это пустая трата времени. Сколько людей должно было переплыть реку? Что делал лодочник? Все ли в порядке с кошками? Ему казалось, что он должен стоять здесь, как чучело, пока трое древних, почти окаменевших человека решают, что ему делать со своей жизнью. Конечно, подумал он, у него должно быть право голоса в том, что он

собирается делать. Люди говорили ему, как замечательно быть наследником такого огромного состояния, говорили, какой заслугой он может быть перед своими родителями. Что ж, подумал он, он хотел быть простым паромщиком, хотел присматривать за кошками где-нибудь; конечно, он не хотел работать.

Но астролог продолжал говорить, и в аудитории воцарилась полная тишина, они действительно были в восторге. "Этот мальчик должен пойти в Медицинскую Ламасерию в Чакпори, он должен будет совершить покаяние и оказать почтение, прежде чем ему будет позволено войти, а войдя, он должен начать как самый низкий из низших и работать над собой. Он должен изучить все медицинские искусства Тибета, он должен некоторое время заниматься тем, что почти не упоминается; он должен работать с Утилизаторами мертвых, чтобы, разрезая тела, понять строение человеческого тела. Сделав это, он вернется в Чакпори и будет учиться снова. Ему откроются самые сокровенные тайны нашей земли, нашей веры и нашей науки".

Старик протянул руку, и служитель быстро подал ему маленькую серебряную мензурку с какой-то жидкостью, которую он посмотрел, а затем проглотил. Служитель осторожно вернул серебряную мензурку обратно и наполнил ее, приготовив к следующему требованию.

Астролог продолжил: "Тогда наступит время, когда он не сможет больше оставаться в нашей стране, вместо этого он должен отправиться в Китай, чтобы изучать медицину по западному образцу, ибо в Чунгкинге есть Западная школа медицины. В этой школе медицины он возьмет себе новое имя, ибо да не будет известно, что наследник Лхалу будет иметь дело с телами. Позже он узнает нечто, что сейчас для нас совершенно непонятно, это то, что еще не появилось, то, что еще не изобретено должным образом. Нашим опытным мозгам кажется, что он может делать что-то, что влечет за собой полет по воздуху, но это не левитация, которую некоторые из нас могут делать

здесь, в Лхасе. Так что в этом конкретном аспекте я должно быть неясен, потому что в действительности это наиболее непонятно для нас троих. Мальчик, который потом станет юношей, должен будет сам разобраться в этом, он будет летать по воздуху каким-то способом. На наших фотографиях изображено нечто похожее на воздушных змеев, с которыми мы знакомы, но этот конкретный змей не привязан к земле веревкой, вместо этого он, похоже, управляется теми, кто на нем летает".

Среди прихожан раздалось много бормотания и настоящего шепота. Это были чудеса, нагроможденные на чудеса, никогда прежде о таких вещах не говорили. На мгновение послышалось беспокойное шарканье ног, а затем астролог сделал еще один глоток и вернулся к уменьшающимся к этому времени листам бумаги.

"Ему предстоят огромные страдания, огромные лишения, он вступит в войну со злыми силами, несколько лет будет находиться в заточении и подвергнется таким страданиям, какие выпадали на долю немногих, целью которых будет очищение и рассеивание остатков любой чувственности, а также укрепление силы мозга, чтобы выстоять. Позже он вырвется из рук своих пленителей после огромного взрыва, который повергнет в смятение всю страну, а может быть, и весь мир. Он будет путешествовать с помощью средств, которые мы не можем определить, через огромный континент, и в конце этого путешествия он снова будет несправедливо заключен в тюрьму, и страдания постигнут его там по крайней мере с такой же силой, как и в другом заключении. Наконец, благодаря вмешательству неизвестных людей, он будет освобожден и вынужден покинуть этот великий континент. Он будет странствовать по многим странам, встречая многих людей, видя многие культуры, узнавая многие вещи. И вот, наконец, он попадает в страну, где его снова не примут из-за его отличия. Страдания сильно изменят его, и он уже не будет казаться нам человеком, а будет казаться другим. А

когда люди встречаются что-то другое, они боятся этого, а то, чего они боятся, они ненавидят и пытаются уничтожить".

Старик выглядел усталым. Наконец старший служитель вышел вперед, что-то пробормотал астрологу, а затем сказал: "У нас будет несколько минут отдыха, пока наш главный астролог восстанавливает силы для второй половины этого чтения. Давайте же пока сосредоточимся на том, что было сказано, чтобы легче усвоить то, что последует за этим". Главный астролог сел, ему принесли прохладительные напитки, и он стал наблюдать за толпой людей. И когда он сидел, наблюдая за толпой людей, он думал о своем детстве, он думал о тех временах, когда он поднимался на высокие горы глубокой ночью, чтобы посмотреть на звезды в небесах. Он долго размышлял о значении этих звезд, влияют ли они на людей? Он решил выяснить это. Разными способами, и, вероятно, потому, что ему было суждено это сделать, он вошел в Ламасерию Государственного Оракула, и оказалось, что у него есть совершенно уникальные способности к астрологии, астрологии, конечно, намного превосходящей западную, намного более полной и намного, намного более точной. Она включает в себя больше переменных и может быть спроецирована на большую глубину. Молодой человек, которому было суждено стать главным астрологом всего Тибета, быстро продвигался вперед, изучая, изучая, изучая. Он получил древние тексты Индии, тексты Китая и почти заново написал науку астрологии в Тибете. По мере роста его мастерства росла и его слава, так что к нему стали обращаться главы всех великих домов Лхасы, а затем и других городов Тибета. Вскоре к нему стали обращаться за предсказаниями для правительства и для самого Великого Тринадцатого. Он всегда был предельно честен. Если он не знал, то говорил, что не знает. Он предсказал британское вторжение, предсказал отъезд Великого Тринадцатого в другую страну и его благополучное возвращение, предсказал, что после того, как Тринадцатый перейдет в переходное состояние, не будет настоящего Далай-ламы; будет другой, но он будет выбран

в силу политической целесообразности в попытке удовлетворить территориальные амбиции китайцев. Он сделал предсказание, что через шестьдесят лет или около того наступит конец Тибета в том виде, в котором он был известен в то время, вступит в силу совершенно новый порядок, который вызовет крайние трудности и страдания, но при правильном подходе может привести к тому, что отжившая система будет сметена и через сто лет или около того Тибету будут принесены блага.

Главный астролог потягивал свой чай с маслом и смотрел на собравшихся перед ним людей. Он наблюдал за тем, как некоторые молодые мужчины смотрели на молодых женщин, и за тем, как молодые женщины смотрели в ответ, жеманно, заманчиво. Он вспомнил свои долгие годы безбрачия в качестве монаха, почти восемьдесят лет, подумал он, и он едва ли знал, чем женщина отличается от мужчины. Он знал только о звездах, о влиянии звезд, о мужчинах и женщинах, как они влияют на звезды. Он смотрел на красивых молодых женщин и думал, действительно ли монахи должны быть безбрачными. Конечно, думал он, человечество должно состоять из двух частей, мужского и женского начала, и если эти две части не соединить, то не может быть полноценного Человека. Он вспомнил все слышанные им истории о том, как женщины становятся все более высокомерными, все больше стремятся властвовать. Он посмотрел на некоторых пожилых женщин с суровыми лицами и отметил их властное отношение. И тогда он подумал: что ж, возможно, дело в том, что еще не пришло время для объединения мужчины и женщины в одно целое, в одну полную сущность. Но это придет, хотя и не раньше, чем закончится этот круг существования. Так размышляя, он передал свой кубок служителю и подал знак, что готов продолжать.

На собрание снова опустилась тишина, люди смотрели вверх, на помост. Когда старику помогли подняться на ноги, перед ним снова положили книги. Он ещё раз оглядел собравшихся и сказал: "Некоторые из переживаний, которые постигнут субъекта

этого Чтения, настолько выходят за рамки нашего опыта, что их невозможно предсказать достаточно точно, чтобы это имело смысл. Определенно известно, что у этого человека есть великая, великая Задача, которую он должен выполнить, Задача, имеющая огромное значение для всего человечества, а не только для Тибета. Известно, что есть силы зла, очень злые силы, которые упорно работают над тем, чтобы свести на нет то, что он должен сделать.

Он столкнется с ненавистью, он столкнется со всеми формами трудностей и страданий, он узнает, что такое быть на пороге смерти и пройти через испытание переселения в другое тело, чтобы работа могла продолжаться. Но и в этом другом теле возникнут новые проблемы. От него отрекутся его собственные люди из-за той политической целесообразности, о которой я уже говорил. В интересах всего народа будет сочтено, что от него отрекутся, что его не поддержат те, кто должен его поддерживать, те, кто мог бы его поддержать, и я снова говорю, что это вероятности, потому что вполне возможно, что наш собственный народ поддержит его и даст ему возможность выступить перед народами мира, чтобы, во-первых, Тибет был спасен, а во-вторых, чтобы великая задача, точную природу которой можно не называть, была выполнена быстрее. Но слабые люди во временной урезанной власти не будут достаточно сильны, чтобы помочь ему, и поэтому он будет сражаться один против сил зла и против беспечных людей, которым он пытается помочь".

Старик огляделся вокруг и жестом приказал левому служителю убрать следующий лист. Служитель слегка покраснел от того, что ему пришлось об этом напоминать, и быстро сделал то, что ему было велено. Астролог продолжил: "Существует специальная ассоциация или группа, которая предоставляет информацию народам мира, находящимся за пределами наших границ. Они недостаточно духовны, чтобы понять задачу, которую необходимо решить, а их сенсационная ненависть неизмеримо

усложнит задачу. Кроме того, есть небольшая группа людей, которые будут полны жгучей ненависти и сделают всё возможное, чтобы погубить субъекта этого гороскопа и причинить ему всевозможные страдания".

Старик сделал паузу и положил руку на самый верхний лист в знак того, что он закончил с книгами. Затем он повернулся и обратился к прихожанам: "Опираясь на свой многолетний опыт, я говорю вам следующее: какой бы великой ни была борьба, какими бы тяжелыми ни были страдания, задача стоит того. Единственная битва, которая имеет значение, - это последняя битва. Не имеет значения, кто победит, а кто проиграет, войны продолжаются до последней битвы, и в конце концов последняя битва будет выиграна силами добра, и то, что должно быть сделано, будет сделано". Он трижды поклонился людям, а затем повернулся и трижды поклонился Господину и Госпоже Рампе. Затем он сел, чтобы дать отдых своим ногам, которые дрожали от тяжести прожитых лет.

Публика, перешептываясь между собой, быстро разошлась и отправилась в сады в поисках развлечений, а развлечений было много - музыка, акробаты, жонглеры и, конечно же, еда и напитки. После того как астролог и два его сотрудника немного отдохнули, они поднялись и отправились в большой дом, где им предстояло еще многое сказать родителям Лобсанга Рампы. Им было что сказать и Лобсангу, причем сказать наедине, наедине с ним.

Вскоре главный астролог отправился обратно в Поталу, а двое его помощников - в ламасерию государственного оракула.

День шел своим чередом. Наступили сумерки, и с наступлением сумерек собравшиеся люди вышли из больших ворот и направились по дорогам, чтобы добраться до своих домов, пока не наступила ночь и не настигла их опасность.

Наступила темнота, и на дороге за большими воротами стоял одинокий маленький мальчик и смотрел вниз по дороге на последних уходящих гостей и на веселье, которое они

устраивали. Он стоял, сцепив руки, и думал о предсказанной ему несчастливой жизни, об ужасах войны, которых он не понимал, о бесчувственных преследованиях, которые еще предстоят. Он стоял там один, один во всем мире, и ни у кого не было такой проблемы. Он стоял там, а ночь становилась все темнее, и никто не пришел искать его и увести обратно. Наконец, когда над головой засияла полная луна, он прилег на обочине дороги - ворота все равно были закрыты - и через несколько минут рядом с его головой раздалось мурлыканье, и рядом с ним улеглась большая кошка. Мальчик обнял её, кошка замурлыкала еще громче. Вскоре мальчик погрузился в беспокойный сон, но кошка была настороже, наблюдая за ним, охраняя.

Так заканчивается Первая книга,
Книга о том, что было в начале.

* * * * *

Книга вторая

Первая Эпоха

Глава четвертая

"О Лобсанг, Лобсанг", - причитала мать, ее лицо было бледным от гнева. "Ты принес нам абсолютный позор, мне стыдно за тебя. Твой отец стыдится тебя, он так зол на тебя, что пошел в офис и будет там весь день, это нарушило все мои планы, и все это из-за тебя, Лобсанг!" Сказав это, она резко повернулась и поспешила

прочь, словно не могла больше смотреть на меня. Стыдится меня? Почему ей должно быть стыдно за меня? Я не хотел быть монахом, я не хотел всех тех ужасных вещей, которые мне предрекали. Любой человек, имеющий хоть крупицу здравого смысла, знал бы это. Вчерашние предсказания наполнили меня ужасом. Это было похоже на то, как ледяные черти проводят пальцами вверх и вниз по моему позвоночнику. Значит, она стыдилась меня?

Старый Цзы появился в поле зрения почти как движущаяся гора, настолько он был велик. Он посмотрел на меня и сказал: "Ну, молодой человек, у тебя будет трудная жизнь, не так ли? Я думаю, ты справишься. Если бы ты не смог выдержать всех тягот и искушений, тебя бы не выбрали для такой задачи". Ремесленник выбирает свои инструменты в соответствии с задачей, которую ему предстоит выполнить. Возможно - кто знает? - Мастер, выбравший тебя в качестве Своего инструмента, возможно, мог бы выбрать лучше ". Я посмотрел на старого Цзы, несколько ободренный, но только "несколько", а затем сказал: "Но, Цзы, чем же я опозорил мать, чем я опозорил отца? Я ничего не сделал. Я не хотел становиться монахом. Я просто не понимаю, что они имеют в виду. Сегодня все, кажется, полны ненависти ко мне. Моя сестра не разговаривает со мной, моя мать поносит меня, а мой отец даже не хочет оставаться со мной в доме, и я не знаю почему".

Старый Цзы с болью опустил на пол, скрестив ноги, - раны, нанесенные англичанами, сильно беспокоили его. У него была повреждена бедренная кость, и теперь он постоянно испытывал боль. Он сидел на полу и разговаривал со мной.

"Твоя мать, - сказал он, - женщина с большими социальными амбициями. Она думала, что как сын тибетского принца, который впоследствии станет принцем в своем собственном праве, ты отправишься в большой город в Индии и там узнаешь много нового о делах мира. Ваша Мать считала, что вы будете полезны для общества, она думала, что если вы поедете в Индию и,

возможно, в другие страны, то она тоже сможет ездить с визитами, и это на протяжении многих лет, еще до вашего рождения, было ее всепоглощающим стремлением. Теперь вы были выбраны для особой Задачи, но это не то, чего хотела она, не то, чего хотел ваш Отец. Им нужна была блестящая фигура на политической арене, светский человек, а не монах, которому придется бороться всю жизнь, не тот, который будет скитаться по лицу Земли как изгой, отвергнутый своими собратями за то, что он говорит правду, подвергнутый остракизму окружающими его людьми за то, что он пытается выполнить Задачу, в которой другие потерпели неудачу". Старый Цзы громко фыркнул.

Все это казалось слишком странным, чтобы поверить. Почему я должен быть наказан, стать жертвой за то, чего я не делал и чего не хотел делать? Все, что я хотел, - это бродить по берегу реки и смотреть, как паромщики с их кожаными лодками бороздят водные просторы. Все, что я хотел, это тренироваться на ходулях и запускать воздушных змеев. Но теперь - я просто не знал, что делать, я не знал, почему это должен быть именно Я.

Дни летели слишком быстро, и наконец, как и было предсказано, я должен был покинуть свой дом и подняться на холм к Монастырю Чакпори. Там мне пришлось пройти через испытание ожиданием, ожиданием снаружи под прицелом всех глаз. Маленькие мальчики сгрудились вокруг меня, когда я сидел со скрещенными ногами в пыли перед большими воротами. Дни были неизмеримо длинными, но я терпел. Ночи были невыносимо утомительными, но я терпел, пока, наконец, это испытание не закончилось. Я был принят в монастырь как самый низкий из низших, новый мальчик, который был объектом травли, тот, над кем издевались, с кем могли сыграть любую шутку. Низший из низших.

Время тянулось, и я тосковал по дому. Я скучал по дому, по Цзы, по сестре Ясодхаре; по Матери, которая теперь не любила меня - что ж, у меня были странные чувства к ней. Честно говоря, я скучал по ней. Еще более откровенно я чувствовал себя

виноватым. Как я потерпел неудачу? Почему они так разочаровались во мне? Что я мог поделаться, если астролог сказал, что я должен идти страдать и терпеть всё это? Это был не мой выбор, никто в здравом уме, думал я, не выбрал бы такой груз проблем, как тот, что был мне назначен.

Я подумал о своем отце, когда видел его в последний раз перед отъездом из дома. Он смотрел на меня с застывшим лицом, говорил со мной сурово, как будто я был чужим человеком, у меня больше не было своего дома и родителей. Он обращался со мной более сурово, чем с осужденным, который пришел к двери просить еды. Он сказал мне, что я опозорил семью, имея такую карму, что я должен стать монахом, ламой, скитальцем, над которым будут насмеяться, издеваться и не верить.

Ясодхара - ну, я просто не знал, что делать с ее отношением. Она изменилась. Раньше мы играли вместе, как любые нормальные брат и сестра, мы неплохо ладили, просто, на самом деле, как нормальные братья и сестры ладят "неплохо". Но теперь она бросала на меня такие странные взгляды, словно я был бродячей собакой, которая забралась в дом и оставила в каком-то углу ненужный подарок. Слуги больше не проявляли ко мне уважения, приличествующего наследнику владений Лхалу. Для них я был просто вещью, которую поселили в доме на несколько дней, пока не наступит седьмая дата рождения. А в седьмой день рождения я уходил один, ни с кем не прощаясь, по длинному и одинокому пути, ведущему к карьере, которую я не пожелал бы и злейшим врагам.

В Чакпори постоянно пахло сушеными травами, там постоянно готовили травяной чай. Здесь много времени уделялось кодексу травника и меньше - религиозным дисциплинам. Но у нас были очень хорошие наставники, все они были пожилыми людьми, некоторые даже побывали далеко в Индии.

Я помню одного пожилого монаха, или, лучше сказать, ламу, который читал нам лекцию, а потом перешел к теме переселения. "В давние времена, - сказал он, - фактически задолго до того, как

началась письменная история, по Земле ходили гиганты. Они были Садовниками Земли, теми, кто пришел сюда, чтобы проследить за развитием жизни на этой планете, потому что мы здесь не первый круг существования, вы знаете, но подобно садовникам, расчищающим участок земли, все живое было удалено, и тогда мы, человеческая раса, были оставлены здесь, чтобы проложить свой собственный путь, осуществить свое собственное развитие". Он остановился и огляделся вокруг, чтобы посмотреть, заинтересовались ли его ученики темой, которую он излагал. К своему изумлению, он обнаружил, что мы действительно были глубоко заинтересованы его повествованием.

"Раса гигантов, - продолжал он, - не очень подходила для жизни на Земле, поэтому с помощью магических средств Раса гигантов уменьшилась до размеров людей, что позволило им смешиваться с людьми, не будучи признанными как Садовники. Но часто требовалось, чтобы другой старший Садовник приходил и выполнял особые задания; слишком много времени занимало рождение мальчика у женщины и последующие годы его младенчества, детства и отрочества. Поэтому наука Садовников Земли имела другую систему; они выращивали определенные тела и следили за тем, чтобы эти тела были совместимы с духом, который впоследствии в них вселится."

Мальчик, сидевший впереди, вдруг заговорил: "Как дух может вселиться в другого человека?". Учитель лама улыбнулся ему и сказал: "Я как раз собирался рассказать тебе. Но Садовники Земли разрешили определенным мужчинам и женщинам спариваться так, чтобы у каждого из них рождался ребенок, и за ростом этого ребенка тщательно следили на протяжении, возможно, первых пятнадцати, двадцати или тридцати лет жизни. Затем наступало время, когда высокопоставленный Садовник должен был прибыть на Землю в течение нескольких часов, поэтому помощники вводили подготовленное тело в транс, в стазис, или, если хотите, в состояние анабиоза. Помощники в

астральном мире приходили в живое тело вместе с сущностью, которая хотела отправиться на Землю, и с помощью своих специальных знаний отсоединяли Серебряный шнур и подключали вместо него Серебряный шнур сущности, которая была Садовником Земли, приходящей на Землю. После этого носитель становился проводником Садовника Земли, а астральное тело носителя уходило в астральный мир так же, как он это делал в случае с умершим человеком.

"Это называется трансмиграцией, переселением одной сущности в тело другой. Переносимое тело называется хозяином, и это было известно на протяжении всей истории, это широко практиковалось в Египте, и это дало начало тому, что известно как бальзамирование, потому что в те дни в Египте было довольно много тел, которые хранились в подвешенном состоянии, они были живыми, но не двигались, они были готовы к заселению высшими сущностями, так же как мы держим пони в ожидании монаха или ламы, чтобы он сел на животное и уехал куда-нибудь".

"О Боже!" - воскликнул один мальчик, - "Я думаю, друзья хозяина были сильно удивлены, когда тело пробудилось, и тот, кого они считали своим другом в прошлом, оказался обладателем всех знаний. Боже! Я бы не хотел быть носителем, это, наверное, ужасное чувство, когда кто-то другой завладевает твоим телом".

Учитель рассмеялся и сказал: "Это, конечно, был бы уникальный опыт. Люди все еще делают это. Тела все еще готовят, специально выращивают, чтобы в случае необходимости другая сущность могла занять свежее тело, если это будет необходимо для блага всего мира".

В течение нескольких дней после этого мальчики обсуждали это, и, как и подобает мальчикам, некоторые из них притворялись, что они собираются занять тела. Но для меня, вспоминающего это страшное предсказание, это не было шуткой, это не было забавой для меня, это было испытанием даже думать

об этом. Это был постоянный шок для моей системы, настолько сильный шок, что временами я думал, что сойду с ума".

Один репетитор, в частности, был заинтригован моей любовью к кошкам и очевидной любовью кошек ко мне. Репетитор прекрасно знал, что мы с кошками общаемся телепатически. Однажды после уроков у него было очень хорошее настроение, и он увидел меня лежащим на земле с четырьмя или пятью нашими храмовыми кошками, сидящими на мне. Он рассмеялся над этим зрелищем и попросил меня проводить его в его комнату, что я сделал с некоторой опаской, потому что в те дни вызов в покои ламы обычно означал выговор за что-то сделанное или несделанное, или дополнительные задачи, которые нужно было выполнить. Поэтому я следовал за ним на почтительном расстоянии, и, войдя в его комнаты, он велел мне присесть, пока он будет говорить со мной о кошках.

"Кошки, - сказал он, - теперь маленькие существа, и они не могут говорить на человеческом языке, а только с помощью телепатии. Много-много лет назад, до этого конкретного Круга Существования, кошки населяли Землю. Они были больше, почти такие же большие, как наши пони, они разговаривали друг с другом, они могли делать что-то своими передними лапами, которые тогда называли руками. Они занимались садоводством и были в основном кошками-вегетарианцами. Они жили среди деревьев, и их дома располагались на больших деревьях. Некоторые из этих деревьев сильно отличались от тех, которые мы знаем сейчас на Земле, в некоторых из них были большие дупла, похожие на пещеры, и в этих дуплах, или пещерах, кошки устраивали свои жилища. Им было тепло, их защищала живая сущность дерева, и в целом они были очень дружным сообществом. Но ни у одного вида не может быть совершенства, потому что если нет конкуренции, если нет неудовлетворенности, которая подстегивает, то существо, испытывающее такую эйфорию, деградирует".

Он улыбнулся кошкам, которые последовали за мной и теперь сидели вокруг меня, а затем продолжил: "Так случилось с нашими братьями и сестрами Кошками. Они были слишком счастливы, слишком довольны, у них не было ничего, что подстегивало бы их амбиции, ничего, что побуждало бы их к большим высотам. У них не было никаких мыслей, кроме тех, что они были счастливы. Они были похожи на тех бедных людей, которых мы недавно видели, лишенных рассудка, они были довольны тем, что лежат под деревьями и позволяют делам дня заботиться о себе. Они были статичны, и поэтому, будучи статичными, они были неудачниками. Поэтому Садовники Земли выкорчевали их, как сорняки, и на время оставили землю под паром. И со временем Земля достигла такой степени зрелости, что ее снова можно было пополнить другим видом существей. Но кошки - их вина заключалась в том, что они ничего не сделали, ни хорошего, ни плохого. Они существовали, и только - существовали. И вот их снова послали вниз в виде маленьких существ, таких, как те, которых мы видим здесь, послали, чтобы они выучили урок, послали с внутренним знанием того, что ОНИ когда-то были доминирующим видом, поэтому они были сдержанны, очень осторожны с теми, кому они дарили свою дружбу. Они были посланы для выполнения задания, задания наблюдать за людьми и сообщать об успехах или неудачах людей, чтобы, когда наступит следующий Круг, много информации было предоставлено кошкам. Кошки могут пойти куда угодно, они могут видеть что угодно, они могут слышать что угодно, и, не будучи в состоянии сказать ложь, они записывали все в точности так, как это происходило".

Я знаю, что в тот момент я была очень напуган! Я задавался вопросом, что обо мне пишут кошки. Но потом один старый Том, чемпион многих боев, издал "rrrr", прыгнул мне на плечи и прижался головой к моей, и я понял, что все в порядке и обо мне не напишут ничего плохого.

Через некоторое время после этого я лежал на лице на своем одеяле на полу в лазарете, потому что я очень сильно обгорел на верхней части левой ноги, шрамы до сих пор со мной, а дисфункция, вызванная ожогом, - это то, от чего я все еще страдаю. Я лежал на лице, потому что не мог лежать на спине, и тут вошел любимый лама и сказал: "Позже, Лобсанг, когда ты выздоровеешь и станешь подвижен, я отведу тебя на одну вершину в горах. Мне есть что показать тебе, потому что, знаешь, Земля претерпела много изменений, Земля изменилась, моря изменились, горы выросли. Я собираюсь показать тебе то, что за последние сто лет видели не более десяти человек во всем Тибете. Так что поспеши выздороветь, поспеши исцелиться, впереди есть нечто интересное".

Прошло несколько месяцев, когда мой проводник, лама Мингьяр Дондуп, который так много значил для меня, который был для меня больше, чем мать, отец и брат, повел меня по тропинке. Он шел в нескольких футах впереди на сильной лошади, а я ехал позади него на пони, который опасался меня так же, как и я его. Он распознал во мне плохого наездника, а я распознал в нем лошадь, которая распознала плохого наездника. У нас было то, что в более поздние годы я бы назвал вооруженным нейтралитетом, что-то вроде - ну, если ты ничего не будешь делать, то и я не буду; мы должны как-то жить вместе. Но мы ехали дальше, и в конце концов мой проводник остановился. Я наклонился и боком соскользнул с пони. Веревки с тропы были сброшены, и лошадь с пони не стали бы блуждать, они были слишком хорошо обучены.

Мой проводник разжег костер, и мы сели за очень скудный ужин. Некоторое время велись неспешные разговоры о чудесах небес, раскинувшихся над нами. Мы находились в тени гор, и темно фиолетовые пятна темноты проносились по долине Лхасы по мере того, как солнце опускалось за западный хребет. Наконец все погрузилось в темноту, кроме слабого мерцания масляных

ламп в мириадах домов и ламасерий, и кроме славы Небес, которые посылали свои слабые мерцающие крапинки света.

Наконец мой Проводник сказал: "Теперь нам пора спать, Лобсанг, сегодня ночью не будет храмовых служб, которые могли бы тебя потревожить, не будет храмовых служб утром, ради которых тебе придется проснуться. Спи спокойно, потому что назавтра мы увидим такое, что тебе и не снилось". Сказав это, он завернулся в свое одеяло, повернулся на бок и заснул - вот так. Я некоторое время лежал, пытаюсь проковырять углубление в скале, потому что моя бедренная кость, казалось, сильно торчала, потом повернулся на бок, потому что мои шрамы все еще причиняли боль, и в конце концов тоже заснул.

Утро рассвело ярко. С нашей высоты в горах было интересно наблюдать, как ранние утренние лучи солнца, казалось, горизонтально стреляли через долину и освещали вершины на западном горизонте золотыми огненными пальцами. Действительно, в течение некоторого времени казалось, что вся горная цепь охвачена огнем. Мы стояли и смотрели, а потом одновременно повернулись и улыбнулись друг другу.

После легкого завтрака - завтрак всегда казался мне слишком легким - мы полили лошадей водой из маленького горного ручья, а затем, снабдив их обильным кормом, который мы, конечно же, взяли с собой, привязали их вместе, оставив между ними около тридцати футов пространства. У них было достаточно места, чтобы бродить и пастись на скудной траве.

Лама Мингьяр Дондуп повел их вверх по бездорожью. Возле огромного валуна, который казался неподвижным в скале, он повернулся и сказал: "В своих странствиях ты увидишь многое, что покажется тебе волшебством, Лобсанг. Вот первый пример этого". Затем он повернулся, и, к моему ужасному изумлению, его там больше не было! Он просто исчез у меня на глазах. Затем откуда-то раздался его голос, который велел мне сделать шаг вперед. Когда я сделал это, то обнаружил, что то, что казалось полосой мха, свисающей со скалы, на самом деле было

несколькими свободными лианами. Я подошел, и лама раздвинул ветви, чтобы я мог войти. Он повернулся, и я последовал за ним, глядя вокруг в благоговейном ужасе. Казалось, это был широкий, широкий туннель, и свет проникал в него из какого-то источника, который я не мог разглядеть. Я шел по его удаляющимся следам, укоряя себя за медлительность, потому что, как я прекрасно понимал, если я буду идти слишком медленно, то могу заблудиться в этом горном туннеле.

Некоторое время мы шли вперед, иногда в крошечной тьме, когда мне приходилось нащупывать рукой стену с одной стороны. Меня не беспокоили ни ямы, ни низко висящие камни, потому что мой Проводник был намного больше меня, и если для него было место, значит, было место и для меня.

После примерно тридцати минут ходьбы, иногда в удушливой атмосфере мертвого воздуха, а иногда под бодрящим горным ветерком, мы пришли к тому, что казалось освещенным местом. Мой проводник остановился. Я тоже остановился, когда дошел до него и огляделся. От удивления у меня перехватило дыхание. Это была большая комната, я полагаю, пятьдесят или шестьдесят футов в поперечнике, а на стенах были странные рисунки, резьба, которую я не мог понять. Казалось, что это были очень странные люди, одетые в удивительные одежды, которые, казалось, покрывали их с головы до ног, или, точнее, с шеи до ног, потому что на голове у них было изображение того, что казалось прозрачным шаром. Над нами, когда я посмотрел вверх, показался огромный куб, на конце которого виднелось проплывающее мимо ворсистое облако.

Мой Проводник вошёл в мои мысли: "Это очень странная область, Лобсанг, - сказал он мне, - тысячи и тысячи лет назад на этой Земле существовала могущественная цивилизация. Она была известна как время Атлантиды. Некоторые люди западного мира, к которым ты попадешь впоследствии, считают Атлантиду легендой, воображаемым местом, придуманным каким-то великим сказочником. Что ж, - размышлял он, - к моему

сожалению, я должен сказать тебе, что многие люди будут думать, что ты выдумал свой собственный истинный опыт, но неважно, сколько в тебе сомневаются, неважно, сколько тебе не верят, ты знаешь правду, ты будешь жить по правде. И здесь, в этой комнате, у тебя есть доказательство того, что Атлантида существовала".

Он повернулся и повел нас дальше в этот странный туннель. Некоторое время мы шли в абсолютной непроглядной тьме, дыхание было тяжелым в спертом, мертвом воздухе. Затем снова пришла свежесть, откуда-то подул приятный ветерок. Мертвенность исчезла, и вскоре мы увидели впереди тусклый свет. Я увидел, как в туннеле, освещенном светом, впереди меня выросла фигура моего Проводника. Теперь, набрав в легкие свежего воздуха, я поспешил догнать его. Он снова остановился в большой комнате.

Здесь было еще больше странных вещей. Кто-то, видимо, вырезал в скале большие полки, а на этих полках лежали странные артефакты, которые не имели для меня никакого значения. Я посмотрел на них и осторожно потрогал некоторые из них. Они показались мне устройствами. Там были большие диски со странными бороздками на них. Некоторые из дисков были, по-видимому, из камня, они были, возможно, шести футов в диаметре, на их поверхности была волнистая волна, а в центре диска было отверстие. Это ничего не значило для меня. Поэтому я отказался от бесплодных размышлений и стал рассматривать картины и резьбу, украшавшие стены. Это были странные изображения, большие кошки, которые ходили на двух ногах, дома на деревьях со свернувшимися кошками внутри, были вещи, которые, казалось, парили в воздухе, а внизу на том, что, очевидно, было землей, люди указывали вверх на эти вещи. Все это было настолько выше меня, что у меня разболелась голова.

Мой Проводник сказал: "Это проходы, которые достигают концов Земли. У Земли есть позвоночник, как и у нас, Лобсанг, но позвоночник Земли состоит из камня. В нашем позвоночнике

есть туннель, в нашем случае он заполнен жидкостью, и через него проходит наш спинной мозг. Вот это позвоночник Земли, и этот туннель был создан человеком во времена Атлантиды, когда они знали, как заставить камень течь, как воду, без выделения тепла. Посмотри на эту скалу", - сказал он, повернувшись и постучав по стене. "Этот камень сплавлен почти до полной твердости. Если ты возьмешь большой камень и ударишь его об эту скалу, ты не причинишь никакого вреда, кроме того, что камень может разлететься на куски. Я много путешествовал и знаю, что этот скальный хребет тянется от Северного до Южного полюса".

Он показал, чтобы мы сели, и мы сели, скрестив ноги, на пол прямо под отверстием, которое выходило на открытый воздух и через которое можно было видеть темноту неба.

"Лобсанг, - сказал мой Проводник, - на Земле есть много вещей, которые люди не понимают, есть вещи и внутри Земли, потому что, вопреки распространенному мнению, Земля действительно полая, и внутри Земли живет другая раса людей. Они более развиты, чем мы, и иногда некоторые из них выходят из Земли на специальных транспортных средствах". Он остановился и указал на одну из странных вещей на фотографиях, а затем продолжил: "Эти аппараты выходят из Земли и летают по внешней стороне Земли, чтобы посмотреть, что делают люди, и убедиться, что их собственная безопасность находится под угрозой из-за глупости тех, кого они называют "чужаками".

Внутри Земли, подумал я, какое странное место для жизни, там внизу, должно быть, ужасно темно, мне не нравится мысль о жизни в темноте, масляная лампа - это такое утешение. Мой Проводник посмеялся надо мной, уловив мои мысли, и сказал: "О, внутри Земли не темно, Лобсанг. У них есть Солнце, такое же, как у нас, но их Солнце намного меньше и намного мощнее. У них имеется гораздо больше, чем у нас, они гораздо более разумны. Но в ближайшие дни ты узнаешь больше о людях Внутренней Земли. Идем!"

Он поднялся на ноги и пошел по туннелю, которого я не видел, туннель расходился вправо, он шел под уклон, вниз. Казалось, что мы бесконечно идем в темноте. Затем мой Проводник велел мне остановиться на месте. Я слышал, как он возился и возился, и раздался грохот, похожий на звук сдвигаемого камня. Потом появилось несколько искр, когда он ударил кремнем по стали. Загорелся тусклый огонек, он подул на него, а затем, когда огонек вспыхнул маленьким пламенем, сунул в пламя конец какой-то палки, и она вспыхнула ярким светом.

Он держал факел на расстоянии вытянутой руки над собой и позвал меня подойти к нему. Я так и сделал, и он указал на стену перед нами. Туннель закончился, и перед нами была абсолютно гладкая непроницаемая поверхность, которая ярко сверкала в мерцающем свете факела. "Это Лобсанг, - сказал мой Проводник, - твердо, как алмаз, на самом деле некоторые из нас пришли сюда много лет назад с алмазом, и мы попытались поцарапать поверхность и испортили алмаз. Это проход, который ведет в мир внутри. Мы считаем, что он был запечатан жителями внутреннего мира, чтобы спасти свою цивилизацию во время великого потопа, который обрушился на эту Землю. Мы считаем, что если бы он был открыт - то есть, если бы мы смогли его открыть, - люди высыпали бы наружу и поразили бы нас за то, что мы осмелились вторгнуться в их частную жизнь. Мы, высшие ламы, часто посещали это место и пытались общаться с теми, кто находится внизу, с помощью телепатии. Они получили наши послания, но не хотят иметь с нами ничего общего, они говорят нам, что мы воинственны, что мы, как невежественные дети, пытаемся взорвать мир, пытаемся разрушить мир, они говорят нам с помощью телепатии, что следят за нами и, если потребуется, вмешаются. Так что мы не можем идти дальше, это конец, это заблокированная линия между верхним и внутренним мирами. Хорошо, мы вернемся обратно".

Он осторожно погасил факел, и мы на ощупь вернулись туда, где свет с неба падал через отверстие в крыше.

В этом помещении лама снова указал в другую сторону и сказал: "Если бы у нас были силы и время, мы могли бы пройти по этому туннелю до Южного полюса. Некоторые из нас преодолевали много миль, беря с собой достаточно еды и разбивая лагерь ночью, или тем, что мы считали ночью. За шесть месяцев мы прошли бесконечное количество миль, а иногда, выйдя через туннель, обнаруживали, что находимся в незнакомой стране, но не осмеливались показать себя. Всегда выходы были очень тщательно замаскированы".

Мы сели и съели нашу небольшую порцию еды. Мы путешествовали уже долго, и я начал уставать, хотя мой Проводник, казалось, был не подвержен изнеможению или даже обычной усталости. Он разговаривал со мной и рассказывал разные вещи. Он сказал: "Когда меня обучали, как сейчас обучают тебя, я тоже прошел через Церемонию Малой Смерти, и мне показали Акашическую Запись, показали то, что было, и я увидел, что наш Тибет когда-то был приятным водоемом у сверкающего моря. Температура была теплой, возможно, даже чрезмерно, и там была обильная листва, пальмы и всевозможные диковинные фрукты, которые тогда для меня ничего не значили. Но из Акашической Записи я увидел действительно чудесную цивилизацию, я увидел странные корабли в небе, я увидел людей с удивительными конусообразными головами, которые ходили, устраивали свои развлечения, занимались любовью, но также и воевали. Затем, как я видел в этой Записи, вся страна содрогнулась, и небо почернело, облака стали темными, как ночь, их нижняя часть освещалась мерцающими искрами. Земля содрогнулась и разверзлась. Казалось, что все охвачено огнем. Затем море хлынуло на вновь открытую землю, и раздались огромные взрывы, взрыв за взрывом, казалось, что солнце стоит на месте, а луна больше не восходит. Людей захлестывали огромные потоки воды, люди погибали от пламени, которое появлялось неизвестно откуда, но пламя мерцало мерзким

фиолетовым свечением, и когда оно касалось людей, плоть отпадала от их костей, а скелеты с грохотом падали на землю.

"День сменял день, и суматоха нарастала, хотя можно было бы сказать, что такое невозможно, а потом произошел разрывающий, обжигающий взрыв, и все потемнело, все стало черным, как сажа, которая образуется от слишком большого количества масляных ламп, горящих без присмотра.

"Через некоторое время, которое я не смог рассчитать, - сказал он, - мрак стал светлее, темнота уменьшалась, и когда, спустя не знаю сколько времени, наконец, появился дневной свет, я с ужасом смотрел на картину. Теперь я обнаружил, что передо мной совершенно иной пейзаж: моря больше не было, во тьме возникло кольцо гор, которое окружило то, что раньше было городом самой высокой цивилизации. Я смотрел вокруг себя в замороженном ужасе: море исчезло, моря больше не было, вместо него были горы и кольцо за кольцом гор. Теперь я мог сказать, что мы находились на тысячи футов выше, и хотя я видел Акашическую Запись, я также чувствовал, я мог ощущать разряженный воздух, здесь не было никаких признаков жизни, никаких признаков. И когда я посмотрел, картина исчезла, и я обнаружил, что вернулся туда, откуда начал, на самые глубокие уровни горы Потала, где я проходил Церемонию Малой Смерти и получил много информации".

Некоторое время мы сидели там, медитируя о прошлом, и мой Проводник сказал мне: "Я вижу, что ты медитируешь или пытаешься медитировать. Есть два очень хороших способа медитации, Лобсанг. Ты должен быть доволен, ты должен быть спокоен. Ты не можешь медитировать с беспокойным умом, и ты не можешь медитировать с целым собранием людей. Ты должен быть один или только с одним человеком, которого ты любишь".

Он посмотрел на меня, а затем сказал: "Ты должен всегда смотреть на что-то черное или на что-то белое. Если ты смотришь на землю, тебя может отвлечь камешек, а может вдвойне отвлечь какое-нибудь насекомое. Для успешной медитации ты должен

всегда смотреть на то, что не привлекает глаз, - либо на полностью черное, либо на чисто белое. Тогда глаза устают от всего этого и становятся, как бы, отделенными от мозга, и тогда мозг, не имея ничего, что отвлекало бы его оптически, волен подчиняться тому, что требует твоё подсознание, и таким образом, если ты дал указание своему подсознанию, что собираешься медитировать - медитируй. Ты обнаружишь, что при такой медитации твои чувства обостряются, твоё восприятие становится более острым, и это единственная медитация, достойная этого названия. В последующие годы ты встретишь множество культов, предлагающих медитацию за деньги, но это не медитация, как мы ее понимаем, и не медитация, как мы ее хотим. Это просто то, с чем играют культисты, и в этом нет никакой добродетели".

С этими словами он поднялся на ноги и воскликнул: "Нам пора возвращаться, ибо день завершается. Нам придется провести еще одну ночь в горах, потому что уже слишком поздно отправляться в Чакпори".

Он отправился вниз по туннелю, а я вскочил на ноги и бросился за ним. Я не хотел оставаться в этом месте, где обитатели внутреннего мира, или как они там себя называют, могли бы появиться и забрать меня с собой. Я не знал, какими они будут, не знал, как я им понравлюсь, и уж точно не хотел оставаться один в темноте этого места. Поэтому я поспешил, и наконец мы снова достигли того входа, через который вошли.

Лошадь и пони мирно отдыхали, и мы сели рядом с ними и занялись простыми приготовлениями к трапезе. Свет уже тускнел, большая часть долины была погружена во тьму. На нашей высоте Западное солнце еще светило нам, но сама сфера все глубже погружалась под горы на своем пути, чтобы осветить другие части света, прежде чем вернуться к нам.

После нескольких светских бесед мы снова завернулись в свои одеяла и предались сну.

Глава пятая

Жизнь в Чакпори была суматошной. Количество вещей, которые мне пришлось выучить, просто потрясло меня: травы - где они растут, когда их собирать, и быть уверенным, что если их собрать не вовремя, они будут совершенно бесполезны. В этом, как меня учили, заключался один из великих секретов траволечения. Растения, или листья, или кору, или корни можно было эффективно собирать только в течение двух-трех дней. Луна должна быть правильной, звезды должны быть правильными, и время тоже должно быть правильным. Также при сборе таких трав нужно быть спокойным, потому что, как мне сказали, если собирать травы в плохом настроении, то травы не стоит брать.

Затем мы должны были высушить все это. Это было довольно сложной задачей. Только определенные части трав были полезны. У одних нужно было удалить только кончики листьев, у других - стебли или кору, и с каждым растением или травой нужно было обращаться по-своему и относиться к ним с уважением.

Мы брали кору и растирали ее специально очищенными для этой цели руками - само по себе испытание! - и таким образом кора становилась определенного размера, своего рода зернистым порошком. Затем все нужно было разложить на безупречно чистом полу, никакой полировки на этом полу, просто тереть, тереть, тереть, пока не останется ни пылинки, ни пятнышка, ни следа. Затем все оставляли в стороне и предоставляли природе "запечатать" достоинства травы в том, что мы имели перед собой.

Мы готовили травяной чай, то есть настои из заваренных трав, и я никогда не мог понять, как люди могут проглотить эту горькую жидкость. Казалось аксиомой, что чем хуже вкус и сильнее запах, тем полезнее лекарство, и я скажу по собственному наблюдению, что если лекарство достаточно дурно на вкус, то бедный несчастный пациент скорее поправится от

испуга, чем примет лекарство. Это похоже на то, как если человек идет к стоматологу, боль исчезает настолько, что он колеблется на пороге, размышляя, стоит ли ему идти на это. Это напоминает мне бледного и озабоченного молодого человека - недавнего жениха, который сопровождал свою беременную невесту в больницу, потому что "ее время пришло". Повернувшись перед стойкой регистратуры, он сказал: "Боже, дорогая, ты уверена, что действительно хочешь пройти через это?".

Будучи особенным студентом, который должен был учиться больше и быстрее, я не ограничивался только Чакпори. Мое время также было посвящено учебе в Потале. Здесь у меня были все самые ученые ламы, каждый из которых обучал меня своей специальности. Я изучал различные формы медицины. Я изучал акупунктуру, и в более поздние годы, под тяжестью многолетнего опыта, я пришел к неизбежному выводу, что акупунктура - это действительно чудесная вещь для тех, кто живет на Востоке, тех, кто давно привык к акупунктуре. Но когда, как я обнаружил в Китае, вам приходится иметь дело со скептически настроенными западными людьми - что ж, к сожалению, они были загипнотизированы своим собственным неверием во все, что не пришло из «собственной страны Бога».

Глубоко, глубоко под горой Потала находились священные проходы. Внизу была огромная пещера с тем, что казалось внутренним морем. Мне сказали, что это остатки тех давних времен, когда Тибет был славной землей у моря. Конечно, в той огромной пещере я видел странные остатки, скелеты фантастических существ, которые гораздо, гораздо позже в своей жизни я признал мастодонтами, динозаврами и другой экзотической фауной.

Затем во многих местах можно было найти большие плиты природного хрусталя, а в природном хрустале можно было увидеть ламинарию, различные виды морских водорослей, а иногда и прекрасно сохранившуюся рыбу, полностью

погруженную в прозрачный хрусталь. Все это действительно считалось священными предметами, посланиями из прошлого.

Запуск воздушных змеев был искусством, в котором я преуспел. Раз в год мы уходили в горы собирать редкие травы и вообще отдыхать от довольно тяжелой жизни в ламаистском монастыре. Некоторые из нас - самые безрассудные - летали на воздушных змеях, и я сначала подумал, что вот оно, то, что было описано в пророчестве, но потом понял, что это не может быть воздушный змей, потому что эти змеи были связаны с землей веревками, и если веревка оборвется или вырвется из лап многочисленных монахов, то змей упадет, и произойдет смерть того, кто на нем катается.

Было довольно много встреч с Сокровенным, нашим Тринадцатым Далай-ламой, и я почувствовал такую любовь и уважение к нему. Он знал, что еще через несколько лет Тибет превратится в порабощенное государство, но "Боги предсказали", а Богам нужно повиноваться. Не было никакой реальной формы сопротивления, потому что в Тибете не было настоящего оружия. Вы не можете противостоять человеку с винтовкой, когда все, что у вас есть, - это молитвенное колесо или нитка бус.

Я получил свои инструкции, свои священные приказы от Великого Тринадцатого. Я получил наставления и советы, любовь и понимание, в которых мне полностью отказали мои собственные родители, и я решил, что, несмотря ни на что, я сделаю все возможное.

Были времена, когда я видел своего Отца. Каждый раз он отворачивался от меня с застывшим лицом, как будто я был низшим из низших, недостойным его презрения. Однажды, почти в конце моего пребывания в Потале, я навестил своих родителей дома. Мать отвратила меня своей излишней формальностью, тем, что обращалась со мной исключительно как с приезжим ламой. Отец, верный своим убеждениям, не принял меня и закрылся в своем кабинете. Ясодхара, моя сестра, смотрела на меня так,

словно я был каким-то уродцем или плодом особенно страшного кошмара.

В конце концов меня снова вызвали в апартаменты Сокровенного и рассказали многое, что я не хочу здесь повторять. Но одно он мне сказал: на следующей же неделе я отправлюсь в Китай, чтобы учиться в качестве студента-медика в университете Чунгкинга. Но, как мне было сказано, я должен взять другое имя, я не могу использовать свое собственное имя Рампа, иначе некоторые элементы китайского восстания захватят меня и будут использовать как орудие торга. В то время в Китае существовала фракция, преданная свержению правительства и готовая использовать любые методы для достижения своей цели. Поэтому мне сказали выбрать имя.

Как мог бедный тибетский мальчик, который, конечно, только приближался к совершеннолетию, но как он мог выбрать китайское имя, если он ничего не знал о Китае?

Я размышлял над этим ужасным вопросом, а потом, неожиданно, без всякого предупреждения, в моей голове появилось имя. Я бы назвал себя КуонСуо, что на одном из диалектов Китая означало "жрец холма". Конечно, это было подходящее имя. Но это было имя, которое людям было трудно произносить - западным людям, то есть, - поэтому вскоре его сократили до Куан.

Что ж, с именем определились. Мои документы были в порядке. Мне дали специальные бумаги из Поталы, подтверждающие мой статус и стандарты, которых я достиг, потому что, как мне сказали, и как я убедился впоследствии, западные люди не поверят ничему, если это не "на бумаге", если это можно пощупать или разорвать на куски. Поэтому мои бумаги были подготовлены и вручены мне с большой церемонией.

Вскоре наступил день, когда я должен был проделать весь путь до Чунгкинга. Мы с моим проводником, ламой Мингьяром Дондупом, очень грустно попрощались. Он знал, что я больше не увижу его, пока он находится в теле. Он дал мне много заверений, что я буду часто встречаться с ним в астрале.

Со мной отправилась группа людей, чтобы защитить меня от китайских разбойников и иметь возможность сообщить о моем благополучном прибытии в Чангкинг. Мы отправились в путь и уверенно ехали всё время по высокогорью равнины Лхасы, а затем спустились в низину, место почти тропическое по экзотической флоре - чудесным рододендронам. Мы проходили мимо многих ламаистских лагерей, и довольно часто мы ночевали в них, если они оказывались на нашем пути в подходящее время. Я был ламой, фактически я был настоятелем, и признанным воплощением, поэтому, когда мы заходили в ламазерию, нам действительно оказывали особое отношение. Но я не приветствовал такое особое обращение, потому что каждый раз оно напоминало мне о тяготах моей жизни, которые еще предстоит пережить.

В конце концов мы покинули пределы Тибета и въехали в Китай. Здесь, в Китае, каждая большая деревня казалась кишашей русскими коммунистами - белыми мужчинами, которые стояли, как правило, на телеге с волами, рассказывая рабочим о чудесах коммунизма и о том, как они должны подняться и расправиться с землевладельцами, рассказывая им о том, что Китай принадлежит народу. Что ж, теперь, очевидно, так и есть, и какой беспорядок они там устроили!

Шли дни, и наше, казалось бы, бесконечное путешествие становилось все короче. Довольно раздражало, что некоторые китайские крестьяне приставали ко мне, потому что я был похож на западного человека. У меня были серые глаза вместо карих, а волосы очень темные, но все же не блестящие черные, так что ходили слухи, что я замаскированный русский! В наши дни, когда я живу на Западе, обо мне рассказывают всякие странные истории; одна история, которая меня очень позабавила, гласила, что я на самом деле немец, которого Гитлер послал в Лхасу, чтобы я мог узнать все секреты оккультизма, а затем я вернусь в Берлин и выиграю войну для Гитлера магическими средствами. В те дни я даже не знал о существовании такого человека, как

Гитлер. Удивительно, как западный человек верит во все, кроме того, что является абсолютной правдой; чем более правдив вопрос, тем труднее западному человеку в него поверить. Но если говорить о Гитлере и тибетцах, то фактом является то, что небольшая группа тибетцев была захвачена нацистами во время войны и вынуждена была отправиться в Берлин, но они, конечно, ничего не сделали для того, чтобы помочь ему выиграть войну, как доказывает история.

Наконец мы свернули за угол дороги, и перед нами предстал старый город Чунгкинг. Этот город был построен на высоких скалах, а далеко внизу протекали реки. Одна из рек была мне особенно знакома, это была Чиалинг. Итак, высокий город Чангкинг с его ступенчатыми улицами с множеством бульжников омывался у своего основания двумя реками - Янцзе и Чиалинг. Там, где они встречались, образовывался новый рукав, и поэтому издалека город казался островом.

По семистам восьмидесяти ступеням мы поднялись к самому городу. Мы, как болваны, глазели на магазины и на то, что нам казалось блестяще освещенными лавками с товарами, совершенно недоступными нашему пониманию. Вещи в витринах сверкали, из многих магазинов доносились звуки, иностранцы говорили друг с другом из коробок, а затем из других коробок доносились взрывы музыки. Все это было для нас полным изумлением, и я, зная, что мне придется провести долгое время в таком окружении, начал почти дрожать от страха при этой мысли.

Моя свита смущала меня тем, как они глазели по сторонам. Каждый из мужчин дрожал от нервозности, у каждого был открыт рот и широко раскрыты глаза. Я подумал, что мы, должно быть, выглядим жалкой кучкой деревенских мужланов, глазающих вот так. Но потом я подумала, что мы здесь не для этого, в конце концов. Мне нужно было зарегистрироваться в университете, и мы отправились туда. Мои спутники ждали на площадке снаружи, пока я входил и делал официальное лицо,

протягивая конверт, который я так тщательно оберегал всю дорогу из Лхасы.

В университете я усердно занимался. Моя форма обучения сильно отличалась от той, которую требовала университетская система, поэтому мне приходилось работать по меньшей мере вдвое усерднее. Директор университета предупредил меня, что условия будут трудными. Он сказал, что получил квалификацию по новейшим американским системам и вместе со своим очень квалифицированным персоналом предлагает студентам смесь китайской и американской медицины и хирургии.

Академическая работа была трудной, потому что я ничего не знал об электричестве, но вскоре я научился! Анатомия была легкой; я изучал ее довольно тщательно у "Утилизаторов мертвых" в Лхасе, и меня очень позабавило, когда нас впервые провели в комнаты для препарирования, где лежали мертвые тела, что многие студенты стали бледно-зелеными и болезненными, а другие просто упали в обморок на пол. Это было так просто - понять, что эти мертвые тела ничего не почувствуют от наших дилетантских усилий над ними, они были просто как выброшенная старая одежда, которую разрезали, чтобы сделать другую одежду. Нет, поначалу учеба давалась с трудом, но в концов я смог занять место почти в числе лучших в классе.

Примерно в это время я заметил, что в университете читает лекции один очень старый буддийский священник, я навел справки, и мне сказали: "О, не стоит беспокоиться о нем, он просто старый сумасшедший, он странный!". Что ж, это убедило меня в том, что мне придется выполнять дополнительную работу и посещать лекции "старого сумасброда". Это того стоило.

Я официально попросил разрешения на посещение и был с радостью принят. Через несколько лекций мы все сидели, и вошел наш лектор. По обычаю мы встали и стояли до тех пор, пока он не велел нам сесть. Затем он сказал: "Смерти нет". Нет смерти, подумал я, о, сейчас будет лекция по оккультизму, он

назовет смерть "переходом", что, в конце концов, так и есть. Но старый лектор позволил нам некоторое время потомиться в нашем собственном нетерпении, а затем он усмехнулся и продолжил: "Я имею в виду это буквально. Если бы мы только знали, как можно продлить жизнь на неопределенный срок. Давайте посмотрим на процесс старения, и тогда, я надеюсь, вы поймете, что я имею в виду".

Он сказал: "Ребенок рождается и следует определенной модели роста. В определенном возрасте, который варьируется в зависимости от каждого человека, настоящее развитие, как утверждается, прекращается, настоящий достойный рост останавливается, и с этого момента происходит то, что известно как дегенерация старости, когда высокий человек становится ниже ростом, поскольку его кости уменьшаются". Он оглянулся, чтобы проверить, следим ли мы за ним, и, увидев мой особый интерес, кивнул и очень дружелюбно улыбнулся. Он продолжил:

-

"Человек должен перестраиваться клетка за клеткой, поэтому, если мы порезались, часть мозга должна вспомнить, как выглядела плоть до пореза, а затем должна предоставить идентичные или почти идентичные клетки для устранения дефекта. Теперь, каждый раз, когда мы двигаемся, мы вызываем износ клеток, и все эти клетки должны быть восстановлены, заменены. Без точной памяти мы не сможем восстановить тело в прежнем виде".

Он снова огляделся, затем поджал губы и сказал: "Если тело, вернее, если мозг забывает точную схему, то клетки могут расти дико, они растут без всякой прежней схемы, и поэтому такие дикие клетки называются раковыми. Это означает, что это клетки, которые вырвались из-под контроля той части мозга, которая должна регулировать их точный шаблон. Таким образом, у человека появляются большие наросты на теле. Это вызвано тем, что клетки растут бессистемно и ускользают от контроля мозга".

Он остановился, чтобы сделать глоток воды, а затем продолжил: "Как и у большинства из нас, центр роста и замещения в мозге имеет дефектную память. После воспроизведения клеток в течение нескольких тысяч раз он забывает точную схему, и с каждым последующим ростом клеток появляются различия, и в конце концов мы получаем то, что называем старением. Если бы мы могли постоянно напоминать мозгу о точной форме и размере каждой клетки, подлежащей замене, то тело всегда казалось бы одного и того же возраста, всегда казалось бы в одном и том же состоянии. Короче говоря, у нас было бы бессмертие, бессмертие за исключением случаев полного разрушения тела или повреждения клеток".

Я подумал об этом, и тут до меня дошло, что мой Проводник, лама Мингьяр Дондуп, говорил мне то же самое несколько другими словами, а я был слишком молод, или слишком глуп, или и то, и другое, чтобы понять, что он на самом деле имел в виду.

Наши лекции были интересными. Мы изучали так много предметов, которые не изучаются на Западе. В дополнение к обычной западной медицине и хирургии мы изучали акупунктуру и травяные лекарства, но это была не работа и не игра, хотя почти так.

Однажды, когда я гулял с другом, мы забрели на берег реки и увидели там аэроплан, который был припаркован и по какой-то причине просто улетел. Двигатель тикал, а пропеллер просто вращался. Я подумал о воздушных змеях, которых запускал, и сказал своему другу: "Спорим, я смогу управлять этой штукой". Он насмешливо хмыкнул, и тогда я сказал: "Ладно, я тебе покажу". Я огляделся, чтобы убедиться, что вокруг никого нет, сел в эту штуку и, к своему собственному удивлению и удивлению многих наблюдателей, я действительно полетел на ней, но не так, как было предписано, мой высший пилотаж был совершенно произвольным, и я выжил и благополучно

приземлился только потому, что у меня были более острые рефлексы, чем у большинства.

Я был настолько очарован этим крайне опасным полетом, что научился летать официально. И поскольку я показал более чем средние способности как летчик, мне предложили поступить на службу в китайские войска. По западным стандартам я получил звание капитана-хирурга.

После того, как я получил диплом пилота, командир сказал мне продолжать учебу, пока я не получу диплом врача и хирурга. Вскоре это было сделано, и наконец, вооружившись множеством официальных бумаг, я был готов покинуть Чангкинг. Но тут пришло очень печальное сообщение о моем Покровителе, Тринадцатом Далай-ламе, Сокровенном, и, повинувшись вызову, я вернулся в Лхасу на очень короткое время.

Однако судьба позвала меня, и я должен был следовать велениям тех, кто был выше меня по рангу, поэтому я проделал обратный путь в Чунгкинг, а затем в Шанхай. Некоторое время я находился в резерве в качестве офицера китайских войск. Китайцам приходилось очень трудно, потому что японцы пытались найти предлог для вторжения в Китай. Иностранцев подвергали всевозможным унижениям в надежде, что они доставят неприятности правительству Китая. Мужчин и женщин прилюдно раздевали догола, японские солдаты обыскивали их тела и говорили, что подозревают иностранцев в передаче сообщений. Я видел одну молодую женщину, которая сопротивлялась; ее раздели догола и заставили стоять несколько часов в центре оживленной улицы. У нее была настоящая истерика, но каждый раз, когда она пыталась убежать, один из часовых непристойно тыкал в нее штыком.

Китайцы, наблюдавшие за происходящим, ничего не могли сделать, они не хотели международного инцидента. Но потом одна пожилая китаенка бросила молодой женщине пальто, чтобы та могла прикрыться; часовой бросился к ней и одним ударом отрубил руку, бросившую пальто.

Сейчас, после всего увиденного и пережитого, меня поражает, что люди во всем мире бросаются к японцам, предлагая им дружбу и т.д., предположительно потому, что взамен они предлагают дешевую рабочую силу. Японцы - это бедствие на Земле из-за их безумной жадности доминировать.

В Шанхае у меня была своя частная врачебная практика, и довольно успешная. Возможно, если бы не началась японская война, я бы зарабатывал на жизнь в Шанхае, но 7 июля 1937 года произошел инцидент на мосту Марко Поло, который действительно положил начало войне. Меня вызвали и отправили в шанхайские доки, чтобы проконтролировать сборку очень большого трехмоторного самолета, который хранился там, готовый к приему одной фирмы, которая собиралась открыть пассажирскую авиакомпанию.

Вместе с другом я отправился в доки, и мы обнаружили, что аэроплан разбит на части, фюзеляж и крылья разделены. Шасси даже не было соединено, а три двигателя лежали отдельно в ящиках. Путем большой психометрии и еще больших попыток использовать здравый смысл мне удалось направить рабочих собирать самолет на очень большой открытой площадке. Насколько я мог, я всё проверил, осмотрел двигатели, убедился, что в них есть нужное топливо и нужное масло. Один за другим я запускал эти двигатели и пробовал их, давал им поработать на холостом ходу, давал им пореветь, и когда после многих регулировок я убедился, что они будут продолжать работать, я покатал этот трехмоторный самолет вверх и вниз по этому большому участку земли, чтобы я привык к ощущениям, потому что на трехмоторном самолете нельзя долго трюкать!

В конце концов я убедился, что понимаю управление и вполне могу с ним справиться. Затем вместе с другом, который очень верил в меня, мы сели в самолет и подрулили к крайнему краю открытого пространства. Я попросил помощников поставить перед колесами большие клинья с указаниями потянуть за веревки, чтобы сдвинуть клинья, как только я подниму правую

руку. Затем я открыл все три дросселя, так что самолет взревел и задрожал. Наконец я поднял руку, клинья были выдернуты, и мы бешено закрутились по земле. В последний момент я снова потянул на себя управление, и мы поднялись вверх под, как я полагаю, действительно необычным углом, но мы летели, и мы летали вокруг в течение часа или двух, чтобы почувствовать эту штуку. В конце концов мы вернулись на посадочную площадку, и я внимательно следил за направлением дыма. Я медленно зашел на посадку и приземлился против ветра, и, признаюсь, я был весь в поту; мой друг тоже, несмотря на всю его веру в меня!

Позже мне сказали перевезти самолет в другой район, где его можно было бы охранять днем и ночью, потому что международная бригада становилась очень активной, и некоторые из этих иностранцев думали, что они могут делать с собственностью китайцев все, что им заблагорассудится. Мы не хотели, чтобы наш большой аэроплан был поврежден.

На уединенной базе самолет был изменен. Большая часть сидений была удалена, носилки были установлены на подставках. В одном конце самолета был установлен металлический стол, который должен был стать операционной. Мы собирались проводить экстренные операции, потому что сейчас - в конце 1938 года - враг приближался к окраинам Шанхая, и у меня были инструкции закрыть мою практику, которую я все еще проводил на полставки. Мне было велено отвести самолет в безопасное место, пока его не перекрасят в белый цвет с красным крестом. На нем также должна была быть надпись "Самолет скорой помощи" китайскими и японскими иероглифами.

Но когда краска была нанесена, ей не суждено было продержаться долго. Над Шанхаем падали бомбы, воздух был полон едкого запаха взрывчатки, в нем было полно частиц гравия, которые жалили ноздри, раздражали глаза и счищали краску со старого Эби, как мы называли наш аэроплан. Вскоре раздался сильный треск, Эби подпрыгнул в воздух и рухнул плашмя на нижнюю часть фюзеляжа - близкий разрыв бомбы

оторвал шасси. С огромным трудом и немалой изобретательностью мы восстановили шасси с помощью отрезков расщепленного бамбука, как будто накладывали шину на сломанную конечность, подумал я. Но когда бамбук был надежно закреплен, я проехался на такси вверх и вниз по изрытой бомбами земле, чтобы посмотреть, как будет управляться корабль; казалось, что все в порядке.

Мы сидели в самолете, когда поднялась большая суматоха, и на наш аэродром вышел раздраженный китайский генерал, полный помпезности и самоуверенности, в окружении подобострастных членов своего штаба. В грубой форме он приказал нам доставить его в определенный пункт назначения. Он не принял нашего заявления о том, что самолет действительно не пригоден к полетам, пока не будет проведен дополнительный ремонт. Он не принял наше заявление о том, что мы - самолет скорой помощи и международное право не позволяет нам перевозить вооруженных людей. Мы спорили, но его аргументы были сильнее; ему достаточно было сказать: "Возьмите этих людей и расстреляйте их за невыполнение военных приказов", и на этом бы все закончилось. Мы бы улетели без него!

Отряд мужчин забрался в самолет, выбрасывая медицинское оборудование - просто выкидывая его из открытой двери, чтобы освободить место для своих собственных удобств. Выбросили наши носилки, операционный стол, инструменты, все. Их просто выбросили, как будто они были мусором и никогда больше не понадобятся. Так и случилось.

Мы взлетели и направились к месту назначения, но примерно в двух часах езды от нашей точки отправления из-за солнца появились "красные дьяволы", японские истребители, полчища их, как комаров. Ненавистный красный символ ярко светился с крыльев. Они кружили над нашим санитарным самолетом с красными крестами, которые были так хорошо видны, а затем совершенно бесцеремонно по очереди пускали в нас пули. С тех

пор я никогда не любил японцев, но в последующие дни мне предстояло еще больше разжечь пламя своей неприязни.

Нас сбили, и в живых остался только я один. Я упал в самое отвратительное место в Китае - в сточную канаву, куда собирались все отходы. И вот я упал в сточную канаву, провалился до самого дна и сломал обе лодыжки.

Прибыли японские солдаты, меня притащили в их штаб и очень, очень плохо со мной обращались, потому что я отказался дать им какую-либо информацию, кроме того, что я офицер китайской службы. Похоже, это их сильно раздражало, потому что они выбили мне зубы, вырвали все ногти и сделали другие неприятные вещи, от которых я до сих пор страдаю. Например, в мое тело вставляли шланги, а в воду добавляли горчицу и перец, затем включали краны, и мое тело сильно разбухало, а внутри происходили огромные повреждения. Это одна из причин, почему я так страдаю даже сейчас, спустя столько лет.

Но нет смысла вдаваться в подробности, потому что заинтересованный человек может прочитать все это в книге "Доктор из Лхасы". Я бы хотел, чтобы больше людей прочитали эту книгу, чтобы они увидели, какие (ну, ВЫ знаете, какие) люди японцы.

Но меня отправили в лагерь для военнопленных женщин, потому что это считалось унижительным. Некоторые из женщин были захвачены в плен в таких местах, как Гонконг. Некоторые из них находились в действительно шокирующем состоянии из-за постоянных изнасилований.

Стоит упомянуть, что в это время некоторые немецкие офицеры "консультировали" японцев, и этим офицерам всегда предоставляли самых красивых женщин, а извращения - ну, я никогда не видел ничего подобного. Похоже, что немцы преуспели не только в ведении войны, но и в других вещах.

Через некоторое время, когда мои лодыжки зажили, а ногти отросли, мне удалось совершить побег, и я медленно и мучительно вернулся в Чангкинг. Он еще не был в руках японцев,

и мои коллеги-медики там творили чудеса, восстанавливая мое здоровье. У меня был сломан нос. До перелома он был, по западным стандартам, несколько приземистым, но теперь, благодаря хирургической операции, мой нос стал довольно большим, что сделало бы честь любому жителю Запада.

Но в Чангкинг пришла война, жестокая война японской оккупации. Меня снова схватили и пытали, и в конце концов меня снова поставили во главе тюремного лагеря, где я делал все, что мог, для пациентов из числа заключенных. К несчастью, старшего офицера перевели из другой зоны, и он узнал во мне беглого заключенного.

Снова начались неприятности. Мне сломали обе ноги в двух местах, чтобы научить меня не сбежать. Затем меня поставили на дыбу и очень туго стянули руки и ноги. Кроме того, я получил такой удар по нижнему отделу позвоночника, что возникли серьезные осложнения, из-за которых и сейчас мой позвоночник деградирует, настолько, что я уже не могу стоять прямо.

В очередной раз, после того как мои раны зажили, мне удалось бежать. Находясь в районе, где меня хорошо знали, я добрался до дома некоторых миссионеров, которые были полны "ту-ту-ту" и великих восклицаний о горе, сострадании и прочем. Они обработали мои раны, дали мне наркотик и послали за японскими тюремными охранниками, потому что, как они сказали, они хотели защитить свою собственную миссию, а я не был "одним из них".

В лагере со мной обращались так плохо, что боялись, что я не выживу, а они хотели, чтобы я выжил, потому что были уверены, что у меня есть нужная им информация, которую я отказался дать.

Наконец, было решено, что я слишком легко сбежал, и меня отправили на материковую часть Японии в деревню у моря, недалеко от города Хиросима. Меня снова поставили во главе - в качестве медицинского работника - лагеря для женщин, женщин, которых привезли из Гонконга, Шанхая и других городов, и

которых держали там с некоторым смутным расчетом на то, что японцы могут использовать их в качестве заложников при последующих переговорах, потому что война для японцев сейчас шла очень плохо, и руководители прекрасно понимали, что у них нет надежды на победу.

Однажды раздался звук авиационных двигателей, а затем земля задрожала, и вдали показался огромный столб, столб в форме гриба с клубящимися облаками, уходящими высоко в небо. Вокруг нас царила полная паника, охранники разбежались, как испуганные крысы, а я, всегда готовый к такой возможности, перемахнул через забор и спустился к кромке воды. Там стояла рыбацкая лодка - пустая. Мне удалось взобраться на борт, и с помощью шеста у меня осталось достаточно сил, чтобы столкнуть лодку в более глубокую воду. Затем я рухнул в вонючий трюм. Лодка выплыла в море во время отступающего прилива, а я, по горло в воде на дне лодки, ничего не знал об этом, пока, наконец, не очнулся от головокружения и не понял, что снова спасся.

С болью я вытащил себя из воды и с тревогой огляделся. Японцы, подумал я, сейчас пошлют катера, чтобы поймать многократно сбегавшего. Но нет, лодок не было видно, а на горизонте над Хиросимой было тусклое, зловещее, красное зарево, небо было черным, и из этой черноты падали "вещи", кроваво-красные пятна, сажистые массы, черный жирный дождь.

Меня мучил голод. Я огляделся и нашел шкафчик в боковой переборке в направлении носа, в нем лежали куски несвежей рыбы, которые, предположительно, должны были использоваться в качестве наживки. Их было достаточно, чтобы поддерживать во мне определенную жизнь, и я был очень благодарен рыбаку, который оставил их там.

Я откинулся на спинку сиденья лодки и почувствовал сильное беспокойство, потому что лодка раскачивалась самым странным образом, само море казалось странным, были волны такого типа,

каких я раньше не видел, как будто произошло подводное землетрясение.

Я посмотрел вокруг себя, и впечатление было жутковатым. Не было никаких признаков жизни. Обычно в такой день здесь должно было быть бесчисленное множество рыбацких лодок, потому что рыба - основной продукт питания японцев. Я почувствовал сильное беспокойство, потому что, будучи телепатом и ясновидящим, я получал удивительные впечатления, настолько спутанные и многочисленные, что я просто не мог их понять.

Казалось, что все вокруг затихло, кроме странного вздоха ветра. Затем высоко над собой я увидел самолет, очень большой самолет. Он кружил вокруг, и благодаря своей наблюдательности я увидел большой объектив аэрофотоаппарата, направленный вниз. Очевидно, по какой-то неизвестной мне причине производилась фотосъемка местности.

Вскоре самолет развернулся и улетел за пределы видимости, и я снова остался один. Птиц не было видно; странно, подумал я, ведь морские птицы всегда прилетали к рыбацким лодкам. Но других лодок тоже не было, нигде не было никаких признаков жизни, и я испытывал необычные впечатления от своих сверхчувств. Наконец, я, видимо, потерял сознание, потому что все вдруг стало черным.

Лодка с моей бессознательной формой дрейфовала дальше в Неизвестность.

Глава шестая

Через несколько дней, показавшихся мне бесконечными, а на самом деле я понятия не имел, сколько прошло времени, но после этого неопределенного периода я вдруг услышал резкие иностранные голоса, меня подняли за руки и ноги, раскачали и отпустили. Я с плеском приземлился у самой кромки воды и,

открыв затуманенные глаза, обнаружил, что достиг какого-то неизвестного берега.

Перед собой я увидел двух мужчин, которые судорожно толкали лодку и в последний момент запрыгнули на борт. Затем сон, или кома, снова овладел мной.

Мои ощущения были довольно необычными, потому что у меня внезапно возникло впечатление покачивания, а затем прекращения движения. Через - как мне сказали позже - пять дней я вернулся в Страну живых и оказался в безупречно чистой лачуге, которая была домом буддийского священника. Меня ждали, сказал он мне сбивчиво, потому что наши языки были похожи, но не одинаковы, и нам было трудно понять друг друга.

Священник был старым человеком, и ему снились сны (во всяком случае, он называл их снами), что он должен остаться и оказать помощь "великому, который придет издалека". Он был близок к смерти от голода и старости. Его коричневатое-желтое лицо казалось почти прозрачным, настолько он был недокормлен, но откуда-то была получена еда, и в течение нескольких дней я набирался сил. Наконец, когда я уже думал, что, должно быть, прохожу свой жизненный путь, я проснулся утром и обнаружил, что старый монах сидит мёртвый рядом со мной, скрестив ноги. Он был холоден, так что, должно быть, умер еще ночью.

Я позвал несколько человек из маленькой деревушки, в которой находилась лачуга, мы вырыли для него могилу и похоронили его достойно, с соблюдением буддийских церемоний.

Сделав это, я взял те скудные запасы еды, которые у меня остались, и отправился в путь.

Идти было ужасно. Должно быть, я оказался гораздо слабее, чем предполагал, потому что меня тошнило и кружилась голова. Но пути назад не было. Я не понимал, что происходит, не знал, кто враг, а кто друг, а друзей у меня в жизни было не так уж много. Поэтому я шел вперед.

После, казалось, бесконечных миль я подошел к границе. Возле пограничного поста валялись вооруженные люди, и я узнал их форму по фотографиям, которые я видел; это были русские, так что теперь я мог определить свое местонахождение: я был на пути во Владивосток, один из крупных русских морских портов на Дальнем Востоке.

При виде меня пограничники спустили на волю огромных мастифов, и они с рычанием и остервенением бросились на меня, но затем, к удивлению пограничников, они набросились на меня с лаской, потому что мы с ними признали друг друга друзьями. С этими собаками никогда раньше не разговаривали телепатически, и я полагаю, они решили, что я один из них. В любом случае, они прыгали вокруг меня и приветствовали меня диким визгом и радостным лаем. Охранники были очень впечатлены, они решили, что я, должно быть, один из них, и отвели меня в свою караульную комнату, где дали мне еды. Я сказал им, что сбежал от японцев, поэтому, поскольку они тоже воевали с японцами, я автоматически стал "на их стороне".

На следующий день мне предложили поехать во Владивосток, чтобы я мог присмотреть за собаками, которых забирали обратно в город, потому что они были слишком свирепыми для охранников. Я с радостью принял предложение, и мы с собаками поехали в кузове грузовика. После довольно тряской поездки мы прибыли во Владивосток.

Я снова был один, но когда я сворачивал от караульного помещения во Владивостоке, воздух наполнился огромным шумом криков, воя и рычащего лая. Некоторые из собак в большом комплексе внезапно заболели жадой крови и нападали на охранников, которые пытались их контролировать. Приехал капитан и, выслушав то, что ему рассказали пограничники, приказал мне взять собак под контроль. По счастливой случайности мне удалось это сделать, и с помощью телепатии я заставил собак понять, что я их друг и они должны вести себя хорошо.

Меня продержали в этом лагере месяц, пока собаки проходили дрессировку, а по истечении месяца мне снова разрешили отправиться в путь.

Теперь моя задача заключалась в том, чтобы удовлетворить огромное желание двигаться всё дальше и дальше. Несколько дней я слонялся по Владивостоку, размышляя, как добраться до главного города, Москвы. Наконец я узнал о Транссибирской магистрали, но одна из опасностей заключалась в том, что многие беглецы хотели добраться до Москвы, и на довольно большом расстоянии у подъездных путей были ямы, в которых ждали охранники, чтобы они могли видеть под поездами и отстреливать всех, кто цеплялся за прутья.

Наконец один из людей из Владивостокского пограничного отряда, с которым я был в течение последнего месяца, показал мне, как обойти охрану, и так я дошел до Ворошилова, где не было никаких проверок на железной дороге. Я взял с собой еду в заплечном мешке и стал ждать подходящего поезда. В конце концов мне удалось забраться на борт, и я лег внизу, между колесами, фактически я привязал себя к нижней стороне пола вагона, так что я был довольно высоко над осями и скрыт ящиками со смазкой. Поезд тронулся, и на протяжении примерно шести миль я терпел, когда меня держали веревки, пока не решил, что можно забраться на борт одного из вагонов. Было темно, очень темно, луна еще не взошла. С огромным усилием мне удалось открыть дверь одного из вагонов и с болью забраться внутрь.

Примерно через четыре недели после этого поезд прибыл в Ногинск, небольшое местечко примерно в сорока милях от Москвы. Здесь, подумал я, самое лучшее место, чтобы сойти, поэтому я подождал, пока поезд притормозит на повороте, а затем благополучно опустился на мерзлую землю.

Я шел все дальше и дальше, и это было действительно тревожное зрелище - видеть трупы рядом с дорогой, трупы людей, умерших от голода. Пожилой мужчина, шатавшийся

передо мной, упал на землю. Инстинктивно я уже собирался поклониться и посмотреть, что я могу для него сделать, как вдруг раздался шепот: "Стой, товарищ, если ты наклонишься над ним, милиция подумает, что ты мародер, и пристрелит тебя. Не останавливайся!"

Со временем я достиг центра Москвы и смотрел на памятник Ленину, как вдруг меня повалили на землю, как я понял, ударом приклада. Советские охранники стояли надо мной, пинали меня несколько раз, чтобы я поднялся на ноги. Они расспрашивали меня, но у них был такой "сильный городской" акцент, что я совершенно не мог понять, о чем они говорят, и наконец, когда двое мужчин охраняли меня, по одному с каждой стороны, а третий человек с огромным револьвером тыкал мне в позвоночник, меня вывели. Мы дошли до мрачного здания, и меня просто впахнули в маленькую комнату. Здесь меня допрашивали с особой грубостью, и я узнал, что в Москве существует шпионский страх, а меня считают каким-то шпионом, пытающимся проникнуть в Кремль!

После нескольких часов, проведенных в маленьком помещении размером с чуланчик, подъехала машина, и меня отвезли в тюрьму на Лубянке. Это самая страшная тюрьма в России, это тюрьма пыток, тюрьма смерти, тюрьма, где есть собственный встроенный крематорий, чтобы можно было сжечь все улики изуродованного тела.

При входе в Лубянку, в небольшом тамбуре, я должен был снять обувь и пройти босиком. Охранники, сопровождавшие меня, надели на ботинки толстые шерстяные носки, а затем меня в мертвой тишине повели по тусклому коридору, который казался многокилометровым. Не было слышно ни звука.

Раздалось странное шипение, и охранники толкнули меня в спину, прижав лицом к стене. Что-то накрыли мне на голову, чтобы не было видно света. Я скорее почувствовал, чем ощутил, что кто-то проходит мимо меня, и через несколько минут ткань

на моей голове была грубо сорвана, и меня снова толкнули вперед.

Через, казалось бы, невозможное время в полной тишине открылась дверь, и меня очень сильно толкнули в спину. Я споткнулся и упал. Там были три ступеньки, но в крошечной тьме камеры я их не видел, поэтому упал и потерял сознание.

Время шло с невероятной медлительностью. Через определенные промежутки времени в дрожащем воздухе раздавались крики, которые затихали с бульканьем.

Через некоторое время ко мне в камеру пришли охранники. Они жестами попросили меня пройти с ними. Я хотел заговорить, но меня ударили по щекам, а другой охранник приложил палец к губам в универсальном жесте "Не разговаривать!". Меня снова повели по бесконечным коридорам, и в конце концов я оказался в ярко освещенной комнате для допросов. Здесь смена допрашивающих раз за разом задавали мне одни и те же вопросы, а когда я не менял свой рассказ, двум охранникам были даны специальные инструкции; мне провели короткую экскурсию по Лубянке. Меня провели по коридорам и показали комнаты пыток, где бедные несчастные мужчины и женщины подвергались пыткам проклятых. Я видел такие пытки, такие зверские представления, что я не осмелился бы их описать, потому что, зная западных людей, я знаю, что мне не поверят.

Меня провели в каменную комнату, в которой были, по-видимому, стойла. От глухой стены примерно на три фута отходили каменные стойла, и охранники показали мне, как голого мужчину или женщину заталкивали в стойло, упираясь руками в стену впереди. Затем заключенному стреляли в шею сзади, и он падал вперед, а вся кровь стекала в сток, что-бы не было никакого лишнего беспорядка.

Заключенные были раздеты, потому что, по русским представлениям, не было смысла тратить одежду, которая могла бы пригодиться живым.

Оттуда меня поспешно вывели по другому коридору в помещение, похожее на пекарню. Вскоре я убедился, что это не пекарня, потому что тела и части тел кремировали. Когда я пришел, из печи достали очень обгоревший скелет, который затем бросили в большую мясорубку, которая вращалась и перемалывала скелет с ужасным хрустом. Костную пыль, как я понял, отправляли фермерам в качестве удобрения, как и пепел.

Но нет смысла продолжать рассказывать обо всех пытках, которым я подвергся, достаточно сказать, что в конце концов меня притащили к трем высокопоставленным чиновникам. В руках у них были бумаги, которые, по их словам, свидетельствовали о том, что я помогал влиятельным людям во Владивостоке, а еще один - что я помог дочери одного из них бежать из японского лагеря для военнопленных. Они сказали, что меня не убьют, а отправят в Стрый, город в Польше. Туда шли войска из России, и я должен был отправиться с ними в качестве пленного, а затем в Стрые меня депортируют из Польши.

В конце концов, после долгих проволочек, потому что я был слишком болен, чтобы меня можно было перевезти, и мне нужно было дать время на выздоровление, в конце концов, меня передали капралу, с которым было два солдата. Меня повели по улицам Москвы на железнодорожный вокзал. Погода была морозная, лютей холод, но еды не предлагали, хотя трое солдат по одному забредали за едой.

На вокзал вошел большой отряд русских солдат, и сержант сказал, что приказ изменился и меня отправляют в Львов. Меня погрузили в поезд, который с треском и толчками отправился в путь, и наконец мы прибыли в город Киев.

Здесь я и некоторые солдаты вошли в военно-транспортное средство, если быть точным, сорок солдат и я были втиснуты в него. И вот военный транспорт помчался, но наш водитель был слишком быстр и неопытен, он врезался в стену, и воспламенившись от разбитого топливного бака, взорвался. В течение довольно долгого времени я был без сознания. Когда я

снова пришел в себя, меня везли в госпиталь. Здесь мне сделали рентген, и выяснилось, что у меня сломаны три ребра, один сломанный конец пробил левое легкое. Моя левая рука была сломана в двух местах, а левая нога была сломана в колене и в лодыжке. Сломанный конец солдатского штыка пронзил мое левое плечо, лишь немного не дотянувшись до жизненно важного места.

Очнувшись после операции, я увидел, что толстая женщина-врач бьет меня по лицу, чтобы привести в сознание. Я увидел, что нахожусь в палате с сорока или пятьюдесятью другими мужчинами. Боль, которую я испытывал, была невыносимой, не было ничего, чтобы облегчить боль, и довольно долго я висел между жизнью и смертью.

На двадцать второй день моего пребывания в больнице в палату пришли два милиционера, сорвали одеяло с моей кровати и закричали на меня: "Поторопитесь, вас депортируют, вы должны были уехать три недели назад!".

Меня отвезли в Львов и сказали, что я должен буду оплатить свое лечение в больнице, работая в течение года на ремонте и восстановлении дорог в Польше. В течение месяца я занимался этим, сидя у дороги и разбивая камни, а потом, поскольку мои раны не зажили как следует, я упал в обморок, кашляя кровью и т.д., и меня снова отвезли в больницу. Здесь врач сказал мне, что меня нужно вывезти из больницы, так как я умираю, а у него будут неприятности, если в этом месяце умрет еще хоть один заключенный, потому что он "превысил свою квоту".

Так я был депортирован и снова стал скитальцем. Впервые из многих раз мне сказали, что жить мне осталось недолго, но, как и много раз после этого, я не умер.

Идя по дороге, я увидел терпящую бедствие машину, возле которой стоял очень испуганный человек. Я знал довольно много об автомобилях и авиационных двигателях, поэтому я остановился и обнаружил, что с машиной все в порядке, ничего такого, что я не мог бы исправить, во всяком случае. Мне удалось

завести ее, и он был так благодарен, что предложил мне работу. Это не так странно, как может показаться, потому что эта машина проехала мимо меня некоторое время назад, а вот мы вместе пересекали мост через реку, как раз там, где стояли пограничники. Его остановили надолго, и я полагаю, что он наблюдал за пешеходами и думал, что они делают, куда идут - все, что угодно, лишь бы скоротать свободные минуты. Я пересек границу очень быстро - единственный раз в жизни! Но он предложил мне работу, и по его ауре я понял, что он достаточно честный человек, другими словами, настолько честный, насколько он мог себе позволить. Он сказал мне, что ему нужны развозить машины по разным места, поэтому я принял его предложение, и это дало мне поистине замечательную возможность увидеть Европу.

Он хорошо знал это место, и у него были "контакты". Он посмотрел мои документы и содрогнулся при виде их, сказав мне, что я не смогу никуда попасть, кроме тюрьмы, если у меня будут документы с пометкой "Deportee". Поэтому он оставил меня на обочине дороги на некоторое время, после чего вернулся за мной и отвез меня в место, не буду говорить куда, где мне сделали свежие документы, поддельный паспорт и все необходимые проездные документы.

И я поехал за ним. Похоже, он боялся водить машину, и мне повезло, что так и было. Я доехал до Братиславы и далее до Вены; Вена, как я мог убедиться, была очень замечательным городом, но теперь она сильно разрушилась из-за последствий войны. Мы пробыли там два или три дня, и я осмотрел город как можно больше, хотя это было нелегко, потому что люди относились к иностранцам с огромным подозрением. Время от времени человек подходил к полицейскому, начинался разговор шепотом, потом полицейский проверял, в порядке ли его оружие, а затем подходил ко мне и требовал: "Документы!". Это давало мне хороший шанс проверить, что мои документы вполне

"подлинные", потому что никогда не возникало никаких вопросов о них.

Из Вены мы отправились в Клагенфурт. Там была небольшая задержка, я прождал около восьми часов и основательно замерз под морозящим дождем. К тому же я сильно проголодался, потому что был паек, а у меня не было нужных талонов. Но голод был вещью, к которой я хорошо привык, поэтому я просто смирился с ним.

Мы проехали через ночь в Италию и добрались до Венеции. Здесь, к моему сожалению, мне пришлось задержаться на десять дней, и это были несчастные десять дней, потому что я одарен или проклят совершенно исключительным обонянием и, как, возможно, всем известно, каналы Венеции - это открытая канализация. В конце концов, как можно иметь закрытую канализацию, когда все вокруг затоплено? Так что это точно было не место для купания!

Десять дней тянулись, и казалось, что здесь полно американцев, которые были очень полны денег и выпивки. Для американцев было обычным зрелищем мелькнуть с огромной пачкой денег, которой хватило бы большинству итальянцев на год. Многие из американцев, как мне сказали, были дезертирами из армии или ВВС США, которые имели довольно большой бизнес на черном рынке товаров.

Из Венеции мы отправились в Падую, место с богатой историей и напоминающее о прошлом. Я провел здесь неделю, мой работодатель, казалось, имел огромное количество дел, и я был ошеломлен различными подругами, которых он подбирал, как другие люди собирают цветы на обочине дороги. Несомненно, это происходило потому, что у него были большие денежные средства.

В Падуе у моего работодателя внезапно изменились планы, но однажды он пришел ко мне и рассказал обо всем, сказав, что должен лететь обратно в Чехословакию. Но, по его словам, там был американец, который очень хотел со мной встретиться,

человек, который знал обо мне все, так что меня представили этому человеку. Он был крупным мускулистым мужчиной с толстыми пухлыми губами и девушкой-подругой, которая, казалось, не возражала против того, была ли она одета или нет. Американец был еще одним человеком, торгующим автомобилями, грузовиками и различными другими видами техники. Я некоторое время водил большой грузовик в Падуе, мой груз составляли различные официальные автомобили, некоторые из них были взяты у высокопоставленных нацистов, другие - у фашистских чиновников, потерявших жизнь и машины. Эти машины - ну, я просто не мог понять, что с ними происходит, но, похоже, их экспортировали в США, где они стоили баснословные деньги.

Мой новый работодатель, американец, хотел, чтобы я поехал на специальной машине в Швейцарию, а затем на другой машине в Германию, но, как я объяснил, мои документы были недостаточно хороши для этого. Он отмахнулся от моих аргументов, но потом сказал: "Ну и дела, у меня есть для тебя то что надо, я знаю, что мы можем сделать". Два дня назад пьяный американец въехал в бетонную опору, и его всего забрызгало. Мои люди забрали его документы еще до того, как их коснулась кровь, вытекшая из него; вот они". Он повернулся, порылся в своем большом объемистом портфеле и достал пачку бумаг. Я мгновенно насторожился, увидев, что это бумаги второго инженера корабля. Здесь было все: паспорт, карточка морского профсоюза, разрешение на работу, деньги - все. Только одно было не так: фотография.

Американец рассмеялся так, как будто никогда не остановится, и сказал: "Фотография? Пойдем со мной, мы сделаем это прямо сейчас!". Он вывел меня из номера, и мы отправились в какое-то необычное место, которое спускалось вниз по многочисленным каменным ступеням. Тайно постучали в дверь и назвали пароль, после чего нас впустили в захудалую комнату с группой мужчин. С первого взгляда я понял, что это фальшивомонетки, хотя и

не мог определить, что за деньги они подделывают, но это меня не касалось. Я объяснил им суть проблемы, и меня быстро сфотографировали, взяли мою подпись, а затем выпроводили из этого места.

На следующий вечер в дверь отеля постучали, и вошел человек с моими документами. Я просмотрел их и действительно мог поверить, что все подписал и заполнил своим собственным почерком, настолько безупречным он был. Я подумал: "Ну, теперь у меня есть все документы, я смогу сесть где-нибудь на корабль, получить работу инженера и уехать в США. Именно там я должен быть, в США, так что я сделаю то, что хочет этот парень, в надежде попасть в какой-нибудь большой морской порт".

Мой новый работодатель был в восторге от того, как я изменил свое отношение, и первое, что он сделал, это дал мне большую сумму денег и представил мне автомобиль Mercedes, очень мощный автомобиль, и я поехал на нем в Швейцарию. Мне удалось пройти через таможенную и иммиграционную службу, и не было никаких проблем. Затем я поменял машину по специальному адресу и продолжил путь в Германию, фактически до Карлсруэ, где мне сказали, что я должен ехать дальше в Людвигсхафен. Я поехал туда и, к своему удивлению, обнаружил там своего американского работодателя. Он был рад меня видеть, потому что получил сообщение от своих контактов в Швейцарии, что "Мерседес" был доставлен без единой царапины.

Я пробыл в Германии около трех месяцев, чуть больше трех месяцев. Я ездил на разных машинах в разные пункты назначения, и, честно говоря, это не имело для меня смысла, я не знал, почему я езжу на этих машинах. Но у меня было много свободного времени, и я использовал его с пользой, купив много книг для изучения судовых двигателей и обязанностей судового инженера. Я ходил в морские музеи и видел модели кораблей и модели корабельных двигателей, так что к концу трех месяцев я

чувствовал себя вполне уверенно, что смогу применить свои инженерные знания и в морской технике.

Однажды мой начальник отвез меня в пустынный аэропорт. Мы подъехали к заброшенному самолетному ангару. Мужчины бросились открывать двери, и внутри оказалась очень странная конструкция, состоящая, казалось, из желтых металлических стоек, с восемью колесами и огромным совком на одном конце. На другом конце находился маленький застекленный домик - водительский отсек. Мой работодатель сказал: "Вы можете отвезти эту штуку в Верден?". "Не вижу причин для этого", - ответил я. "У нее есть двигатель и колеса, так что она должна быть управляемой". Один из механиков показал мне, как его заводить и как им пользоваться, и я попрактиковался в езде по заброшенным взлетно-посадочным полосам для аэропланов. На территорию вбежал официозный полицейский и объявил, что этой штукой можно пользоваться только ночью и что сзади должен быть человек, чтобы следить за приближающимся транспортом. Поэтому я тренировался, пока искали второго человека. Затем, когда я убедился, что знаю, как заставить машину двигаться и, что еще важнее, знаю, как заставить ее остановиться, мы с моим наблюдателем отправились в Верден. Из-за немецких и французских правил дорожного движения мы могли ехать только ночью, и скорость не превышала двадцати миль в час, так что это было действительно медленное путешествие. У меня было время полюбоваться пейзажами. Я видел выжженную сельскую местность, сгоревшие обломки танков, самолетов и орудий, видел разрушенные дома, от некоторых из которых осталась только одна стена. "Война, - подумал я, - как странно, что люди так относятся к людям. Если бы люди подчинялись только нашим законам, не было бы войн. Наш закон: Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой, - закон, который эффективно предотвращает войны".

Но я видел и очень приятные пейзажи, но мне платили не за то, чтобы я любовался пейзажами, а за то, чтобы я доставил эту громахающую громаду машины в целости и сохранности в Верден.

Наконец мы прибыли в этот город, и рано утром, пока не было большого движения, я загнал его на огромную строительную площадку, где нас ждали. Тут ко мне бросился очень мрачного вида француз, который казался более или менее квадратным, и сказал: "Теперь везите эту штуку в Мец!". Я ответил: "Нет, мне заплатили за то, что я привез ее сюда, и дальше я ее не повезу". К моему ужасному изумлению, он достал один из тех ужасных ножей, которые имеют пружину - вы нажимаете на кнопку, лезвие выдвигается и фиксируется. Он бросился на меня с этим ножом, но я был хорошо обучен, я не собирался быть зарезанным французом, поэтому я сделал небольшой бросок карате, который отправил его на спину с ужасным грохотом, его нож выскочил из его руки. Одно ужасное мгновение он лежал в оцепенении, а затем с яростным криком вскочил на ноги так быстро, что его ноги двигались еще до того, как коснулись земли, и бросился в мастерскую, откуда вышел с трехфутовым стальным прутом, используемым для открывания ящиков. Он бросился на меня и попытался опустить прут на мои плечи. Я упал на колени, схватил одну из его ног и скрутил. Я дернул немного сильнее, чем намеревался, потому что его нога сломалась с довольно сильным щелчком в колене.

Я ожидал, что меня, по крайней мере, арестует полиция. Но вместо этого меня радостно приветствовали сотрудники этого человека, а затем подъехала полицейская машина с полицейскими, выглядевшими очень мрачно. Когда им рассказали, что произошло, они присоединились к аплодисментам и, к моему глубокому изумлению, отвезли меня на хороший обед!

После еды они нашли для меня жилье, и когда я был в нем, пришел человек и сказал, что он все обо мне слышал и не хочу ли

я получить другую работу. Конечно, я хотел, и он отвел меня в кафе, где меня ждали две пожилые дамы. Они были очень старыми и очень авторитарными, они немного поговорили на тему "мой мужчина", пока я не сказал им, что я не их мужчина, я не хочу иметь с ними ничего общего. Тогда одна из них рассмеялась и сказала, что она в действительности восхищается духовным человеком.

Они хотели, чтобы я отвез их на очень новой машине в Париж. Я был, конечно, только за, и хотел поехать в Париж, поэтому я согласился, хотя было условие, что я не должен превышать скорость тридцать пять миль в час. Для меня это не было проблемой, я только что ехал из Людвигсхафена со скоростью двадцать миль в час!

Я благополучно доставил двух пожилых дам в Париж, они очень хорошо заплатили мне за поездку и сделали мне много комплиментов по поводу моего вождения, вообще-то они предложили взять меня к себе на службу, потому что, по их словам, им нравится, когда их шофером становится человек с духом, но это было совсем не то, чего я хотел. Мое задание еще не было выполнено, и я не очень-то любил возить старушек со скоростью тридцать пять миль в час. Поэтому я отказался от их предложения и оставил их, чтобы попытаться найти другую работу.

Люди, у которых я оставил машину старушек, предложили мне жилье, и я отправился туда, как раз когда подъехала машина скорой помощи. Я стоял на улице, ожидая окончания суматохи, и спросил одного мужчину, в чем дело. Он рассказал мне, что человек, у которого была важная работа по доставке мебели в Кан, только что упал и сломал ногу, и он беспокоится, потому что потеряет работу, если не сможет поехать или найти замену. Когда его выносили на носилках, я протиснулся вперед и сказал ему, что могу выполнить его работу за него. Люди из скорой помощи остановились на мгновение, пока мы разговаривали. Я сказал ему, что хочу поехать в этот город, и если он сможет починить

его, то ему заплатят за поездку, а я поеду только для того, чтобы получить этот транспорт. Он выглядел обрадованным, несмотря на боль в ноге, и сказал, что пришлет мне сообщение из своей больницы, после чего его погрузили в машину скорой помощи и увезли.

Я поселился в ночлежке, а позже вечером пришел друг грузчика мебели и сказал, что работа моя, если я поеду в Кан и помогу разгрузить мебель и загрузить новую партию. Этот человек, сказал он мне, принял мое предложение: ему - деньги, мне - работа!

Однако уже на следующий день мне снова пришлось уехать. Мы должны были поехать в один из больших домов в Париже и загрузить этот большой пантехникон. Мы сделали это - садовник поместья и я - потому что водитель был слишком ленив. Он придумывал отговорку за отговоркой, чтобы уйти. Наконец, пантехникон был загружен, и мы отъехали. Когда мы проехали около мили, а то и меньше, водитель остановился и сказал: "Вот, ты садись за руль, я хочу поспать". Мы поменялись местами, и я ехал всю ночь. Утром мы были в Кане и поехали в поместье, где нужно было выгрузить мебель и багаж. Мы с одним из работников дома снова занялись разгрузкой, потому что водитель сказал, что ему нужно ехать по делам в другое место.

Поздним вечером, когда вся работа была закончена, появился водитель и сказал: "Теперь мы должны ехать дальше и загрузить новую партию". Я сел за руль и поехал до главной железнодорожной станции. Там я выпрыгнул, забрав с собой все свои вещи, и сказал машинисту: "Я все время работал, теперь ты сделай что-нибудь для разнообразия!". С этими словами я вошел на станцию и взял билет до Шербура.

Прибыв в этот город, я немного побродил по нему и в конце концов снял комнату в "Жилище моряков" в районе дока. Я постарался встретиться со многими судовыми инженерами, с кем только мог, и сделать так, чтобы они были мне приятны, поэтому, немного поднапрягшись, я получил возможность увидеть

машинные отделения на борту их кораблей, а также получить множество подсказок и советов, которые нелегко получить из учебников.

День за днем я ходил к судоводным агентам, показывая "свои" документы и пытаюсь получить место второго инженера на судне, идущем в США. Я говорил им, что приехал в Европу в отпуск, меня обокрали и теперь я должен отработать свои деньги. Было много выражений сочувствия, и наконец старый добрый шотландский инженер сказал мне, что предложит мне работу третьего инженера, который отправляется этой ночью в Нью-Йорк.

Я поднялся с ним на борт судна и спустился по железным лестницам в машинное отделение. Там он задал мне много вопросов о работе двигателей, о ведении записей и вахт. В конце концов он выразил полное удовлетворение и сказал: "Пойдемте в каюту капитана, и вы сможете подписать судовые документы". Мы так и сделали, и капитан судна выглядел мрачным типом; он мне совсем не понравился, и я ему тоже, но мы подписали статьи, а затем первый инженер судна сказал мне: "Поднимайте свои личные вещи на борт, вы принимаете первую вахту, мы отплываем сегодня вечером". И все. И вот, вероятно, впервые в истории тибетский лама, причем лама-медик, выдавая себя за американского гражданина, устроился на борт американского корабля в качестве третьего инженера.

В течение восьми часов я стоял на вахте в машинном отделении. Второй был не на вахте, а у первого инженера была работа, связанная с выходом из порта, поэтому мне пришлось сразу же заступить на вахту без возможности поесть или даже переодеться в форму. Но восьмичасовое дежурство в порту стало для меня благословением. Это позволило мне привыкнуть к месту, изучить управление, и поэтому вместо того, чтобы быть недовольным и несчастным, как ожидал от меня начальник, на самом деле я был вполне доволен.

По истечении восьми часов главный инженер спустился по стальной лестнице и официально освободил меня от дежурства, сказав, чтобы я пошел и хорошо поел, потому что, по его словам, я выглядел голодным. "И обязательно, - приказал он, - скажите повару, чтобы он принес для меня какао".

Это был отнюдь не счастливый корабль. Капитан и первый помощник думали, что они командуют первоклассным лайнером, а не старым побитым бродячим пароходом, они настаивали на форме, они настаивали на осмотре своей каюты, что было необычной вещью на борту судна. Нет, это был не очень счастливый корабль, но мы пробирались через Атлантику, качаясь и раскачиваясь от североатлантической погоды. Наконец мы достигли плавучего маяка на подходе к гавани Нью-Йорка.

Было раннее утро, и башни Манхэттена, казалось, сияли отраженным светом. Я никогда раньше не видел ничего подобного. Приближаясь со стороны моря, башни выглядели как нечто из области воображения. Мы плыли дальше по Гудзону и прошли под большим мостом. Там я увидел всемирно известную Статую Свободы, но, к моему изумлению, Свобода стояла спиной к Нью-Йорку, оказалась спиной к США. Это меня потрясло. Конечно, подумал я, Свобода только тогда будет в США, пока Америка не будет принимать всех и вся.

Мы достигли нашего причала после долгих толчков и буксировки маленькими буксирами с большой буквой "М" на дымоходе. Затем раздался рев моторов, прибыли большие грузовики, начали работать краны, на борт поднялась береговая команда. Пришел главный инженер и умолял меня подписать контракт, предлагая повышение до второго инженера. Но нет, сказал я ему, с меня хватит этого судна, некоторые палубные офицеры действительно были неприятными людьми.

Мы пошли в судоходную контору, расписались, и главный инженер дал мне прекрасную рекомендацию, в которой говорилось, что я проявил большую преданность долгу, что я был эффективен во всех областях работы машинного отделения, и он

сделал специальную пометку, что приглашает меня снова записаться к нему в любое время на любое судно, потому что, как он написал, я был "отличным товарищем".

Почувствовав себя весьма согретым таким прощанием со стороны главного инженера и неся свои тяжелые чемоданы, я вышел из доков. Стоял ужасный шум транспорта, кричали люди, кричали полицейские, и все вокруг казалось абсолютно безумным. Сначала я отправился в общежитие для кораблей, или, точнее, его следовало бы назвать общежитием моряков. Здесь снова не было никаких признаков гостеприимства, никаких признаков дружелюбия, на самом деле с довольно средней вежливостью, как мне показалось, я поблагодарил человека за то, что он передал мне ключ от комнаты. Он прорычал мне в ответ: "Не благодарите меня, я просто делаю свою работу, не более того".

Двадцать четыре часа - это предел, до которого можно было оставаться в этом общежитии, сорок восемь - если человек собирался присоединиться к другому кораблю. Поэтому на следующий день я снова взял свои чемоданы, спустился на лифте, расплатился с угрюмым портье и вышел на улицу.

Я шел по улице очень осторожно, потому что, честно говоря, был напуган движением. Но тут поднялся страшный шум, машины засигналили, полицейский свистнул в свисток, и в этот момент на тротуаре появилась огромная фигура, налетела на меня и сбила с ног. Я почувствовал, как ломаются кости. Автомобиль, управляемый нетрезвым водителем, двигался по улице с односторонним движением и в последней попытке избежать столкновения с грузовиком, выехал на тротуар и сбил меня с ног.

Очнувшись намного позже, я обнаружил, что нахожусь в больнице. У меня была сломана левая рука, сломаны четыре ребра и разбиты обе ноги. Приехала полиция и попыталась узнать как можно больше о водителе машины - как будто я был его закадычным другом! Я спросил их о моих двух чемоданах, и они весело ответили: "О нет, как только вас сбили с ног, прежде чем

полиция смогла добраться до вас, из арки выскользнул какой-то парень, схватил ваши чемоданы и убежал. У нас не было времени следить за ним, мы должны были убрать вас с тротуара, потому что вы мешали проезду".

Жизнь в больнице была сложной. Из-за травмы ребер я заболел двойной пневмонией и девять недель пролежал в больнице, выздоравливая очень медленно. Воздух Нью-Йорка был совсем не похож на тот, к которому я привык, и все держали все окна закрытыми, а отопление включенным. Я действительно думал, что умру от удушья.

Наконец я достаточно поправился, чтобы встать с постели. После девяти недель в постели я чувствовал себя ужасно слабым. Потом пришла сотрудница больницы и поинтересовалась, сколько мне заплатили! Она сказала: "Мы нашли в вашем бумажнике 260 долларов, и нам придется взять двести пятьдесят из них за ваше пребывание здесь. По закону мы должны оставить вам десять долларов, но остальное вы должны заплатить сами". Она предъявила мне счет на сумму более тысячи долларов.

Я был потрясен и пожаловался другому человеку, который вошел после нее, мужчине, который, похоже, был каким-то высокопоставленным чиновником. Он пожал плечами и сказал: "Ну что ж, вам придется подать в суд на того, кто вас сбил. Мы тут ни при чем". Для меня это было воплощением глупости, потому что как я мог отследить этого человека, если я его не видел? Как я уже сказал, у меня было больше денег в кейсах, и единственным ответом было: "Ну, поймайте этого человека и заберите у него свои кейсы". Поймать человека - после девяти недель в больнице и после того, как полиция, очевидно, не предприняла ни одной стоящей попытки поймать его. Я был потрясен, но мне предстояло испытать еще большее потрясение. Этот человек - старший чиновник - предъявил бумагу и сказал: "Сейчас вас выписывают из больницы, потому что у вас нет денег на дальнейшее лечение. Мы не можем позволить себе держать

вас, иностранцев, здесь, если вы не можете заплатить. Распишитесь здесь!"

Я смотрел на него в шоке. Вот он я, первый день не вставал с постели в течение девяти недель, у меня были переломы костей и двойная пневмония, и теперь меня выписывают из больницы. Не было ни сочувствия, ни понимания, вместо этого меня буквально - я имею в виду совершенно буквально - выволокли из больницы, и все, что у меня было, - это костюм, в который я был одет, и десятидолларовая купюра.

Человек на улице, которому я объяснил свою проблему, показал большим пальцем в сторону агентства по трудоустройству, и я пошел туда и поднялся по многим ступенькам. В конце концов, я получил работу в очень известном отеле, настолько известном, что о нем слышал почти каждый в мире. Работа - мытье посуды. Зарплата - двадцать долларов в неделю и одно питание в день, причем это питание было не тем хорошим, что было у гостей, а тем плохим, что оставляли гости или что считалось непригодным для гостей. На двадцать долларов в неделю я не мог позволить себе комнату, поэтому я не беспокоился о таких вещах, я устраивал свой дом везде, где оказывался, пытался спать в дверном проеме, пытался спать под мостом или под аркой, время от времени с тычащей полицейской дубинкой в ребра и рычащим голосом приказывающим мне убираться и двигаться дальше.

Наконец, по счастливой случайности, я получил работу на радиостанции. Я стал радиодиктором, говорящим со всем миром на коротких волнах. Шесть месяцев я занимался этим, и в течение этих шести месяцев я получил из Шанхая документы и вещи, которые я оставил там у друзей. Среди бумаг был паспорт, выданный британскими властями в Британской концессии.

Но, поскольку я начал чувствовать, что трачу время впустую в качестве диктора на радио, у меня было задание, и все, что я зарабатывал сейчас, это сто десять долларов в неделю, что было большим прогрессом по сравнению с двадцатью долларами в

неделю и одним обедом, но я решил двигаться дальше. Я дал радиостанции достаточно времени, чтобы найти мне подходящую замену, и когда я обучил его в течение двух недель, я ушел.

К счастью, я увидел объявление о том, что требуются люди для вождения автомобилей, поэтому я ответил на него и обнаружил, что могу взять машину и проехать на ней до самого Сиэтла. Сейчас нет смысла пересказывать дорогу, но я благополучно доехал до Сиэтла и получил премию за аккуратное вождение и за то, что сдал машину без единой царапины. А потом мне удалось поехать в Канаду.

Так заканчивается вторая книга
Первая эпоха.

Книга третья

Книга Перемен

"Да не постигнет печаль твоя тех,
кто покинул этот Мир Людей"

"Не называй имен, ибо назвать
перешедших за пределы этого царства, значит
нарушить их покой"

"Посему-то и бывает,
что оплакиваемые страдают больше от тех, кто
скорбит"

"Покой да пребудет"

.....

Это также имеет здравый смысл,
закон о клевете таков, каков он есть!
Посему говорю вам -
Имена не должны быть названы.

ПАКС ВОБИСКУМ.

Глава седьмая

Нет смысла описывать, как я проехал через Канаду, через Скалистые горы, до Виннипега, Тандер-Бей, Монреалья и Квебек-Сити. Тысячи людей - десятки тысяч людей - сделали это. Хотя у меня был и необычный опыт, о котором я, возможно, еще напишу, но сейчас не до этого.

Во время моего путешествия по Канаде мне пришло в голову, что я должен отправиться в Англию. Я был убежден, что задача, которую мне еще предстояло выполнить, должна была начаться в Англии, маленьком местечке, которое я видел лишь издали из иллюминатора корабля, вышедшего из Шербура и направлявшегося в Ла-Манш перед поворотом на США.

В Квебеке я навел справки и сумел получить все необходимые документы: паспорт, разрешение на работу и все остальное. Мне также удалось получить профсоюзную карточку моряка. Опять же, нет смысла вдаваться в подробности того, как я их получил. В прошлом я уже говорил бюрократам, что их дурацкая система волокиты душит только тех, у кого все документы оформлены законно; в моем же случае я категорически заявляю, что единственный раз, когда у меня вообще не было никаких трудностей при въезде в страну, это когда мои документы были в порядке. Здесь, в Канаде, когда я был более мобильным и мог

ездить в США, с моими документами всегда возникали трудности; всегда было что-то не так, всегда было к чему придраться иммиграционному офицеру. И так, бюрократы - это паразиты, которые должны исчезнуть, как вши. Эй! Это тоже была бы хорошая идея, не так ли?

Я вернулся в Монреаль и там, с моими документами, которые были в полном порядке, смог устроиться на корабль рубщиком. Зарплата была не ахти какая, но я рассудил так: я хотел попасть в Англию, а денег на билет у меня не было, поэтому любая зарплата была лучше, чем платить.

Работа была не слишком тяжелой, она заключалась лишь в перестановке грузов, а затем в забивании клиньев в крышки трюмов. Вскоре мы уже плыли по Ла-Маншу, а вскоре после этого свернули в Солент на пути в Саутгемптон. В это время я был свободен от вахты и мог сидеть на корме и смотреть на английские пейзажи, которые меня очень привлекали, английские пейзажи казались мне самыми зелеными из зеленых - в то время я еще не видел Ирландию, которая может превзойти английские пейзажи в любое время, и поэтому я был совершенно очарован.

Военный госпиталь в Нетли меня очень заинтриговал. Я подумал, что это, должно быть, дом короля или кого-то с таким статусом, но один из членов команды с довольно громким смехом вскоре сказал мне, что это просто госпиталь.

Мы прошли мимо Вулстона справа и Саутгемптона слева. Мне было интересно увидеть в Вулстоне родину летающих лодок Supermarine, которые сделали себе имя на Дальнем Востоке.

Вскоре мы причалили в Саутгемптоне, и на борт поднялись официальные лица, проверили документы корабля и осмотрели каюты экипажа. Наконец нам разрешили сойти на берег, и я уже собирался уходить, но меня снова вызвали для проверки иммиграционной службы. Офицер посмотрел мои документы и был очень дружелюбен и одобрителен, когда в ответ на его вопрос: "Надолго ли вы остаетесь?" я ответил: "Надолго". Я ответил: "Я собираюсь жить здесь, сэр". Он поставил

необходимые штампы в паспорте и дал мне направление к жилью для моряков.

Я вышел из иммиграционной службы и на мгновение замер, бросив последний взгляд на старый грузовой корабль, на котором я прибыл из Нового Света в Старый. Таможенник начал переходить дорогу с улыбкой на лице, и вдруг раздался оглушительный удар в спину, и я отшатнулся к стене, выронив при этом два своих чемодана.

Собравшись с мыслями, я обернулся и увидел человека, сидящего у моих ног. Это был старший таможенник, который спешил на работу и ошибся с расстоянием, пытаясь войти в дверь. Я подошел, чтобы помочь ему подняться, и он с яростью ненависти ударил по моим протянутым рукам. Я отшатнулся в полном изумлении, ведь столкновение произошло не по моей вине, я просто стоял там, не проявляя агрессии. Но я поднял свои вещи, чтобы идти дальше, когда он крикнул мне, чтобы я остановился. Он позвал двух охранников, чтобы задержать меня. Таможенник, которого я видел в офисе, поспешно вышел и сказал: "Все в порядке, сэр, все в порядке. Его документы в порядке". Старший чиновник, казалось, потемнел лицом от ярости, и никто не мог вымолвить ни слова. По его приказу меня отвели в комнату, где открыли мои дела и вывалили все на пол. Он не нашел здесь ничего предосудительного. Тогда он потребовал мой паспорт и другие документы. Я отдал их ему, он пролистал их, а затем прорычал, что у меня есть виза и разрешение на работу, и мне не нужно ни то, ни другое. С этими словами он разорвал мой паспорт и выбросил его в мусорную корзину.

Вдруг он нагнулся, поднял все бумаги и сунул их в карман, чтобы, я полагаю, уничтожить их в другом месте.

Он позвонил в колокольчик, и из внешнего офиса вышли двое мужчин. "У этого человека нет документов, - сказал старший офицер, - его придется депортировать. . ." "Но", - сказал офицер, который проштамповал мои документы, - "я видел их, я сам их

проштамповал". Старший повернулся к нему в ярости и сказал такое, что бедняга побледнел. В итоге меня отвели в камеру и оставили там.

На следующий день пришел хмурый молодой идиот из Министерства иностранных дел, погладил свое детское лицо и согласился со мной, что у меня должны были быть необходимые документы. Но, сказал он, Министерство иностранных дел не может иметь проблем с Иммиграционной службой, поэтому меня придется принести в жертву. Лучшее, что я мог сделать, сказал он, это согласиться с тем, что мои документы были потеряны за бортом, иначе меня посадят в тюрьму на довольно длительный срок, а после окончания срока меня все равно депортируют. Два года в тюрьме - эта мысль меня совсем не устраивала. Поэтому мне пришлось подписать бумагу о том, что мой паспорт был утерян в море.

"Теперь, - сказал молодой человек, - вы будете депортированы в Нью-Йорк". Это было слишком для меня, потому что я уехал из Монреаля и Квебека, но ответ был быстрым; я должен был отправиться в Нью-Йорк, потому что если я поеду в провинцию Квебек и расскажу свою историю, пресса может узнать об этом и устроить переполох, потому что пресса всегда жаждет сенсаций - не с точки зрения того, чтобы принести кому-то пользу, а просто потому, что пресса процветает на сенсациях и неприятностях.

Некоторое время меня держали в камере, и вот мне сказали, что на следующий день меня депортируют. Утром меня вывели из камеры, а старший офицер сиял от радости, что ему, мелкому бюрократу, каким он был, удалось подстроить правосудие под свои желания.

После обеда меня отвели на корабль и сказали, что я должен буду работать, и это будет самая тяжелая работа на борту корабля - разгребать уголь в бункерах одной из самых старых угольных горелок.

Затем меня отвели обратно в камеру, потому что корабль еще не был готов к отплытию, и капитан мог принять меня на борт

только за час до отплытия. Через двадцать четыре часа меня отвели на корабль и заперли в очень маленькой каюте, где я находился до тех пор, пока корабль не отплыл за территориальные пределы.

Через некоторое время меня выпустили из камеры, так как именно такой была маленькая каюта, а затем дали потрепанную лопату и грабли и велели вычистить клинкеры и так далее.

Так я поплыл обратно через Атлантику, в сторону Нью-Йорка, и когда утром показалась первая полоска земли, капитан послал за мной и поговорил со мной наедине. Он сказал мне, что согласен с тем, что со мной поступили несправедливо. Он сказал мне, что полиция поднимается на борт, чтобы арестовать меня, и я буду осужден за незаконный въезд в США, а затем после отбытия наказания меня депортируют в Китай. Он огляделся, а затем подошел к ящику своего стола и сказал: "Такой человек, как вы, может легко сбежать, если захочет. Самая большая трудность - это наручники. Вот ключ, который подойдет к американским наручникам, я отвернусь, а вы возьмете ключ. Как вы понимаете, я не могу дать вам ключ, но если вы его возьмете - что ж, мне ничего об этом не нужно знать".

С этими словами он повернулся, а я быстро спрятал ключ в карман.

Этот капитан был очень порядочным человеком. Когда американские полицейские поднялись на борт, проверяя свои наручники, он сказал им, что я вряд ли причину какие-либо неприятности, сказал, что, по его собственному мнению, я не сделал ничего плохого и меня просто подставил неприятный иммиграционный офицер. Старший полицейский цинично рассмеялся и сказал, что вполне согласен, каждого человека кто-то подставляет, и с этими словами он защелкнул наручники на моих запястьях и грубо толкнул меня в сторону лестницы Якоба - лестницы, по которой лоцманы и полицейские входят и выходят из кораблей, находящихся в море.

С некоторым трудом мне удалось спуститься по трапу, хотя полицейские выражали надежду, что я упаду и им придется меня вылавливать. На борту полицейской шлюпки меня грубо затолкали на корму. Затем двое полицейских занялись своей работой - заполнили протокол и повернули шлюпку к берегу.

Я ждал своего шанса, пока причалы не оказались рядом, а затем, когда полицейские не смотрели в мою сторону, я просто перепрыгнул через борт.

Вода была ужасной. На поверхности был тонкий налет нефти и грязи, грязи, которая была сточными водами кораблей и лайнеров, пришвартованных здесь, грязи, которую сдуло с пристаней, плавающих газет, плавающих коробок, кусков кокса, всевозможных странных кусков дерева, просто проплывающих мимо. Я нырнул на глубину, мне удалось достать ключ и отстегнуть наручники, которые я бросил на дно гавани.

Мне пришлось подняться за воздухом, и когда я всплыл на поверхность, совсем близко от меня пролетел фюзеляж самолета, так близко, что одна из пуль брызнула мне в лицо водой. Поэтому, быстро глотнув воздуха, я снова опустился на дно и поплыл не к ближайшему месту, а к более отдаленному, зная, что полиция будет ожидать, что я поплыву к ближайшему.

Медленно я поднялся на поверхность, пока только мой рот и подбородок не оказались над водой. Затем снова сделал глубокий вдох, и еще один, и еще. Выстрелов в мою сторону не последовало, но я едва мог видеть полицейский катер, курсирующий перед ближайшей пристанью.

Осторожно я позволил себе снова погрузиться и медленно поплыл, чтобы сохранить запас воздуха, к пристани.

Вдруг раздался удар, и я инстинктивно протянул руки и схватился за то, о что ударился головой. Это была куча полузатонувших бревен, которые, очевидно, упали с частично разрушенной пристани надо мной. Я уцепился за него так, что мое лицо оказалось вне воды. Медленно, не слыша ни звука, я сел и увидел вдалеке полицейскую шлюпку, к которой

присоединились еще две, рыскавшие под сваями другой пристани. На верху пристани вооруженные полицейские рыскали вокруг, обыскивая различные здания.

Я не шевелился, потому что вдруг появилась лодка с тремя полицейскими в ней. Они молча гребли. У одного из полицейских был бинокль, и он внимательно рассматривал все пристани в округе. Медленно я соскользнул с балки и погрузился в воду так, что только нос и рот были над поверхностью. В конце концов я немного приподнял голову, но лодка была уже далеко. Приглядевшись, я услышал крик: "Похоже, парень уже окоченел, мы заберем его тело позже".

Я снова лег на бревно, дрожа от холода, вызванного мокрой одеждой и обдувавшим меня жестким ветром.

Когда наступила темнота, мне удалось выбраться на верхнюю часть пристани и броситься в укрытие сарая. Приближался человек, я увидел, что это ласкар, и он выглядел вполне дружелюбно, поэтому я тихонько свистнул. Он беспечно прогуливался дальше и, казалось, совершенно бесцельно, направился к моему укрытию. Затем он опустился, чтобы поднять валявшиеся рядом листки бумаги. "Выходи, осторожно, - сказал он, - цветной джентльмен ждет с грузовиком, он вытащит тебя из этого".

Ну, в конце концов, я выбрался, но я был в очень плохом состоянии, я страдал от истощения и облучения. Я забрался в мусоровоз, надо мной натянули брезент, а сверху вывалили целую кучу мусора!

Цветной человек отвез меня к себе домой, и за мной хорошо ухаживали, но в течение двух дней и ночей я спал сном совершенно измученного человека.

Во время моего истощения, пока физическое тело восстанавливалось, я совершил астральное путешествие и увидел своего любимого Проводника и друга, ламу Мингьяра Дондупа. Он сказал мне: "Твои страдания действительно были велики, слишком велики. Твои страдания были кислым плодом

бесчеловечности человека по отношению к человеку, но твое тело изнашивается, и скоро тебе придется пройти церемонию переселения".

В астральном мире я сидел, и мой спутник сидел со мной. Мне было сказано еще следующее.

"Твое нынешнее тело находится в состоянии коллапса, жизнь этого тела не будет продолжаться долго. Мы боялись, что в диком западном мире будут преобладать такие условия, что вы будете ослаблены, и поэтому мы искали тело, которое вы могли бы взять на себя и которое со временем воспроизвело бы все ваши собственные черты.

"Мы определили, что такой человек существует. Его тело находится в небольшом балансе с твоим собственным, иначе, конечно, изменение не могло бы произойти. Тела должны быть совместимы, и у этого человека есть тело, которое совместимо. Мы обратились к нему в астрале, потому что увидели, что он подумывает о самоубийстве. Это молодой англичанин, который очень недоволен жизнью, он совсем не счастлив жизнью, и в течение некоторого времени он пытается выбрать наиболее безболезненный способ того, что он называет "самоуничтожением". Он совершенно готов оставить свое тело и отправиться сюда, в астральный мир, при условии, что он ничего не потеряет от этого!

"Некоторое время назад мы убедили его сменить имя на то, которое сейчас используешь ты, так что осталось уладить еще несколько вопросов, а потом - что ж, вам придется сменить тела".

Мне было сказано, что очень, очень необходимо вернуться в Тибет, прежде чем я смогу пройти необходимый процесс трансмиграции. Мне были даны тщательные инструкции, и когда я почувствовал себя достаточно хорошо, я отправился в судоходную контору и взял билет до Бомбея. И снова я подвергся всевозможным притеснениям, поскольку мой багаж состоял всего из одного чемодана. Но наконец я поднялся на борт корабля, и когда я был в своей каюте, ко мне пришли два детектива, чтобы

выяснить, почему у меня только один чемодан. Заверив, что в Индии у меня достаточно багажа, они радостно улыбнулись и ушли.

Было очень странно быть пассажиром на борту корабля. Все избегали меня, потому что я был изгоем, у которого был только один чемодан. У других, конечно, казалось, было достаточно багажа, чтобы набить целый магазин, но я - видимо, беднейший из бедных - должен был быть беглецом от правосудия или кем-то вроде того, чтобы путешествовать так, как я, и поэтому меня избегали.

Корабль шел из Нью-Йорка вдоль всего побережья Африки и через Гибралтарский пролив. Затем мы сделали еще одну остановку в Александрии перед входом в Суэцкий канал и далее к Красному морю. Красное море было ужасным, жара стояла убийственная, и я чуть не получил тепловой удар. Но наконец мы миновали побережье Эфиопии, пересекли Аравийское море и причалили в Бомбее. Шум и запах в Бомбее были ужасными, просто фантастическими, но у меня было несколько друзей, буддийский священник и несколько влиятельных людей, и поэтому мое недельное пребывание в Бомбее было интересным.

После недели, в течение которой я пытался оправиться от всех пережитых потрясений и стрессов, меня посадили на поезд, и я пересек Индию до города Калимпонг. Мне удалось высадиться из поезда до того, как он вошел в Калимпонг, потому что меня предупредили, что это место абсолютно забито коммунистическими шпионами и газетчиками, а вновь прибывших останавливают и допрашивают газетчики, и, как я убедился позже, если человек не давал интервью, газетчики "придумывали" его, не обращая никакого внимания на правду.

Я немного знал Калимпонг, конечно, я знал достаточно, чтобы связаться с некоторыми друзьями и таким образом "ушел в подполье", подальше от шпионов и от газетчиков.

К этому времени мое здоровье очень быстро ухудшалось, и были серьезные опасения, что я не проживу достаточно долго,

чтобы пройти церемонию переселения. В Калимпонге находился лама, который вместе со мной проходил обучение в Чакпори, и он пришел мне на помощь с очень сильными травами.

В компании этого ламы-медика я отправился дальше, и после десяти недель тяжелого пути мы достигли Ламаистского монастыря, откуда открывался вид на долину Лхасы. Он был высоким и недоступным, он был неприметным, и коммунисты не стали бы беспокоиться о таком маленьком незначительном месте. Здесь я снова отдохнул, в общей сложности я отдыхал около семи дней. На завтра, как мне однажды сказали, я должен был отправиться в астрал и встретиться с астральным телом человека, чьим физическим транспортным средством я собирался завладеть.

Пока же я отдыхал и размышлял о проблемах трансмиграции. Тело этого человека было для меня бесполезно, потому что это было ЕГО тело и имело много вибраций, несовместимых с моими собственными. Со временем, сказали мне, тело будет точно соответствовать моему собственному телу в том же возрасте, и если западным людям трудно в это поверить или понять, позвольте мне сказать следующее: западный мир знает о гальваническом покрытии, и западный мир также знает об электропечати. В последней системе предмет может быть погружен в определенную жидкость, а специальный "разъем" прикладывается к предмету, и когда напряжение включается с правильным показателем и силой тока, создается точная копия оригинального предмета. Этот способ известен как электропечать.

Опять же, можно сделать гальваническое покрытие. Можно наносить покрытия из различных металлов, никеля, хрома, родия, меди, серебра, золота, платины и т.д. Нужно только знать, как это делать. Ток течет от одного полюса к другому через жидкость, и молекулы одного полюса переносятся на другой полюс. Это достаточно простая система, но это не трактат о гальванике. Трансмиграция и замена молекулы за молекулой "ткани" хозяина

на "ткань" - как бы это сказать? - нового обитателя вполне реальны, и это делалось раз за разом теми, кто знает как. К счастью, те, кто знает как, всегда были людьми с надежным характером, иначе это было бы действительно ужасно, если бы кто-то просто захватил тело другого человека и причинил вред. Я чувствовал себя слишком самодовольным, возможно, глупо, когда думал: "Итак, я собираюсь делать добро, и не хочу просто занимать чье-то непонятное тело, все, чего я хочу, - это покой". Но, похоже, никакого покоя в моей жизни не было.

Кстати, как человек, изучавший все религии, я должен отметить, что адепты делали это для жизни после жизни. Сам Далай-лама делал это, а тело Иисуса было занято Духом Сына Божьего, и это было общеизвестно даже в христианской вере, пока не было запрещено, потому что это делало людей слишком самодовольными.

С этой высокой местности в отдаленном изолированном монастыре я мог смотреть на далекий город Лхасу; довольно мощный телескоп был каким-то образом тайно вывезен из Поталы и привезен сюда, поэтому одним из моих праздных развлечений было использовать телескоп и смотреть на угрюмых китайских охранников в Парго Калинг. Я видел, как войска мчались на своих джипах, я видел в телескоп множество невыразимых вещей, которые творились с мужчинами и женщинами, и с ужасом вспоминал, что я, как и многие другие, воевал на стороне китайцев, а теперь китайцы вели себя не в соответствии со своими обещаниями, не в соответствии со своими клятвенными принципами. Они думали только о насилии.

Трудно было поверить, глядя в окно без стекла, что это тот же Тибет, та же Лхаса, которую я знал раньше. Золотое Солнце все еще пробивалось сверкающими лучами сквозь ущелья в горах, серебристая Луна все еще пересекала черноту ночного неба, а далекие точки цветного света, которые были звездами, все еще пронзали крышу небес. Ночные птицы не были слышны, как раньше, потому что китайские коммунисты уничтожали все на

своем пути. К своему ужасу я обнаружил, что они уничтожают жизнь тех существ, которых я так любил. Птицы, по их словам, ели зерно, без которого люди умирали с голоду. Кошек убивали, так что в Лхасе больше не осталось ни одной кошки, так мне сказали. Китайцы убивали и ели собак. Похоже, это был китайский деликатес. Так что не только бедные люди подвергались смерти от рук китайских коммунистов, но и животные, питомцы Богов, истреблялись без всякой причины. У меня было плохо на душе от всех этих ужасов, совершаемых над безобидными, невинными людьми. Когда я смотрел на темнеющее небо, меня переполняли эмоции, меня одолевала печаль, а потом я подумал: "Что ж, мне предстоит эта работа, в моей жизни было предсказано много зла. Надеюсь, я достаточно силен, чтобы выдержать все то, что было предсказано."

В течение некоторого времени я смутно ощущал сильное волнение, атмосферу ожидания, и мое внимание снова и снова обращалось к Лхасе. Телескоп был прекрасен. Но было трудно смотреть через узкое окно с таким громоздким предметом, поэтому я обратился к паре биноклей с двадцатикратным увеличением, которые также были привезены с собой и которые обеспечивали большую маневренность для обзора за пределами угла телескопа в окне.

Мое внимание было внезапно отвлечено от наблюдения, так как вошли трое мужчин, двое из которых поддерживали того, кто стоял между ними. Я повернулся и в ужасе посмотрел на него: он был слеп, его глаза были выколоты, оставив красные лужи. Нос отсутствовал. Двое мужчин осторожно привели его в сидячее положение, и в замороженном ужасе я узнал в нем того, кого знал раньше, того, кто помогал мне в учебе в Чакпори. Оба сопровождающих поклонились и ушли. Мы с ламой стояли лицом друг к другу, и он заговорил низким голосом: "Брат мой, - сказал он мне, - я хорошо различаю твои мысли. Ты удивляешься, как я оказался в таком состоянии. Я отвечу тебе. Я занимался своим законным делом и случайно бросил взгляд в сторону

Железной горы. Китайский коммунист офицер внезапно повернулся с места, где он сидел в своей машине, и обвинил меня в том, что я смотрел на него и думал о нем недобрые мысли. Естественно, я отверг обвинение, потому что это неправда, я просто смотрел на наш любимый дом. Но нет, офицер сказал, что все священники - лжецы и реакционеры, и отдал резкий приказ своим людям. Меня схватили и сбили с ног, а затем обвязали веревкой вокруг груди и завязали узлом за спиной. Другой конец привязали к задней части машины, в которой сидел офицер. Затем с радостным воплем он уехал, волоча меня по дороге лицом вниз".

Старый лама остановился и поднял свой халат. Я задохнулся от ужаса, потому что вся кожа и большая часть плоти были содраны с головы до ног, клочья плоти свисали вниз, а внутренняя сторона его халата представляла собой кровавое месиво. Он снова осторожно опустил халат и сказал: "Да, неровности дороги оторвали мне нос, оторвали и другие вещи, и теперь я жду, когда смогу перейти в Запредельную страну. Но прежде чем я смогу получить это освобождение, мне нужно выполнить еще одну задачу".

Он сделал паузу на мгновение или два, восстанавливая энергию, а затем сказал: "Этот вопрос о трансмиграции и возможности того, что нам, возможно, придется использовать ее, был известен в течение многих лет, и я был ответственным за проект, мне пришлось изучить древние манускрипты, чтобы узнать об этом как можно больше. Мне пришлось обратиться к Акашическим записям, и я должен был собрать как можно больше знаний". Он снова сделал паузу, но затем продолжил: "Китайцы в конце концов освободили меня от уз, но у офицера было еще одно злое дело. Он пнул меня, когда я лежал на спине в грязи, и сказал: "Ты смотрел на меня и желал мне зла, за это ты больше не будешь видеть". Один из его людей подобрал на дороге острый узкий кремень и воткнул его в мои глазные яблоки, одно за другим, и просто вывернул мои глазные яблоки

так, что они болтались у меня на щеках. Затем они со смехом ушли и оставили меня в том виде, в каком я был, с оторванным носом, разорванным телом, по которому уже нельзя было сказать, мужчина я или женщина, потому что такие части были оторваны, а на щеках лежали мои ослепшие глаза с пробитыми глазными яблоками, из которых вытекала жидкость и стекала в уши.

"Когда они смогли, потрясенные люди пришли мне на помощь, меня подняли и понесли в дом. Я потерял сознание, а когда пришёл в себя, обнаружил, что мне удалили глаза и хорошо обработали травяными сборами. Незаметно ночью меня унесли в горы, чтобы дожидаться твоего прихода. Теперь я должен многое рассказать тебе и сопровождать тебя в путешествие в астрал, из которого я уже не вернусь".

Он немного отдохнул, чтобы немного восстановить силы, а затем, когда к его щекам вернулся легкий цвет, сказал: "Мы должны отправиться в астрал".

И мы снова пошли по знакомому маршруту. Каждый из нас сидел в позе лотоса, той позе, которую нам, жителям Востока, легче всего поддерживать. Мы произнесли подходящие мантры, с помощью которых наши вибрации настолько повысились, что с почти незаметным толчком, сопровождающим такой переход, мы вышли из своих тел, я на время, а мой спутник навсегда.

Серость Земли и белизна вечных снегов исчезли из нашего поля зрения. Перед нами появилась завеса, мерцающая голубовато-белым светом, завеса, которая при первом приближении казалась непроницаемым барьером, но те, кто знал, как это сделать, могли беспрепятственно войти внутрь. Мы так и сделали, и оказались в зоне Великолепного света с впечатлениями радости.

В той точке астрального мира, куда мы вошли, мы оказались на зелёном поле, трава была короткой и пружинила под ногами. "Ах!" - вздохнул лама вместе со мной, - "Как прекрасно снова видеть, как прекрасно быть без боли. Скоро моя задача будет

выполнена, тогда я буду Дома, по крайней мере, на некоторое время". Сказав так, он повел меня по приятной тропинке.

Вокруг были деревья, много-много деревьев, все в зеленых, красных и желтых листьях. Сбоку от нас текла величественная река, отражая своей водной гладью глубокую синеву неба над головой. По небу лениво дрейфовали слабые ворсистые облака, и царила атмосфера бурлящей жизни, жизненной силы, здоровья, счастья.

На деревьях пели птицы, такие птицы, каких я не видел на Земле, потому что это были действительно прекрасные создания, птицы разных цветов, птицы с разным оперением.

Мы со стариком пошли дальше среди деревьев, а затем вышли на открытое пространство, которое действительно было садом, садом блестящих цветов, но ни один из них я не смог распознать. Цветы, казалось, кивали в нашу сторону, как бы приветствуя нас. Вдалеке виднелись люди, которые бродили по саду, словно наслаждаясь его великолепием. Время от времени кто-то наклонялся и нюхал цветок. Иногда кто-то поднимал руку к небу, и птица прилетала и садилась на протянутую руку. Здесь не было страха, только покой и удовлетворение.

Мы шли некоторое время, а потом перед нами предстал огромный храм. У него был купол из сияющего золота, а стены, поддерживавшие его, были светло-лилового цвета. От него тянулись другие здания, каждое пастельного оттенка, все гармонично сочеталось, но у входа в храм нас ждала группа людей. Некоторые из них были одеты в тибетские одеяния, а другой - я не мог понять, во что он был одет в данный момент - выглядел так, будто на нем было черное или что-то очень темное. А потом, когда мы подошли, я увидел, что это был человек из западного мира, одетый в западные одежды.

При нашем приближении ламы повернулись и протянули руки в нашу сторону, протянули руки в знак приветствия. Я увидел, что один из них был моим проводником и другом, ламой Мингьяром Дондупом, поэтому я знал, что все будет хорошо,

потому что этот человек был хорошим и только хорошим. Другая фигура, которую я увидел, была ещё более выдающейся на земном плане, но сейчас он был просто одним из приветствующей "группы", ожидающей нас.

Вскоре мы обменялись радостными приветствиями, а затем как один двинулись во внутрь великого храма, пересекая центральный зал и продвигаясь дальше вглубь здания. Мы вошли в небольшую комнату, существование которой было нелегко определить: казалось, что стены раздвигаются и, признавая наше присутствие, плотно закрываются за нами.

Мой Проводник, очевидно, представитель, повернулся ко мне и сказал: "Брат мой, вот молодой человек, в чье тело ты собираешься вселиться". Я повернулся и встретился взглядом с молодым человеком, пораженный. Конечно же, между нами не было никакого сходства, он был намного меньше меня, и единственным сходством между нами было то, что он был лысым, как и я! Мой Проводник рассмеялся и наставительно покачал пальцем у моего носа: "Ну-ка, ну-ка, Лобсанг, - засмеялся он, - не торопись с выводами. Все это было запланировано; сначала я собираюсь показать тебе несколько картинок из Акашической записи". И он так и сделал.

Закончив просмотр Записи, он сказал, обращаясь к молодому человеку: "Теперь, молодой человек, я думаю, пришло время, чтобы вы рассказали нам кое-что о себе, потому что если кто-то должен занять ваше тело, то, конечно, пришло время тому, кто займет его, узнать, с чем он столкнется".

Молодой человек, к которому так обратились, выглядел очень невозмутимым и ответил угрюмым тоном: "Ну, нет, мне нечего сказать о своем прошлом, оно всегда было против меня. Что бы я ни сказал о своем прошлом, это будет использовано только для того, чтобы унижить меня". Мой Гид печально посмотрел на него и сказал: "Молодой человек, у нас здесь огромный опыт в таких вещах, и мы судим человека не по тому, каково его происхождение, а по тому, каков он сам". Мой Гид вздохнул, а

затем сказал: "Ты собирался совершить смертный грех самоубийства, действительно грех, грех, который мог бы стоить тебе дорогой ценой многих и многих жизней лишений, чтобы искупить его. Мы предлагаем вам мир, покой в астрале, чтобы вы могли обрести понимание некоторых вещей, которые беспокоили вас на протяжении всей вашей жизни. Чем больше вы будете сотрудничать, тем легче мы сможем помочь вам, а также помочь в той задаче, которая стоит перед нами". Молодой человек покачал головой в знак отрицания и сказал: "Нет, соглашение заключалось в том, что я хочу покинуть свое тело, а вы хотите поместить в него кого-то другого, вот и все соглашение, и я обязываю вас его выполнять".

Внезапно произошла вспышка, и молодой человек исчез. Находившийся со мной старый лама, который теперь был молодым человеком, полным здоровья, воскликнул: "О, дорогой, дорогой, с такими дерзкими мыслями он не мог остаться с нами здесь, на этом астральном плане. Теперь мы должны пойти туда, где он спит в комнате один. Но на эту ночь мы должны дать ему поспать, мы не хотим повредить тело, поэтому мне придется как-то вернуться с тобой в Лхасу до следующей ночи".

Время шло, и я видел, что старый лама быстро слабеет, поэтому я сказал ему: "Пора нам выйти в астрал". "Да, - ответил он, - я больше не увижу это свое тело. Я должен идти, мы должны идти, потому что если я умру до того, как окажусь в астрале, это задержит нас".

Вместе мы столкнулись с этим толчком и взмыли дальше и выше, но не в тот астральный мир, который мы посещали раньше. На этот раз мы пролетели через весь мир к дому в Англии. В физическом мире мы увидели лицо человека, которого я раньше видел только в астрале. Он выглядел таким недовольным, таким несчастным. Мы попытались привлечь его внимание, но он спал очень крепко. Старый лама прошептал: "Ты идешь?". Я прошептал: "Ты идешь?". И мы продолжали, сначала один, потом другой, пока, наконец, очень неохотно астральная

форма этого человека не вышла из его физического тела. Медленно она сочилась, медленно она сгустилась над ним в точную форму его тела, затем она изменила свое положение, голова астрального тела переместилась к ногам. Форма накренилась и приземлилась на ноги. Он, конечно, выглядел очень невозмутимым, и, как я мог видеть, он совершенно не помнил, что видел нас раньше. Меня это поразило, но мой спутник прошептал, что он был в таком плохом настроении и так сильно хлопнулся обратно в свое тело, что полностью стер все воспоминания о том, что с ним произошло.

"Так ты хочешь покинуть свое тело?" спросил я. "Конечно, хочу", - почти прорычал он мне в ответ. "Мне здесь совершенно не нравится". Я смотрел на него и дрожал от страха и, если не сказать больше, от чистого испуга. Как я собирался завладеть телом такого человека? Такой коварный человек, такой трудный. Но, вот, свершилось. Он рассмеялся и сказал: "Так это ТЫ хочешь мое тело? Неважно, что ты хочешь, неважно, кто ты в Англии, важно лишь то, кого ты знаешь и сколько у тебя есть".

Мы поговорили с ним некоторое время, он стал спокойнее, и я сказал: "Ну, во-первых, тебе придется отрастить бороду. Я не могу брить бороду, потому что мои челюсти были повреждены японцами. Вы можете отрастить бороду?" "Да, сэр", - ответил он, - "могу и отращу".

Я задумался на мгновение, а затем сказал: "Очень хорошо, через месяц ты должен быть в состоянии отрастить подходящую бороду. Тогда через месяц я приду, займу твоё тело, и тебе будет позволено отправиться в астральный мир, чтобы ты мог восстановить своё спокойствие и понять, что в жизни есть радость". Затем я сказал: "Нам будет очень полезно, очень полезно, если вы расскажете нам историю своей жизни, потому что, хотя мы многое видели в астрале через Акашические записи, все же есть благо, которое можно получить, услышав реальный опыт от человека".

Он снова выглядел ужасно раздражённым и сказал: "Нет, нет, я не могу вынести этого, я больше не скажу ни слова".

К сожалению, мы отвернулись и отправились в астральный мир, чтобы снова обратиться к Акашической Записи, чтобы увидеть многое из его жизни, но в Акашической Записи можно увидеть всё, что произошло, не обязательно получать невысказанные мнения человека, мы видим действие, но не мысль, которая предшествовала действию.

Но давайте теперь сделаем скачок вперед от тех дней много лет назад. Молодой человек сейчас, много лет прожив в астральном мире, несколько смягчился и в какой-то небольшой степени осознает трудности, с которыми мы сталкиваемся. Поэтому он согласился рассказать нам историю своей жизни. Он в астральном мире, а я, Лобсанг Рампа, здесь, в земном мире, пытаюсь записать в точности по диктовке то, что рассказывает молодой человек. Вскоре мы получим его рассказ, но необходимо подчеркнуть, что имена не будут названы, поскольку они причиняют страдания другим. Это не история мести, не история горечи. На самом деле, эта книга - история триумфа над, казалось бы, невозможными препятствиями. Было много попыток остановить мои книги, но я всегда помнил о том, как человек идет вперед, даже если собаки тявкают у его ног; я всегда помнил о том, что человек может продолжать свою работу, даже если вокруг него роятся мошки и мухи. Поэтому я говорю: мне нет нужды горевать, ибо то, что я хотел сделать, теперь возможно, и моя нынешняя задача - просто завершить дело того, кто "упал на обочину".

И снова я говорю с максимальной искренностью, которая мне доступна, что все эти мои книги - правда, абсолютная правда, они написаны без авторской лицензии, они содержат правду, так как эти вещи произошли со мной. Все то, о чем я пишу, я могу делать, но не для публичной демонстрации, потому что я не шарлатан и не шоумен. Все, что я делаю, я делаю для выполнения своей задачи.

Итак, давайте теперь перевернем страницу и прочитаем, что сказал молодой человек.

Глава восьмая

Это история жизни Хозяина. Это история, которую трудно рассказывать, потому что рассказчик находится на астральном плане, а тот, кто должен её записывать, находится на земном плане в городе Калгари, Альберта, Канада. Эта история жизни выбивается из контекста, она вставляет перерыв между тем, что уже было написано, и той частью, которая, естественно, должна была бы продолжаться, но когда человек имеет дело с делами астрала, ему приходится идти на некоторые уступки в вопросе времени, потому что время на астральном плане не то же самое, что время на земном плане. Поэтому эта история жизни приводится сейчас, и объяснение, почему она приводится сейчас, дано здесь, чтобы избежать потока писем с разными вопросами. С этого момента и до тех пор, пока я не укажу, все написанное диктуется тем, кого мы будем называть "Хозяин".

Дед был очень важным человеком, по крайней мере, в сельском округе Плимптон, который, насколько я помню, включал Плимптон Сент-Мэри, Плимптон Сент-Морис, Андервуд и Коулбрук, а также множество других населенных пунктов.

Дед был начальником водопроводной станции в Плимптоне. Каждый день он проезжал на пони с пожитками весь путь вверх по холму, пока через милю или около того не подъезжал к огороженной насыпи с маленькой хижиной на ней - водохранилище было засыпано. Дедушка поднимался туда с четырехфутовой палкой, один конец которой был в форме блюдца, а другой закруглен. Он прикладывал ухо к блюдцеобразному концу, а другой конец прижимал к земле и

слышал, как вода устремляется по трубам вниз и подается в краны Плимптона, Андервуда, Коулбрука и других районов.

У деда также был довольно процветающий бизнес, в котором работало несколько человек и много подмастерьев. Он учил их водопроводному делу - отсюда и те язвительные истории, которые позже возникли, - жестяному делу и общему инженерному делу. В те времена, в начале века, люди не спешили в супермаркеты за чайниками, кастрюлями, сковородками и всем остальным; эти вещи делались вручную, и дедушкины люди их делали.

Дедушка жил в Mayoralty House в Плимpton-Сент-Морис, дом действительно был домом мэра и находился прямо напротив Гилдхолла и полицейского участка.

Дом мэра состоял из четырех-пяти акров земли, разделенной на три части. Первый участок примыкал к четырехэтажному дому и образовывал обнесенный стеной сад площадью, вероятно, чуть меньше акра. В этом саду рядом с домом находился грот, построенный из очень крупной гальки и с окнами из разноцветных стекол. Снаружи была небольшая лужайка с цветами и растениями по краям. В центре был большой пруд с рыбками, выложенный плиткой, с фонтаном и водяными колесами на концах. Можно было включить струю воды, и водяные колеса вращались. Затем в воду опускался маленький поплавок, и в определенное время дня рыбы тянулись к этому поплавку, звенел колокольчик, и тогда их кормили.

Напротив пруда с рыбой находились два больших вольера со стенками, за которыми очень тщательно ухаживали и которые тщательно чистили. К стене были прикреплены два полена, и это было идеальное место для ручных птиц. Птицы были настолько ручными, что когда дедушка входил в вольеры, открывая двери, ни одна из птиц не вылетала.

Дальше в первой части сада находилась оранжерея - одна из радостей дедушки. А за ней - небольшой фруктовый сад.

За пределами этого огороженного стеной сада была частная дорога, которая отходила от главной улицы и спускалась под частью дома мэра, которая переходила в мост через эту дорогу, а внизу стояло то, что в былые времена было солодовнями. Солодовни не использовались, когда я знал их, потому что, по-видимому, было намного дешевле доставлять солод в Плимpton за несколько сотен миль.

Возле солодовни находилась пожарная часть. У деда была пожарная команда, и у него были лошади, которые подвозили пожарные машины к месту пожара. Все это он делал как государственная услуга, но если предприятия или крупные хозяйства спасались от пожара, то дедушка, конечно, брал с них умеренную плату. Но с бедняков он ничего не брал. Пожарные машины содержались в очень хорошем состоянии, и ими управляли добровольцы или его собственный персонал.

Здесь же находились дворы, где хранилось все его оборудование, повозки и прочее. Здесь же у него жили два павлина, которые были его гордостью и радостью и которые всегда прилетали к нему, когда он издавал определенные звуки.

Через этот двор и через ворота можно было пройти в сад, площадь которого составляла, я полагаю, около двух с половиной или трех акров. Здесь он выращивал овощи, фруктовые деревья, и весь сад был очень ухожен.

Под домом - под этим четырехэтажным домом - находились мастерские без окон, но, похоже, хорошо проветриваемые. Здесь работали мастера, жестянщики, медники и подмастерья, и работать им приходилось очень много.

У деда было два сына и дочь. Оба сына волей-неволей попали в подмастерья. Они должны были изучать общее машиностроение, жестяное дело, медное дело и вездесущее водопроводное дело, и они должны были оставаться на учебе, пока не сдадут все тесты и не получат свидетельство о регистрации.

Мой отец был неплохим инженером, но через некоторое время он отделился от дедушки, сказав, что дедушка слишком строг,

слишком властен. Мой отец уехал в другой дом, все еще в Сент-Морисе, но он назывался "Кирпичный дом", потому что это был единственный дом из красного кирпича на той улице. Отец женился и некоторое время жил в Сент-Морисе. Сначала родился сын, который вскоре умер, затем родилась дочь, а через некоторое время после этого родился я, и я всегда считал, что я был нежелательной случайностью, конечно, меня никогда не жаловали, я никогда не был популярным, мне никогда не разрешали иметь друзей. Все, что я делал, автоматически считалось неправильным, все, что делала моя сестра, автоматически считалось правильным. Это делает человека довольно недовольным через некоторое время - всегда быть нежеланным и видеть, как любимица получает все, видеть ее с друзьями, вечеринками и всем остальным. Даже второе место считалось слишком хорошим для меня".

Мать и отец переехали в Риджуэй в приходе Святой Марии. Там они начали бизнес - нет, не водопроводный, а инженерный, включавший в себя электричество, которое тогда только входило в моду. Мой отец был очень хорошим человеком, насколько он мог позволить себе быть хорошим человеком. Он был Скорпионом, а моя мать - Девой. Она происходила из очень хорошей семьи в другой части Девоншира. Раньше у семьи было много денег и много земли, но ее отец и сосед поссорились из-за права на проезд, и в конце концов они обратились в суд. Был вынесен вердикт, который был обжалован, и так продолжалось до тех пор, пока у них почти не осталось денег, конечно, у них не было денег на продолжение судебного процесса, и тогда земля, которая была причиной всех проблем, была продана.

Мать и отец не ладили. Мать была слишком властной, в округе ее называли "Леди" из-за ее высоких амбиций. Потеря семейного состояния очень ожесточила ее. К сожалению, она вымещала свою горечь на мужа и на мне.

У дедушки был брат, очень талантливый художник, он был членом Королевской академии и сделал себе очень хорошее имя.

Я помню одну его картину, которая всегда приводила меня в восторг. Это была картина старой Башни в Плимуте; Башня, какой она была, когда "Мэйфлауэр" отплыл в США. Это была замечательная картина, она светилась живыми красками, была мягкой, и можно было смотреть на нее и действительно вскоре почувствовать себя "там". Дядя Ричард, как мы его называли, всегда говорил, что эта картина достанется одному из нас, детей. Так и случилось, она досталась моей сестре, и это единственная вещь, которую я очень, очень желал, это была вещь, которую я хотел больше всего на свете, за исключением нескольких лет спустя, когда мне пообещали модель поезда - синего поезда - и для моих юных глаз это был самый замечательный поезд в мире, мне торжественно пообещали его, а затем в день, когда я должен был получить его, мне сказали: "О нет, ты не можешь его получить. Твоя сестра хочет пианино. Мы с твоим отцом сейчас его купим". Да, я очень хотел этот поезд, как хотел картину.

Подобные вещи происходили постоянно. У моей сестры был замечательный велосипед, а мне оставалось ходить пешком. Но цель этого письма не в этом. Мне приходится рассказывать все это, потому что, как мне сказали, это было частью соглашения, когда я согласилась на то, чтобы моим телом завладели. Меня уже тошнило от этого проклятого тела. Оно было неправильным.

Я родился хилым, и из-за моего рождения моя мать очень сильно заболела. Она, похоже, получила какое-то отравление, когда я родился, и по какой-то странной причине это было направлено против меня, как будто я отравил ее. Я ничего не мог с этим поделать, я был слишком мал, чтобы что-то об этом знать. В любом случае она была очень больна, я тоже, и я болел всю свою жизнь на Земле. Я был болезненным. У нас был врач, доктор Дункан Стамп, он был одним из настоящих врачей, всегда учился, всегда получал разные буквы после своего имени. У него не было особой симпатии, но у него было много знаний. Я ему не нравился, и он мне не нравился. Но я помню одну необычную вещь: однажды я... ну, они сказали, что я умираю. Этот доктор

Стамп подошел к моей кровати и, казалось, подвешивал что-то к светильнику и проводил ко мне трубки. По сей день я не знаю, что он сделал, но я выздоровел, и после этого я всегда считал его чудотворцем.

Я помню, как во время Великой войны, то есть Первой Великой войны. Мои родители, я и моя сестра были на станции Норт Роуд в Плимуте. Нам нужно было навестить кого-то в районе под названием Пенни-Ком-Квик. Была глубокая ночь, и вдруг мы услышали выстрелы, по небу замелькали лучи прожекторов, и в луче прожектора я увидел свой первый "Цеппелин". Он пролетел над Плимутом, а потом снова ушел в море, но это еще один случай, который я никогда не забуду: как выглядел этот корабль в скрещенных лучах света.

Плимpton - старое, древнее место, полное истории. У подножия Церковного холма стоит большая церковь Святой Марии. Когда спускаешься с холма, кажется, что шпиль церкви все еще выше, чем вершина холма. Спустившись вниз, человек проходил мимо церковного двора, а затем поворачивал налево. Если пройти мимо церкви, то можно было увидеть монастырь и различные старые религиозные дома, использование которых было прекращено духовенством, поскольку, по всей видимости, произошло разделение власти, и главные офисы церкви были перенесены в Бакфаст.

За монастырем протекал приятный ручей, в котором росли тростник и ивы. Здесь люди собирали тростник и камыш для изготовления корзин и другой тары. Здесь же, за сто или около того лет до этого, варили медовуху, которая была напитком того времени.

Церковь была очень внушительной, из серого камня, с большой башней и четырьмя маленькими столбами на каждом углу башни. Колокола были прекрасны, когда на них правильно играли, и кампанологи приезжали со всего Девона, чтобы позвонить в них, как они их называли, а звонари из Плимптона ходили по очереди, демонстрируя свое мастерство.

Церковь Святого Мориса не была такой величественной, как церковь Святой Марии. Она была меньше и, очевидно, являлась церковью-спутником. В те дни церкви Сент-Морис и Сент-Мэри были отдельными общинами, между которыми почти не было социального движения. В Коулбруке и Андервуде не было церквей, им приходилось ходить в Сент-Морис или Сент-Мэри.

В Плимптоне была своя доля больших сооружений, но большинство из них были сильно повреждены Оливером Кромвелем и его людьми. Многие из них были снесены по приказу судьи Джеффриса, но замок Плимpton - это было место, которое меня завораживало. Там был большой курган с остатками крепких каменных стен, стены были очень толстыми, и некоторые из нас обнаружили, что в стенах есть туннель, проходящий вдоль стены. Некоторые из более смелых мальчиков говорили, что они побывали в странной камере под стенами, в которой якобы были скелеты, но я никогда не был таким смелым, я просто поверил им на слово. Замок Плимpton стоял на амфитеатре - большом круглом пространстве с приподнятым берегом вокруг. Приподнятый берег был очень хорошим местом для прогулок, но затопленный участок между ними - как бы в центре блюда - часто использовался цирками и другими видами общественных развлечений.

Меня отправили в мою первую школу в место, которое имело — одно из всех маловероятных названий - Кооп-Филдс. Оно было названо так потому, что изначально это была собственность, принадлежавшая Плимptonскому кооперативному оптовому обществу. Земля была продана, чтобы собрать средства на другие нужды, и там было построено несколько домов, потом еще несколько, и еще, и еще, так что в конце концов это место стало отдельной общиной, почти самостоятельной деревней. И здесь я пошел в школу. Это была... ну, я думаю, это можно назвать школой Дам. Это были мисс Гиллингс и ее сестра. Вместе они управляли тем, что якобы было школой, но на самом деле это было больше для того, чтобы непокорные дети не мешали своим

невольным родителям. Прогулка от Риджвея прямо до школы мисс Гиллингс была ужасным испытанием для меня в моем болезненном состоянии, но я ничего не мог с этим поделать, я просто должен был идти. Однако через некоторое время меня посчитали слишком большим, чтобы ходить в эту школу, поэтому меня перевели в подготовительную школу. Она называлась школой мистера Бирда. Мистер Бирд был милым стариком, очень умным стариком, но он не мог наладить дисциплину.

Он отошел от школьной жизни, а потом, когда ему надоело жить на пенсии, он открыл свою собственную школу, и единственным помещением, которое он смог найти, была большая комната при отеле "Джордж". Гостиница "Джордж" находилась на вершине холма Джордж и была довольно известна. Чтобы попасть в школу мистера Бирда, нужно было пройти через двор, мимо всех бывших конюшен и карет. В дальнем конце двора были деревянные ступеньки, ведущие в комнату, которая выглядела так, как будто это был актовый зал. Это была первая школа, где я начал чему-то учиться, и учился я недолго, но это была моя вина, а не вина старого Бирда. Вообще-то, он был слишком мягким, чтобы быть школьным учителем, люди пользовались им.

Через некоторое время Плимptonская грамматическая школа вновь открылась на новом месте. Плимptonская грамматическая школа была одной из самых известных грамматических школ Англии, в ней учились многие известные люди, включая Джошуа Рейнольдса. В старой гимназии в Сент-Морисе его имя и имена многих других очень известных людей были вырезаны на партах и на деревянных изделиях, но это здание школы пришлось закрыть, потому что время нанесло свой удар по зданию, и верхние этажи были признаны небезопасными.

После долгих поисков был найден очень большой дом, который находился в тени замка Плимpton, в тени, собственно, той круглой части, куда обычно приезжали цирки.

За его переоборудование были заплачены огромные суммы, и я был одним из первых учеников, зачисленных в эту школу. Мне это не нравилось, я ненавидел это место. Некоторые учителя были демобилизованы из армии, и вместо того, чтобы относиться к детям как к детям, они относились к детям как к кровожадным солдатам. У одного учителя, в частности, была злейшая привычка ломать палочки мела пополам и бросать каждую половинку со всей силы в какого-нибудь обидчика, и хотя вы можете подумать, что мел не может причинить большого вреда, я видел, как у мальчика от удара рвалось лицо. В наше время, я полагаю, учитель попал бы в тюрьму за нанесение телесных повреждений, но, по крайней мере, это поддерживало порядок.

Для отдыха нам приходилось ходить на игровые площадки старой гимназии, что давало нам около мили, миля туда, потом все упражнения и т.д., миля обратно.

В конце концов пришло время уходить из школы. Я не сделал ничего хорошего, но, в то же время, не сделал и ничего плохого. В дополнение к школьной работе мне пришлось пройти несколько заочных курсов, и я получил несколько маленьких бумажек, в которых говорилось, что я квалифицирован в том-то, том-то и еще в чем-то. Но когда пришло время покидать школу, родители, не став спрашивать меня о том, кем бы я хотел стать, устроили меня на работу в моторостроительную фирму в Плимуте. Так что почти в день окончания школы меня направили в эту фирму на Олд Таун Стрит в Плимуте. Они продавали несколько автомобилей и т.д., но больше занимались мотоциклами, фактически они были южно-девоновскими агентами мотоциклов Douglas. Опять же, это было несимпатичное место, потому что все, что имело значение, - это работа. Я уезжал из Плимптона рано утром и ехал на автобусе в Плимут, что в пяти с половиной милях отсюда. К обеду меня мучил голод, поэтому в любую погоду я брал свои сэндвичи - пить было нечего, кроме воды - и шел в маленький парк у церкви Святого Андрея в

Плимуте. Там я сидел в парке и уминал свои сэндвичи так быстро, как только мог, иначе я бы опоздал.

Это была очень тяжелая работа, потому что иногда нас, подмастерьев, посылали за тяжелым мотоциклом аж на Краун-Хилл. Мы ездили в Краун-Хилл или другие места на автобусе - только один из нас в одно место, конечно, - а потом сталкивались с проблемой возвращения проклятых мотоциклов обратно. Мы не могли на них ездить, потому что они были неисправны, так что единственное, как мы могли ездить, это спускаться с горы.

Помню, однажды мне пришлось ехать в Краун-Хилл за очень большим мотоциклом "Харлей Дэвидсон". Владелец позвонил и сказал, что мотоцикл можно забрать прямо на улице, поэтому я поехал туда, вышел из автобуса, увидел этот мотоцикл, столкнул его с подставки и отогнал. Я проехал около трех миль, когда прямо передо мной остановилась полицейская машина. Из нее вышли два полицейских, и я подумал, что они собираются меня убить! Один схватил меня за шею, другой схватил меня за руки сзади, и все это так неожиданно, что велосипед опрокинулся и ушиб мои голени. Велосипед поставили на обочину, а меня погрузили на заднее сиденье полицейской машины и отвезли в полицейский участок Краун-Хилл. Там кричащий сержант полиции пригрозил мне всякими ужасными смертями, если я не скажу им, кто были мои товарищи по банде.

В то время мне было мало лет, и я просто не понимал, о чем он говорит, поэтому он дал мне несколько подзатыльников по ушам, а затем посадил в камеру. Он не стал слушать мои объяснения, что я пришел за мотоциклом, как мне было приказано.

Примерно через восемь часов пришел один из сотрудников фирмы, опознал меня и подтвердил, что я совершенно законно забрал неисправный мотоцикл. Сержант полиции дал мне подзатыльник и сказал, чтобы я больше не попадал в неприятности и не беспокоил их. Итак, я не люблю полицейских, у меня всю жизнь были проблемы с полицией, и я готов поклясться в этом: Я никогда не делал ничего такого, что могло

бы послужить основанием для преследования со стороны полиции. Каждый раз это было просто полицейское разгильдяйство, как в тот раз, когда они не позволили мне объяснить, что произошло.

Однако на следующий день владелец мотоцикла пришел в фирму и хохотал как маньяк. Он был совершенно несимпатичен, похоже, он не думал о том, какой это шок, когда тебя оттаскивают и сажают в полицейскую камеру.

Однажды я с трудом встал с постели, мне было плохо, так плохо, что хотелось просто умереть. Это было бесполезно, моя мать настаивала на том, чтобы я встал с постели. В итоге мне пришлось идти без завтрака, день был сырой и холодный. Она пошла со мной на автобусную остановку и затолкала меня в старый автобус Devon Motor Transport так грубо, что я упал на колени.

Я приступил к работе, но примерно через два часа работы я потерял сознание, и кто-то сказал, что меня нужно отвезти домой, но главный сказал, что у них нет времени бегать за учениками, попавшими в беду, поэтому меня продержали там до конца дня, без завтрака, без обеда, без ничего.

В конце рабочего дня я, испытывая сильное головокружение, направился по улице к автобусной остановке перед церковью Святого Андрея. К счастью, там ждал автобус, и я рухнул на сиденье в углу. Когда я добрался до дома, у меня хватило сил только на то, чтобы доковылять до кровати. Никто не интересовался моим самочувствием, никто не спросил, как я себя чувствую, никто не спросил, почему я не могу съесть свой ужин, я просто легла спать.

У меня была ужасная ночь, мне казалось, что я в огне, я был мокрый от пота. Утром пришла мама и довольно грубо разбудила меня, потому что я провалился в изнуряющий сон, и даже она видела, что мне нехорошо. В конце концов она позвонила доктору Стампу. Через полдня он приехал. Он взглянул на меня и сказал: "Больница!". Приехала скорая помощь - в те времена

скорой помощью занимался местный гробовщик - и меня отвезли в больницу Южного Девона и Восточного Корнуолла. У меня были очень серьезные проблемы с легкими.

Я пробыл в больнице около одиннадцати недель, а потом было большое обсуждение, отправлять ли меня в санаторий или нет, потому что у меня был туберкулез.

Отец и мать были против этого, потому что, по их словам, у них не будет времени навещать меня, если меня отправят в санаторий за несколько миль отсюда. Поэтому я остался дома, и мне не стало намного лучше. Время от времени мне приходилось возвращаться в больницу. Потом у меня испортилось зрение, и меня отвезли в Королевский глазной лазарет, Матли Плейн, который находился недалеко от больницы Южного Девона и Восточного Корнуолла. Это была довольно приятная больница, если можно сказать, что что-то может быть приятным, когда человек слеп. Но в конце концов меня выписали из больницы с сильно ослабленным зрением, и я снова отправился домой.

К этому времени беспроводная связь была хорошо известна - она была беспроводной до радио. У моего отца был хрустальный набор, и я думал, что это самая чудесная вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни. Отец много изучал радио и сделал огромные радиоприемники с множеством клапанов, а затем занялся бизнесом, собирая радиоприемники для людей и делая для них электрическую работу.

В это время было решено, что я должен уехать для разнообразия, и поэтому, как я ни был болен, меня посадили на старый велосипед и отправили с рабочим в Лидфорд, где у меня была тетя. Я часто жалел, что эта тетя не была моей матерью. Она была очень хорошей женщиной, и я любил ее так, как, конечно, не любил свою мать. Она заботилась обо мне, она действительно относилась ко мне, как к одному из своих собственных детей, но, как она говорила, это не так уж много, когда больной ребенок едет двадцать пять миль, когда он едва может дышать. Но в конце концов мне пришлось вернуться домой, и на этот раз

путешествие было намного легче. Лидфорд находится на Девонширских болотах, в Дартмуре, за Тавистоком, недалеко от Окехэмптона, и там был чистый воздух и хорошая еда.

Дома, в Плимптоне, я начал учиться на других заочных курсах, а потом мама сказала мне, что я должен работать. У моего отца было много радиоприемников и электротоваров, поэтому мне пришлось ездить по стране и продавать все это мелким торговцам. Я объездил весь Элбуртон, Модбери, Окехемптон и другие подобные места, продавая аккумуляторы, радиодетали и электротовары. Но через некоторое время очень напряженная жизнь оказалась слишком тяжелой для меня, и мое здоровье подорвалось. В то время я водил машину и ослеп. Это очень неприятная вещь - полностью и окончательно потерять зрение за рулем. К счастью, мне удалось остановить машину без повреждений, и я просто стоял на месте, пока кто-нибудь не пришел посмотреть, что происходит и почему я мешаю движению. Некоторое время я не мог убедить людей, что я болен и что я не вижу, но в конце концов вызвали полицию и на машине скорой помощи отвезли меня в больницу. Моим родителям сообщили об этом, и их первая мысль была о машине. Когда машину пригнали домой, оказалось, что все вещи, которые у меня были в ней, украдены: радиоприемники, аккумуляторы, тестовое оборудование, все. Так что я не пользовался популярностью. Но пребывание в больнице на некоторое время поправило мое состояние, а потом я снова вернулся домой.

Я еще немного поучился, и в конце концов было решено, что я должен попробовать получить образование радиста. Поэтому я отправился в Саутгемптон, а за пределами Саутгемптона находилась специальная школа, где готовили радистов для работы на борту самолетов. Я пробыл там некоторое время, сдал экзамены и получил лицензию радиооператора первого класса. Для сдачи экзамена мне пришлось поехать в Кройдон, и я успешно сдал. В то же время я учился летать на самолетах и сумел получить лицензию и на это. Но я не смог сдать

медицинский экзамен на получение коммерческой лицензии, и поэтому меня посадили под домашний арест еще до начала моей карьеры.

Дома меня часто упрекали в том, что у меня плохое здоровье и что я трачу деньги на эти курсы, когда мое здоровье было настолько плохим, что мне отказали. Меня это немного раздражало, потому что я не был виноват в своем плохом здоровье, я не хотел болеть. Но была большая семейная собрание, и мои родители решили, что надо что-то делать, я просто трачу свою жизнь впустую.

В тот же момент местный санитарный инспектор, который был очень дружен с моими родителями, сказал, что открыта большая вакансия инспектора по дыму, особенно в больших городах, люди начали беспокоиться об экологии и слишком большом загрязнении дымом от заводов и промышленных предприятий, поэтому была создана новая категория инспекторов по дыму. Конечно, были санитарные инспекторы и санитарные инспекторы, которые занимались проверкой мяса, но теперь появилась новая категория - инспекторы по дыму. Главный санитарный инспектор сказал, что это как раз то, что мне нужно, это хорошая работа, хорошо оплачиваемая, но, естественно, мне придется пройти специальный курс. И вот только что был выпущен новый заочный курс для инспекторов по дыму. Я изучал его дома и сдал очень быстро, фактически за три месяца, а потом мне сказали, что я должен буду поехать в Лондон, чтобы учиться в Королевском санитарном институте на Букингем-Палас-роуд. Не без радости мои родители выделили деньги, и я поехал в Лондон. Каждый день я посещал занятия в Королевском санитарном институте, и часто мы ездили на экскурсии на фабрики, электростанции и во всевозможные странные места. Наконец, через три месяца мы должны были пойти в огромный экзаменационный зал, где, казалось, толпились тысячи людей. Все мы были разбиты на небольшие группы; тот, кто собирался сдавать определенный экзамен, был изолирован от других,

сдающих экзамен того же типа. В общем, я сдал экзамен и получил сертификат инспектора по дыму.

Я вернулся в Плимpton с сертификатом и думал, что теперь все пойдет как по маслу. Но этому не суждено было случиться. Я подал заявление на работу в Бирмингеме и поехал в Бирмингем в Лозеллес на собеседование. Там мне сказали, что я не могу получить работу, потому что не являюсь жителем этого округа.

Я вернулся в Плимpton и попытался найти работу в Плимуте. Но городской совет Плимута не принял меня на работу по той же причине, только я был в нужном графстве, но не в нужном городе. Так продолжалось несколько лет, и после нескольких лет, в течение которых я делал все, что мог, - все, что приносило достаточно денег, чтобы поддерживать тело и душу вместе и иметь хоть какую-то одежду, - мой отец умер. У него было очень слабое здоровье в течение многих лет. Большую часть времени он лежал в постели, а примерно за год до смерти его бизнес был продан, и магазин превратился во врачебный кабинет. Стекло́нные окна были выкрашены в зеленый цвет, и сам магазин стал хирургическим отделением, а наша жилая часть использовалась как консультационная комната и амбулатория. Мы с мамой жили в тех помещениях, которые были нашими рабочими комнатами.

Но после смерти отца врач решил переехать в другой район, и мы остались без средств к существованию. Мое здоровье было совсем неважным, поэтому мама уехала к своей дочери, моей сестре, а я, будучи призовым студентом заочного колледжа, устроился на работу в фирму по производству хирургических аппаратов в Перивейле, Мидлсекс. Сначала меня назначили менеджером по работе, но когда владелец фирмы обнаружил, что я могу писать хорошие рекламные тексты, он назначил меня менеджером по рекламе.

Мне пришлось пройти курсы по хирургической подгонке, после чего я стал консультантом по хирургической подгонке.

Я был настолько хорош в этой работе, что меня перевели из Перивейла в центр Лондона, и я стал главным закройщиком в лондонском офисе.

Незадолго до моего ухода с работы в лондонском офисе была объявлена война между Англией и Германией. Все было затемнено, и я обнаружил, что ежедневные поездки в Лондон из Перивейла и обратно были совершенно изнурительными, они выбивали меня из сил, и в это время я женился. Я не собираюсь ничего говорить об этом, потому что понимаю, что пресса на Земле и так уже слишком много сказала, почти все это неправда. Меня попросили рассказать о моей жизни, поэтому я ограничусь строго своей жизнью.

Мы не могли продолжать жить в Перивейле, потому что условия для путешествий были слишком плохими, поэтому нам удалось найти квартиру в районе Найтсбридж в Лондоне. Это было счастье, что я мог каждый день ездить на метро в свой офис.

Война разгоралась, ситуация становилась все более сложной, было жесткое нормирование и нехватка продовольствия. На Лондон падали бомбы. Большую часть времени я проводил в пожарной охране; мне приходилось подниматься по ржавым железным лестницам на верхушки зданий и следить за приближающимися немецкими бомбардировщиками, и если я вовремя их видел, то должен был предупредить рабочих внизу.

Однажды я ехал через Гайд-парк на велосипеде на работу и увидел приближающиеся бомбардировщики. Один из них сбрасывал бомбы, которые, казалось, должны были пролететь неудобно близко от меня, поэтому я бросил велосипед и побежал за деревья. Бомбы упали, пролетели мимо парка и попали в Букингемский дворец, где нанесли изрядный ущерб.

Казалось, бомбы падали повсюду. Однажды я должен был выехать по специальному делу о хирургической подгонке и уже подходил к станции Чаринг-Кросс, как вдруг из облаков упала огромная бомба, попала в станцию и прямо через станцию в

метро, которое было переполнено людьми. Я и сейчас вижу облако пыли и разбросанные куски - чего? - которые вылетели из дыры в крыше станции.

Однажды ночью был страшный воздушный налет, и место, где мы с женой жили, подверглось бомбардировке. Нам пришлось выбираться в ночь, как были. Долгое время мы блуждали в темноте, другие люди тоже блуждали, все было в хаосе. Падали бомбы, и небо было залито пламенем горящего Ист-Энда. Мы могли видеть собор Святого Павла, охваченный пламенем, и огромные клубы дыма поднимались вверх. Время от времени мы слышали трещотку пулеметного огня, и иногда вокруг нас падали стреляные гильзы. Отовсюду сыпалась шрапнель, и мы надевали свои стальные каски, потому что дымящиеся осколки, летящие вниз, могли пробить незащищенное тело.

Наконец наступил рассвет, и я позвонил своему работодателю, чтобы сказать, что меня разбомбили. Он ответил: "Не обращайтесь внимания, вы должны прийти на работу. Другие люди тоже попали под бомбежку". Так что, грязный и голодный, я сел в поезд и поехал в свой офис. На подходе к нашей улице я обнаружил, что она оцеплена. Я попытался пройти через барьер, но тут подошел самый официозный полицейский и обвинил меня в мародерстве - температура в то время была довольно сильной. Как раз в этот момент мой начальник вышел из машины и подошел ко мне. Он показал полицейскому свое удостоверение личности, и мы вместе перешли через шлагбаум и пошли в наш офис.

Вода хлынула отовсюду. В это место попала бомба, и водопровод был разбит на осколки. С крыши, на много этажей выше, вода каскадами лилась на склад. Подвал был по шею в воде, и везде было стекло, везде были каменные осколки, мы повернулись и обнаружили корпус бомбы, застрявший в стене.

Это было состояние хаоса. Мало что стоило спасти. Нам удалось вынести некоторые записи и несколько единиц оборудования, и мы все принялись за работу и попытались

немного привести все в порядок, но это было безнадежно - не было ни малейшего шанса восстановить работу. В конце концов, мой работодатель сказал, что собирается переехать в другую часть страны, и пригласил меня поехать с ним. Я не смог этого сделать, потому что у меня не было денег. Покупать вещи было очень трудно, а обустроить новый дом в каком-то отдаленном уголке страны - это расходы, о которых я просто не могла думать. Поэтому, поскольку я не мог уехать, я остался без работы, безработным в Англии в военное время.

Я ходил на различные биржи труда, пытаюсь найти хоть какую-нибудь работу. Я пытался стать полицейским военного времени, но не смог пройти медицинский осмотр. Условия становились отчаянными, на воздухе жить нельзя, и в качестве последнего средства я пошел в офис заочной школы, где я прошел столько курсов.

Так получилось, что им нужен был человек, некоторые из их собственных людей были призваны, а у меня, как мне сказали, был завидный послужной список, и поэтому мне сказали, что я могу получить работу в консультационном отделе. Зарплата будет пять фунтов в неделю, а жить мне придется в Вейбридже в Суррее. Нет, сказали они, они не могут ничего предложить, чтобы помочь мне туда попасть. Я должен был сначала поехать туда на собеседование с одним из директоров. Я навел справки и выяснил, что дешевле всего добираться на автобусе Green Line, поэтому в назначенный день я поехал в Вейбридж, но там меня ждали, директор еще не пришел. Мне сказали: "О, он никогда не приходит в указанное время, он может прийти только в четыре часа. Вам придется подождать". В конце концов, директор пришел, увидел меня, был очень приветлив и предложил мне работу за пять фунтов в неделю. Он сказал мне, что над гаражом есть незанятая квартира, и я могу получить ее, заплатив довольно высокую арендную плату, но я спешил найти работу, поэтому согласился на его условия. Я вернулся в Лондон, и мы доставили наши бедные вещи, какими они были, в Вейбридж, поднялись по

старым изношенным деревянным ступенькам в квартиру над гаражами. На следующий день я приступила к работе в качестве клерка-заочника, что, собственно, и было работой в заочной школе.

Здесь так много высокопарных терминов; у нас теперь уборщиков мусора называют специалистами по санитарии, хотя на самом деле они просто уборщики мусора. Некоторые клерки-заочники называют себя консультантами или консультантами по карьере, но все равно все, что мы делали, - это обязанности клерков-заочников.

Кажется, что быть представителем определенной категории - это преступление. Мне всегда говорили, что мой отец был водопроводчиком; на самом деле, он им не был, но что, если бы он им был? Конечно, он проходил стажировку в качестве сантехника, но, как и у меня, у него не было выбора. Я учился на инженера-моториста. И вообще, как насчет знаменитого мистера Краппера, джентльмена, который изобрел водяные шкафы в их нынешнем виде? Они не совершенствовались со времен старого Крэппера. Крэппер, если вы помните, был водопроводчиком, причем очень хорошим, и его изобретение смывного бачка и смывного унитаза привязало его к королю Эдуарду, который относился к мистеру Крэпперу как к личному другу. Так что, как видите, водопроводчик может быть другом королевской семьи, как и бакалейщик; Томас Липтон, как утверждают, был бакалейщиком. Конечно, он им был, у него была большая бакалейная фирма, и он был другом короля Георга V. Конечно, неважно, кем был отец человека, почему это такой позор - иметь родителей-торговцев? В наше время дочери королевских особ выходят замуж за торговцев, не так ли? Но меня всегда забавляло, что Иисус, как говорят, был сыном плотника. Разве это позор?

Ну, все это уводит меня далеко от моей истории, но я просто скажу здесь и сейчас, что я бы предпочел быть сыном водопроводчика, чем сыном этих бедных больных людей,

которые называют себя прессовщиками. Для меня нет более большой работы, чем прессовщик. Водопроводчик убирает за людьми. Прессовщик делает бардак из людей.

С тех пор как я здесь, я обнаружил разные интересные вещи, но одна вещь, в частности, интригует меня: я ношу довольно почетное имя не только через "дядю Ричарда", но и через других, кто был до него, один был коллегой сэра Джошуа Рейнольдса, а другой был лордом-лейтенантом, или как там его называют, лондонского Тауэра. И именно в это время была предпринята попытка украсть драгоценности короны, которая была пресечена.

Здесь есть на что посмотреть, есть чему поучиться, и мне говорят, что мне еще многому предстоит научиться, потому что, мол, я еще не научился смирению, не научился ладить с людьми. Что ж, я делаю все возможное, чтобы надиктовать все это, и я готов поклясться на стопке Библий, что это правда и ничего кроме правды.

Глава девятая

Жизнь в Вейбридже не была счастливой. Я стал надзирателем за воздушными налетами. Другой надзиратель стал очень ревнивым и делал все возможное, чтобы причинить мне вред. Я предложил уйти в отставку, но меня не хотели отпускать.

Однажды ночью, когда я был в Вейбридже, произошел воздушный налет, и после него к двери подошел полицейский.

Казалось, что в доме горит маленький огонек - едва ли достаточно большой, чтобы кто-то заметил его с расстояния ста футов. В квартире, на лестничной площадке, был неисправный выключатель, один из тех старых латунных выключателей с большой ручкой, и я полагаю, что вибрация, вызванная ударами и всем прочим, расшатала его до положения "включено". Полицейский мог убедиться, что если бы муха чихнула, свет бы

загорелся, потому что пружина в тумблере была неисправна. Но нет, свет был включен, и это все, что было нужно. Так что был суд и штраф. С тех пор я обижаюсь на это, потому что это было совершенно излишне, и "вражеский" надзиратель был тем, кто сообщил об этом. После этого я вышел из A.R.P., полагая, что если люди не могут работать вместе, то лучше развалить "партию".

В Вейбридже я должен был делать все: отвечать на письма, уговаривать людей пойти на заочные курсы, обслуживать машины босса - а он постоянно менял эти чертовы штуки - работать неоплачиваемым посыльным и делать все, что попадалось под руку. И все это за пять фунтов в неделю!

Людей призывали, условия становились все труднее, еды становилось все меньше и меньше, а с авиационного завода в Бруклендсе постоянно доносились странные звуки. Однажды "Веллингтон" проходил летные испытания и упал прямо рядом с деревней Вейбридж. Пилот спас деревню ценой собственной жизни, потому что упал на электрифицированную железнодорожную линию. Самолет был похож на игрушку, которая разлетелась на тысячу кусочков, он был разбросан повсюду, но жители Вейбриджа были спасены благодаря самопожертвованию пилота.

Как раз в это время я получил документы о моем призыве. Перед поступлением в одну из служб я должен был пройти медицинское освидетельствование в качестве формальности.

В назначенный день я отправился в большой зал, где толпились другие мужчины, ожидавшие обследования. Я сказал одному из сотрудников: "У меня был туберкулёз, вы знаете". Он посмотрел на меня и сказал: "Ты выглядишь немного неважно, должен сказать, парень. Садись вон туда". И я сел туда, куда он указал, и сидел, и сидел. В конце концов, когда почти все в этом месте были осмотрены, группа врачей повернулась ко мне. "Что это?" - сказал один из них, - "Вы говорите, что у вас туберкулёз. Знаете ли вы, что такое туберкулёз?". "Конечно, знаю, сэр", - сказал я.

"У меня это было". Он задал мне много вопросов, а потом ворчал и ворчал. Затем он переговорил со своими помощниками.

Наконец он снова повернулся ко мне, как будто принимал величайшее решение в мире.

"Я отправляю вас в Кингстонскую больницу", - сказал он. "Там вас обследуют, скоро выяснят, есть у вас Т.Б. или нет, а если нет - Бог вам в помощь!". Он аккуратно заполнил бланк, запечатал его, положил в другой конверт, запечатал и его, а затем бросил его мне. Я поднял его с пола и пошел домой.

На следующий день я сказал своему работодателю, что мне нужно лечь в больницу на обследование. Он выглядел абсолютно скупающим, у меня сложилось впечатление, что он подумал: "О, зачем этот парень тратит мое время, почему бы ему не присоединиться и не убраться с глаз моих долой". Тем не менее, в тот день я справился со своей работой, а на следующий день, согласно инструкции, поехал на автобусе в Кингстон-на-Темзе.

Там я добрался до больницы. Мне сделали всевозможные анализы, а затем сделали рентген. После рентгена меня засунули в сушильный шкаф, где висело много мокрых рентгеновских снимков, чтобы они высохли. Через полчаса пришла женщина и сказала: "Все, вы можете идти домой!". Это было все, больше ничего не было сказано, и я просто пошел домой.

Затем пришла повестка в клинику Т.Б. в Вейбридже. Конечно, это было примерно через три или четыре недели, но повестка пришла, и я отправился в клинику Т.В., как хороший маленький мальчик. К этому времени я уже был сыт по горло всем этим делом. В клинике Т.В. меня принял самый замечательный врач, который был действительно всем, чем должен быть врач. У него были мои рентгеновские снимки, и он согласился со мной, что это полная глупость, что меня перебрасывают из одного отделения в другое. Он сказал, что совершенно очевидно, что у меня плохие шрамы в легких из-за Т.Б., и, по его словам, если меня возьмут в армию, я буду обузой, а не преимуществом.

Конечно, Англия еще не дошла до такого состояния, когда

призывают в армию тех, кто явно болен. "Я отправлю рапорт, в котором будет сказано, что вы не пригодны ни к какой службе", - сказал он.

Время шло, и, наконец, я получил по почте открытку, в которой говорилось, что я не подлежу призыву на военную службу, поскольку отношусь к четвертому классу - самому низкому классу.

Я отнес карточку своему работодателю и показал ее ему, и он, похоже, решил, что у него есть кому продолжить работу, если всех остальных призовут. В те дни была бешеная суматоха, люди пытались получить отсрочку, все пытались получить отсрочку.

Человек, который был менеджером у работодателя, ушел на другую работу, и менеджером назначили другого человека, но мы с ним совсем не ладили, просто совсем не ладили. Он был такого типа, который мне совершенно не нравился, а я, похоже, был такого типа, который ему совершенно не нравился. Тем не менее, я делал все, что мог, но ситуация становилась все сложнее и сложнее, потому что работы становилось все больше и больше, а зарплата не увеличивалась. Было очевидно, что кто-то спешит к работодателю, рассказывая сказки и т.д., причем не обязательно правдивые.

Однажды после работы я просто бродил по саду. У нас был сад площадью три с половиной акра, и я проходил через небольшую лесистую рощу. Был вечер и уже смеркалось. Каким-то образом я споткнулся об открытый корень и упал с ужасным стуком. Меня буквально выдернуло из себя!

Я устоял на ногах, но потом - благослови Господь мою душу! Я обнаружил, что "я" - это не "я", потому что я стоял вертикально, а мое тело лежало плашмя на лице. В полном изумлении я огляделся и увидел вокруг себя каких-то странных людей.

Монахи, подумал я, какого дьявола здесь делают монахи? Я посмотрел на них, посмотрел на - ну, я полагаю, что это было мое тело на земле. Но тут у меня в голове раздался голос или что-то в этом роде. Сначала мне показалось, что это какой-то странный

иностранный язык, но, подумав, я обнаружил, что могу понять, что мне говорят.

"Молодой человек, - сказал голос в моей голове, - ты думаешь о злом деле, ты думаешь о том, чтобы покончить со своей жизнью. Это очень плохой поступок. Самоубийство - это неправильно, независимо от причины, независимо от воображаемой причины или оправдания, самоубийство всегда неправильно".

"Хорошо для тебя, - подумал я, - у тебя нет таких проблем, как у меня. Вот я здесь, в этом - ну, у меня была ужасная работа, не передать словами точное описание этого места, и я не могу получить повышение, и мой босс, кажется, невзлюбил меня, почему я должен оставаться здесь? Вокруг полно деревьев и хорошая веревка для перекидывания".

Но я не говорю об этом слишком много, потому что мне в голову пришла мысль, что если я захочу, то смогу освободиться от того, что я считал земными муками. Если бы я захотел, если бы я был действительно серьезен, я мог бы сделать что-то для человечества, предоставив свое тело в распоряжение какого-нибудь призрака или духа, который захочет впрыгнуть в него почти до того, как я выпрыгну. Это показалось мне полной ерундой, но я решил попробовать и позволил им говорить дальше. Во-первых, они сказали, что в знак искреннего интереса я должен изменить свое имя. Они назвали мне странное имя, которое хотели, чтобы я принял, но я сказал жене, что собираюсь сменить имя, она подумала, что я немного сумасшедший или что-то в этом роде, и оставила все как есть, так что я сменил имя вполне законно.

Потом у меня начались проблемы с зубами. У меня было ужасное время. В конце концов я не выдержал и пошел к местному дантисту. Он попытался удалить зуб, но он не поддавался. Он проделал в нем отверстие, чтобы можно было использовать лифт - не тот, который люди используют для перемещения на разные этажи, а тот, который предназначен для поднятия зуба с помощью рычага. Этот дантист связался по телефону с каким-то

специалистом в Лондоне, и мне пришлось срочно отправиться в дом престарелых.

Моя жена сказала моему работодателю, что мне нужно в дом престарелых, на что получила ответ: "Ну, я же должен работать, когда у меня болит зуб!". И это было все сочувствие, которое мы получили. Так что я поехала в этот дом престарелых, за свой счет, конечно, тогда не было таких медицинских программ, как сейчас, и мне сделали небольшую операцию, которая оказалась не такой уж легкой. Дантист был хороший, а анестезиолог - еще лучше. Я пробыл в доме престарелых неделю, а потом вернулся в Вейбридж.

Было довольно много неприятных инцидентов, уколов и тому подобных вещей, а также несправедливых обвинений. Нет смысла вдаваться во все подробности, разгребать грязь, потому что, в конце концов, я не журналист. Но обвинения были ложными, мы с женой все обсудили и решили, что больше не можем терпеть, и я подал заявление. С этого момента я, возможно, стал прокаженным или заболел еще худшей формой чумы, потому что всю оставшуюся неделю я сидел в своем кабинете, никто не приходил ко мне, видимо, им было велено этого не делать, и никакой работы мне не давали. Я просто оставался там, как осужденный, отбывающий срок. В конце недели все было кончено.

Мы с радостью покинули Вейбридж и отправились в Лондон. Мы достаточно переезжали, о Боже, я забыл, сколько мест мы перепробовали, да это и неважно, но потом мы обнаружили, что условия были невыносимыми, и мы переехали в другое место, пригород Лондона под названием Темз Диттон.

О, я так хочу покончить с этим глупым делом, потому что мне не нравится говорить об этом, но я так торопился, что забыл одну деталь. Вот оно: Когда-то давно мне сказали, что я должен отрастить бороду. Ну, подумал я, какая разница? С таким же успехом можно повесить и барана, и ягненка, так что пока я был в Вейбридже, я отрастил эту бороду, над которой издевался мой

работодатель и те, кто работал со мной. Неважно, думал я, недолго мне с ними осталось.

Мы переехали в Темз Диттон; очень недолго мы жили в ночлежном доме, которым управляла смешная старуха, которая просто не могла видеть грязь. Она думала, что живет в герцогском особняке или что-то в этом роде, и была совершенно неспособна разглядеть огромные паутины высоко в углах лестницы. Но она была слишком хороша собой, поэтому мы подыскивали другое место. Внизу по дороге было такое место, дом, который сдавался в аренду как верхняя и нижняя квартира. Мы сняли квартиру, не думая о том, как будем добывать деньги, потому что у меня не было работы, вообще никакой работы. Вместо этого я занимался чем угодно, лишь бы заработать хоть какие-то деньги, чтобы выжить. Я обратилась в биржу по безработице, но поскольку я ушла с работы, а не была уволена, я не смогла получить пособие по безработице. Так что у меня никогда не было денег по безработице, я обходился без них, до сих пор не знаю как, но обходился.

У меня был старый велосипед, и я ездил по округе, пытаюсь найти работу, но нет, никакой работы не было. Война закончилась, мужчины вернулись из армии, и рынок труда был перенасыщен.

Им было хорошо, они получали пособие по безработице и, возможно, пенсию, а у меня не было ничего.

Однажды ночью ко мне подошла группа мужчин. Они вытащили меня из моего тела, поговорили со мной и спросили, хочу ли я по-прежнему выбраться из своего тела в то, что я тогда считал Раем.

Я полагаю, что это и есть Рай, но эти люди называли его астральным миром. Я заверил их, что хочу выйти еще больше, чем раньше, и они сказали мне, что на следующий день я должен оставаться дома. Один человек, он был весь в желтом халате, подвел меня к окну и показал на улицу. Он сказал: "Это дерево - ты должен пойти к нему, положить руки на ветку и подтянуться, а потом отпустить". Он указал мне точное время, в которое я должен это сделать, сказав, что крайне важно следовать

инструкциям в точности, иначе я буду испытывать сильную боль, как и другие люди. Но еще хуже для меня - я бы все еще оставался на Земле.

На следующий день моя жена подумала, что я сошел с ума или что-то в этом роде, потому что я не выходил на улицу, как обычно, а слонялся без дела. И вот за минуту или две до назначенного времени я вышел в сад и подошел к дереву. Я потянулся за веткой плюща, или что там у плюща, и потянулся к ветке, как было велено. И тут меня словно молнией ударило. Мне не нужно было притворяться, что я падаю, я действительно упал - ух! Я упал, и тут, Боже милостивый, я увидел, что из меня торчит серебристая веревка. Я хотел схватить ее, чтобы посмотреть, что это такое, но мои руки осторожно отвели в сторону. Я лежал на земле и был ужасно напуган, потому что два человека были у этой серебряной веревки и что-то с ней делали, а третий человек был там с другой серебряной веревкой в руке, и, ужас из ужасов, я мог видеть сквозь всю их кучу, так что я задавался вопросом, вижу ли я все это или мне выбили мозги, все это было так странно.

Наконец раздался какой-то всасывающий звук и плюх, и тут я обнаружил - о радость из радостей - я свободно парил в прекрасном, прекрасном мире, и это означает, что, пройдя этот путь, я выполнил свою часть контракта, я рассказал всё, что собирался, о своей прошлой жизни, и теперь я возвращаюсь в свою собственную часть астрального мира. . .

Я - Лобсанг Рампа, и я закончил переписывать то, что так неохотно, так неблагоприятно рассказал мне человек, чье тело я занял. Позвольте мне продолжить с того места, где он остановился.

Его тело лежало на земле, слегка подергиваясь, и я... ну, я признаюсь без лишнего стыда, что я тоже подергивался, но мои подергивания были вызваны испугом. Мне не понравился вид этого тела, распростертого передо мной, но тибетский лама

выполняет приказы, как приятные, так и неприятные, поэтому я стоял в стороне, пока два моих брата-ламы занимались с Серебряным шнуром этого человека. Им пришлось присоединить мой, прежде чем его шнур был полностью отсоединен. К счастью, бедняга находился в ужасном оцепенении и поэтому был спокоен.

Наконец, через несколько часов, которые показались часами, но на самом деле это была лишь пятая часть секунды, они прикрепили мой Серебряный шнур, а его отсоединили. Его быстро увели, а я посмотрел на тело, к которому теперь был привязан, и содрогнулся. Но затем, повинуясь приказу, я позволил своей астральной форме опуститься на тело, которое должно было стать моим. О, первый контакт был ужасным, холодным, склизким. От испуга я снова взлетел в воздух. Два ламы вышли вперед, чтобы поддержать меня, и постепенно я снова опустился.

И снова контакт, и я задрожал от ужаса и отвращения. Это действительно был невероятный, шокирующий опыт, который я больше никогда не хотел бы испытать.

Я казался слишком большим, или тело казалось слишком маленьким. Мне было тесно, я чувствовал, что меня сжимают до смерти, а запах! Различие! Мое старое тело было потрепанным и умирающим, но, по крайней мере, это было мое собственное тело. Теперь же я застрял в этой чужеродной штуке, и мне это ничуть не нравилось.

Каким-то образом - и я не могу этого объяснить - я возился внутри, пытаясь зацепиться за двигательные нервы мозга. Как мне заставить эту запутанную штуку работать? Какое-то время я лежал там просто беспомощный, как будто парализованный. Тело не работало. Казалось, я возился, как неопытный водитель с очень сложной машиной. Но наконец с помощью моих астральных братьев я овладел собой. Мне удалось заставить тело работать. Шатаясь, я поднялся на ноги и чуть не закричал от ужаса, обнаружив, что иду не вперед, а назад. Я пошатнулся и

снова упал. Это был действительно ужасный опыт. Меня действительно тошнило от этого тела, и я боялся, что не справлюсь с ним.

Я лежал лицом на земле и просто не мог пошевелиться, и тут краем глаза я увидел двух лам, которые стояли рядом и были крайне обеспокоены тем, что я испытываю трудности. Я прорычал: "Ну, попробуйте сами, посмотрите, сможете ли вы заставить эту мерзкую штуку делать то, что вы ей скажете!". Вдруг один из лам сказал: "Лобсанг! Твои пальцы дергаются, теперь попробуй ногами". Я так и сделал, и обнаружил, что между восточными и западными телами существует удивительная разница. Я никогда бы не подумал, что такое возможно, но потом я вспомнил кое-что, что слышал, когда был корабельным инженером: у кораблей в западных водах гребной винт должен вращаться в одном направлении, а в восточных - в противоположном. Мне кажется очевидным, сказал я себе, что я должен начать все сначала. Поэтому я сохранял спокойствие, позволил себе вылезти из корпуса и со стороны внимательно осмотрел его. Чем больше я смотрел на него, тем меньше оно мне нравилось, но тогда, подумал я, ничего не оставалось, как попробовать еще раз. И вот я снова неловко втиснулся в склизкую, холодную штуку, которая была западным телом. С огромным усилием я попытался подняться, но снова упал, и тогда, наконец, мне удалось как-то вскарабкаться на ноги и прижаться спиной к этому дружелюбному дереву.

В доме раздался резкий стук, и дверь распахнулась. Выбежала женщина со словами: "О! Что ты наделал! Заходи и ложись". Это вызвало у меня шок. Я подумал о двух ламах, которые были со мной, и испугался, что женщина может впасть в ярость при виде их, но, очевидно, они были совершенно невидимы для нее, и это снова стало одной из удивительных вещей в моей жизни. Я всегда мог видеть этих людей, которые посещали меня из астрала, но если я говорил с ними, а потом приходил другой

человек - ну, другой человек думал, что я говорю сам с собой, а я не хотел получить репутацию человека не в себе.

Женщина подошла ко мне, и когда она посмотрела на меня, на ее лице появилось очень удивленное выражение. Мне показалось, что она сейчас впадет в истерику, но она как-то сдержалась и положила руку мне на плечи.

Я молча думал о том, как управлять телом, а затем очень медленно, делая шаг за шагом, вошел в дом, поднялся по лестнице и рухнул на то, что, очевидно, было моей кроватью.

Целых три дня я оставался в этой комнате, ссылаясь на недомогание, пока я практиковался в том, как заставить тело делать то, что я хотел, и пытался сдерживать себя, потому что это был действительно самый пугающий опыт в моей жизни. Я терпел всевозможные мучения в Китае, в Тибете и в Японии, но это был новый и совершенно отвратительный опыт, опыт заточения в теле другого человека и необходимости управлять им.

Я подумал о том, чему меня учили столько лет назад, столько лет назад, что казалось, что это была совсем другая жизнь. "Лобсанг, - сказали мне, - в давние времена Великие Существа, находящиеся далеко за пределами этой системы, и Существа, не имеющие человеческой формы, должны были посещать эту Землю для особых целей. Если бы они пришли в своем собственном обличье, то привлекли бы к себе слишком много внимания, поэтому у них всегда были наготове тела, в которые они могли войти и управлять ими, и казаться местными жителями. В грядущие дни, - сказали мне, - у вас будет такой опыт, и вы найдете его совершенно шокирующим".

Так и случилось!

Для тех, кто искренне заинтересован, позвольте мне сказать несколько слов о трансмиграции, потому что мне действительно есть что рассказать миру, но из-за очернительства прессы людям внушили неверие в мою историю. Я расскажу вам об этом подробнее в следующей Книге, но одна из вещей, которые я

собирался сделать, - это показать людям, как работает трансмиграция, потому что в ней есть очень много преимуществ.

Подумайте вот о чем, что я собираюсь представить вам как определенную возможность: человечество отправило посланника на Луну, но человечество не знает, как путешествовать в глубоком космосе. По сравнению с расстояниями во Вселенной путешествие на Луну кажется совершенно незначительным. Космическому кораблю потребовались бы многие миллионы лет, чтобы добраться до других звезд, но есть гораздо более простой способ, и я говорю вам совершенно определенно, что таким способом может быть астральное путешествие. Это делалось раньше, это делается сейчас существами (я говорю "существами", потому что они не в человеческой форме), которые пришли из совершенно другой галактики. Они сейчас здесь, в этот момент, они пришли с помощью астрального путешествия, и некоторые из них занимают человеческие тела, как это делали Древние.

Люди, если бы знали как, могли бы отправлять астральных путешественников куда угодно, преодолевая время и пространство. Астральное путешествие может быть таким же быстрым, как мысль, и если вы не знаете, насколько быстра мысль, то я вам скажу: чтобы добраться отсюда до Марса с помощью астрального путешествия, потребуется десятая доля секунды. Но в грядущие дни исследователи смогут отправиться в мир астральным путешествием и там, путем трансмиграции, они смогут войти в тело жителя этого мира, чтобы из первых рук получить опыт того, как там обстоят дела. И это не научная фантастика. Это абсолютная правда. Если люди в других мирах могут это делать, то и земляне тоже могут. Но, к сожалению, я должен сказать, что только из-за ложных сомнений, которые были брошены на мои слова, этому аспекту не удалось научить людей.

К сожалению, когда человек занимает тело, у него возникают определенные серьезные проблемы. Позвольте мне привести пример: вскоре после того, как я принял тело, я обнаружил, что

не могу писать на санскрите, не могу писать по-китайски. О да, безусловно, я знал язык, я знал, что я должен писать, но тело, в которое я вселился, не было "приспособлено" для того, чтобы делать эти загазулины, которые являются санскритом или китайским языком. Оно было способно только воспроизводить, скажем, такие буквы, как английская, французская, немецкая или испанская.

Все это связано с мышечным контролем. То же самое происходит и на Западе, когда вы обнаруживаете, что хорошо образованный немец с лучшим образованием, чем, скажем, большинство англичан, все равно не может произносить английские слова так, как это делают местные жители. Он не может "обвести языком" звуки. Поэтому, как бы высоко он ни был образован, он все равно не может правильно произносить звуки. Почти повсеместно говорят, что всегда можно определить, является ли человек коренным жителем района или нет, по тому, как он произносит свои слова, то есть, может ли он управлять своими голосовыми связками так, как это делал бы коренной житель, или привычка вносит определенные диссонансы, которых не хватает коренному жителю.

При переходе в другое тело можно произносить все звуки и т.д., потому что тело издает звуки, к которым оно привыкло, например, английский, французский или испанский. Но когда дело доходит до письма, это совсем другое дело.

Посмотрите на это с другой стороны: некоторые люди умеют рисовать или писать. Допустим, эти люди - художники - обладают способностью создавать определенные закорючки, которые имеют определенное значение. Большинство людей, даже той же расы, не могут этого сделать, и даже с обучением, даже с огромной практикой - если человек не является "прирожденным художником", его формы искусства не считаются приемлемыми. То же самое происходит, когда восточная сущность занимает западное тело. Он может общаться речью, он может знать всё, что можно сделать письменно, но он

больше не может писать на том языке, который был его
изначальным языком, например, на санскрите, китайском или
японском, потому что для этого требуются годы практики, а его
попытки настолько неуклюжи, настолько грубы, что идеограммы
не имеют никакого вразумительного смысла.

Другая трудность заключается в том, что сущность - восточная, а
тело или средство передвижения - западное. Если вы находите
это странным, позвольте мне сказать, что если бы вы были в
Англии, вы бы водили машину с правосторонним управлением,
чтобы вы могли ездить по левой стороне дороги, но если вы в
Америке, вы водите машину, в которой руль находится с левой
стороны, и тогда вы ездите по правой стороне дороги. Все это
знают, да? Так вот, вы берете какого-нибудь несчастного
водителя, который привык ездить по дорогам Англии, внезапно
вынимаете его, сажаете в американскую машину и без всякого
обучения выпускаете на американские дороги. У бедняги было
бы мало шансов, не так ли? Он бы долго не протянул. Все его
встроенные рефлексy, которые, возможно, тренировались
полжизни, закричали бы при внезапном движении задним ходом,
и в экстренной ситуации он немедленно выехал бы не на ту
сторону дороги и вызвал бы аварию, которой пытался избежать.

Вы это четко понимаете? Поверьте мне, я знаю это, все это
случилось со мной. Так что трансмиграция не для
непосвященных. Я говорю со всей искренностью, в
трансмиграции можно было бы сделать многое, если бы люди
могли получить правильные знания, и я удивлен, что русские,
которые так далеко продвинулись во многих вещах, еще не
додумались до идеи трансмиграции. Это легко - если вы знаете,
как. Это легко, если у вас есть соответствующие меры
предосторожности. Но если вы пытаетесь учить этим вещам, как
это делал я, и у вас много безмозглых детей или людей из прессы,
то всё это сводится на нет почти до того, как можно начать.

Другой момент, который необходимо рассмотреть, - это
получение подходящего транспортного средства или тела,

потому что вы не можете просто прыгнуть в любое тело и захватить его, как бандит, ворвавшийся в машину, остановившуюся на светофоре. О нет, это гораздо сложнее. Вы должны найти тело, которое гармонично вашему собственному, которое где-то гармонично, и это не означает, что владелец тела должен быть хорошим или плохим, это вообще не имеет к этому никакого отношения; это имеет отношение к вибрационной частоте этого тела.

Если вы интересуетесь радио, то знаете, что у вас может быть, скажем, супергетеродинный приемник, который имеет три конденсатора настройки. Теперь, если приемник работает правильно, вы четко принимаете одну станцию, но когда вы переходите на гармоники, вы фактически принимаете один и тот же сигнал на разных длинах волн или разных частотах - это все одно и то же. В частоте просто подсчитывается, сколько раз волна меняется с положительной на отрицательную и так далее. Но когда вы берете длину волны, вы просто измеряете расстояние между соседними волновыми гребнями. Это то же самое, что называть розу другим именем, но я пытаюсь сказать вам, что если вы знаете, как это сделать, трансмиграция возможна. И не только возможна, но в далеком будущем она станет обыденным явлением здесь, на Земле.

Но вернемся к Темз Диттон. Это было довольно милое местечко, один из пригородов великого города Лондона. Я полагаю, что его также называют одним из спальных районов Лондона. Там было много деревьев, и каждое утро можно было видеть бизнесменов, спешащих на станцию Темз Диттон, где они садились на поезд, который вез их в Уимблдон и другие районы Лондона, чтобы они могли выполнить свою ежедневную работу. Многие из них были из лондонского Сити: биржевые маклеры, страховщики, банкиры и все остальные. Дом, где я жил, находился прямо напротив Коттеджной больницы. Гораздо дальше справа было что-то вроде спортивной площадки, а рядом со спортивной площадкой

находилось большое здание, которое называлось "Совет по маркетингу молока".

Темз Диттон был "лучшим классом", и некоторые голоса, которые я мог слышать через открытое окно, были слишком "лучшим классом", потому что некоторые голоса с сильным акцентом мне было трудно понять.

Но речь давалась мне нелегко. Я должен был думать, прежде чем произнести звук, а затем визуализировать форму звука, который я пытался произнести. Для большинства людей речь приходит естественно. Вы можете лепетать без труда, без особых раздумий, но не в том случае, если вы восточный человек, вселившийся в западное тело. Даже по сей день мне приходится думать о том, что я собираюсь сказать, и от этого моя речь кажется несколько медленной и порой нерешительной.

Если человек завладевает телом, то в течение первого года или двух тело в основном является телом хозяина, то есть оно завладело им. Но со временем частота тела меняется, и в конце концов оно становится такой же частоты, как и первоначальное тело, и появляются его первоначальные шрамы. Это, как я уже говорил вам, похоже на электроосаждение или электротипирование, потому что молекула меняется на молекулу. В это не так уж трудно поверить, потому что если вы порезались и порез зажил, значит, у вас есть запасные молекулы, не так ли? Это не те же самые молекулы, которые были разрезаны, а новые клетки, которые были выращены для замены разрезанных. Нечто подобное происходит и при трансмиграции. Тело перестает быть чужим, захваченным чужим телом, вместо этого молекула за молекулой оно становится собственным телом, телом, которое человек вырастил.

И последняя информация о трансмиграции. Она делает человека "другим". Она вызывает у окружающих необычное чувство, когда они находятся рядом с человеком, и если трансмигрировавший человек неожиданно прикоснется к другому человеку, тот может пискнуть от шока и сказать: "О,

теперь у меня от тебя гусиные прыщи!". Так что если вы хотите практиковать трансмиграцию, вам придется учитывать как недостатки, так и преимущества. Вы знаете, как чужие собаки обнюхивают друг друга, застыв на месте, ожидая первого движения со стороны другого? Так вот, именно так ко мне относятся люди в западном мире. Они не понимают меня, они не знают, о чем идет речь, они чувствуют, что есть что-то другое, и они не знают, что именно, поэтому часто у них возникает неуверенность в отношении меня. Они не знают, нравлюсь ли я им или я им категорически не нравлюсь, и это действительно создает трудности, трудности, которые проявляются в том, что полицейские всегда относятся ко мне с подозрением, таможенники всегда готовы поверить в худшее, а иммиграционные службы всегда хотят узнать, почему, как и когда, и так далее, и тому подобное. Это делает человека, по сути, неприемлемым для "местных аборигенов". Но мы должны перейти к следующей книге, а перед этим - последнее слово на случай, если вам будет трудно понять то, что я написал о том, что восточные переселенцы не могут писать на своем языке; если вы правша, напишите этот абзац правой рукой, а затем попробуйте сделать то же самое левой!

Так заканчивается третья книга
Книга перемен.

Книга четвертая

Как это есть сейчас!

Глава десятая

Солнечный свет отражался от безмятежной реки, величаво плывущей мимо, проносясь вниз к морю, как Акашическая запись проносится вниз к морю Вселенского Знания. Но тут эта река привлекла мое внимание. Я смотрел сквозь полузакрытые глаза на все маленькие искорки, на пёструю поверхность, по которой изредка проплывали листья. Внезапно раздался шорох и трепет, и три водоплавающие птицы с громким плеском сели на поверхность воды. Несколько мгновений они плескались вокруг, обливая себя водой, копошась под крыльями и вообще весело проводя время по-птичьи. Затем, словно по внезапному сигналу, они расправили крылья, зашлепали лапками и улетели, оставляя за собой три увеличивающихся круга ряби.

Солнечный свет сквозь листву деревьев создавал контрастные блики света и тени на кромке воды передо мной. Солнце было теплым. Я лег на спину и почувствовал жужжание. Медленно открыв глаза, я увидел, что прямо перед моим носом сидит пчела и с интересом смотрит на меня. Затем, словно решив, что я не являюсь подходящим источником нектара, или чего там ищут пчелы, она зажужжала еще громче и свернула к какому-то цветку, укрывшемуся в тени дерева. Я слышал, как она там жужжала, деловито шевелясь в цветке, а потом вылезла назад, и я увидел, что ее ножки и тело покрыты желтой пылью.

Здесь было приятно отдыхать под деревьями на берегу Темзы в Темз Диттон, напротив большого дворца Хэмптон Корт. Мое внимание рассеялось, и, наверное, я задремал. Что бы это ни

было, я вдруг почувствовал шум вдалеке. У меня возникло видение королевской баржи, спускающейся с лондонского Тауэра и везущей королеву Елизавету Первую с ее тогдашним фаворитом и свитой слуг, которые казались неизбежными в королевских кругах.

На борту королевской баржи звучала музыка, и мне показалось неуместным, чтобы такая музыка звучала во время спуска по Темзе, но я слышал плеск весел и скрип гребцов. Было слышно хихиканье, и в полусонном состоянии я подумал, что, конечно, люди в ранние елизаветинские времена вели себя не так, как современные подростки.

Я открыл глаза и увидел, как из-за поворота показалась большая плоскодонка, заполненная подростками, с граммофоном на борту и радио, из которого доносились разные мелодии. Они гребли, болтая, каждый, казалось, говорил на свою тему, никто не обращал внимания на других. Они проплыли мимо Хэмптон-Корта и исчезли из моего поля зрения, и на какое-то время снова наступил покой.

Я снова подумал о великой королеве Елизавете и о ее путешествиях из лондонского Тауэра в Хэмптон-Корт; почти напротив того места, где я лежал на берегу, находилась площадка, где раньше был причал. Гребцы подплывали близко, затем набрасывали канаты и осторожно подтягивали баржу, чтобы не нарушить равновесие королевы, потому что она была не очень хорошим моряком, даже на Темзе! Хэмптон-Корт сам по себе был местом, которое я находил захватывающим. Я посещал его часто, и даже в необычных условиях, и я ясно видел, что здесь действительно обитают духи тех, чьи тела так давно покинули это место.

Но тут позади меня раздался громкий разговор, я обернулся и увидел там четырех человек. "Боже мой, - сказала одна женщина, - вы были так неподвижны - вы не двигались последние десять минут, - что мы подумали, что вы мертвы!". С этими словами они пошли дальше, всё разговаривая и разговаривая. В мире, подумал

я, слишком много шума, все слишком много говорят и слишком мало хотят сказать. С этой мыслью я огляделся вокруг. Передо мной было несколько лодок на Темзе. Слева от меня стоял старик, который выглядел так, как будто он мог быть самим Отцом Вре́мён. Он стоял на месте, как старый ствол дерева. Во рту у него была трубка, из которой шел слабый дымок. К палке перед ним была привязана удочка, поплавок которой - красный и белый - покачивался прямо передо мной. Я наблюдал за ним некоторое время, он тоже не двигался, и мне стало интересно, что же на самом деле видят люди в рыбалке. Я пришел к выводу, что это был просто предлог со стороны некоторых пожилых людей, чтобы они могли молчать и медитировать, думать о прошлом и гадать, что готовит им будущее.

Будущее? Я в тревоге посмотрел на часы, а затем поспешил подняться на ноги и сесть на старый велосипед, который лежал рядом со мной на берегу.

С большей поспешностью, чем обычно, я покрутил педали и поехал по дороге направо, по дороге в Вест Молеси, где находилась Биржа безработных.

Но нет, там не было ни работы, ни предложений для меня. Казалось, было слишком много людей и слишком мало рабочих мест, и, как сказал мне один человек, "Ну приятель, ты оставил свою работу и тебе ненужно было этого делать, но так как ты оставил ее и тебе ненужно было этого делать, ты не получишь никаких денег, видишь ли? Так что вполне логично, что правительство не собирается платить тому, кто бросил работу, потому что у него была работа до того, как он ее бросил, так что ты не получишь никакого пособия, и пока ты не получишь никакого пособия, эта биржа не даст тебе никакой работы. Биржа сохраняет рабочие места для тех, кто получает пособие, потому что если они устроят парня на работу, им не придется платить ему пособие, и поэтому их статистика выглядит лучше".

Я пробовал обращаться в коммерческие агентства занятости, в те места, куда вы приходите, платите деньги, и где теоретически

вам находят работу. Возможно, мой собственный опыт был особенно неудачным, но, несмотря на то, что я перепробовал довольно много агентств, ни одно из них так и не предложило мне работу.

Мне удавалось найти лишь случайные занятия в районе Темз Диттон и округе. Я мог делать определенную медицинскую работу, которую ортодоксальный врач не мог или не хотел делать, и я подумал - ну что ж, я полностью квалифицированный врач, и у меня есть документы, подтверждающие это, так почему бы мне не попробовать зарегистрироваться в Англии?

Через некоторое время я неофициально обратился в Генеральный медицинский совет. На самом деле я пошел к ним и рассказал обо всем. Они сказали мне, что - да, у меня есть все необходимые квалификации, но, к сожалению, Чунгкинг сейчас находится в руках коммунистов, и, по их словам, я не могу рассчитывать на то, что мои квалификации будут признаны, поскольку они были получены в коммунистической стране.

Я предъявил свои документы и сунул их прямо под нос секретарю. Я сказал: "Послушайте, когда готовились эти документы, Китай не был коммунистической страной, он был союзником Англии, Франции, США и многих других стран. Я боролся за мир точно так же, как люди в Англии боролись за мир, и то, что я был в другой стране, не означает, что у меня не было тех же чувств, что и у вас". Он похмыкал, а потом сказал: "Приходите через месяц. Посмотрим, что можно будет устроить. Да, да, я совершенно согласен, ваша квалификация такова, что должна быть признана. Единственное, что мешает такому признанию, это то, что Чангкинг теперь город в коммунистической стране".

Так что я покинул его кабинет и отправился в Хантерианский музей, чтобы посмотреть на все образцы в бутылках, и подумал тогда, как удивительно, что люди – одни и те же люди повсюду, все они функционируют примерно одинаково, и все же, если человек получил образование в одной стране, он не считается

квалифицированным для лечения людей в другой стране. Все это было для меня непостижимо.

Но работу было действительно трудно найти, а стоимость жизни в Темз Диттон была довольно высокой. Я обнаружил, что, будучи женатым человеком, а теоретически я им был, расходы были намного больше, чем когда мне приходилось справляться одному.

На этом этапе работы над книгой, возможно, я мог бы воспользоваться моментом, чтобы ответить некоторым из тех людей, которые пишут мне и атакуют письмами, спрашивая, почему я, лама Тибета, должен жить с женщиной - иметь жену. Что ж, "дамы", которые так пишут, позвольте мне сказать вам следующее: я по-прежнему монах, я по-прежнему живу как монах, и, возможно, некоторые из вас, "дамы", действительно слышали о безбрачных холостяках, у которых есть хозяйка или сестра, с которой они живут, не обязательно думая об ЭТОМ! Так что, дамам ответ — нет, не хочу!

Но пришло время покинуть Темз Диттон, и мы переехали ближе к Лондону, потому что своими собственными усилиями я нашел для себя работу. Я пришёл к выводу, что поскольку тело, которое я сейчас занимаю, живёт "сверхурочно", для него нет никаких возможностей. Прежний обитатель тела, как я увидел из Акашической записи, действительно собирался совершить самоубийство, и на этом все возможности, которые были у его транспортного средства, его тела, были бы исчерпаны. Таким образом, как бы я ни старался, я никогда не смог бы взять работу, которую мог бы делать другой человек; единственная работа, которую я мог бы взять, была бы та, которую я создал для себя. Я не буду говорить, что это была за работа и где я ее выполнял, потому что это не имеет отношения к данной истории, но она оказалась достаточной для удовлетворения наших насущных потребностей и поддержания жизни. Но я должен рассказать вам об одной вещи, которая меня очень раздражала, и опять-таки она была связана с моими старыми врагами - полицией. Я проезжал

через Южный Кенсингтон с анатомической фигурой на заднем сиденье машины. Это была одна из тех фигур, которые продаются в магазинах одежды или иногда предоставляются для обучения хирургов. Эта фигура находилась на заднем сиденье машины, и когда я выезжал, она была накрыта тканью, но я ехал с открытым окном, и, полагая, сквозняк сдул часть ткани с фигуры.

Я ехал совершенно спокойно, думая о том, что буду делать дальше, как вдруг рядом со мной раздался громкий грохот, от которого я чуть не выпрыгнул через крышу. Я посмотрел в зеркало и увидел две фигуры, жестикулирующие мне, указывая на обочину. На обочине было много припаркованных машин, поэтому я проехал немного, пытаюсь найти место, где можно остановиться. Далее эта полицейская машина - а это была именно она - попыталась протаранить меня, думая, по их словам, что я пытаюсь сбежать - на скорости пятнадцать миль в час в пробке! Ну, я остановился там, где стоял, задерживая движение, и мне было все равно, как перекрестились люди в других машинах, так что я просто остановился там. Полицейские предложили мне выйти и подойти к ним, но я подумал - нет, они хотят видеть меня, а я не хочу видеть их, поэтому я просто сидел. В конце концов один полицейский вышел с дубинкой наготове в руке. Он выглядел так, как будто ему предстоял расстрел или что-то в этом роде, он действительно выглядел испуганным. Медленно он подошел к моей стороне машины, идя более или менее боком, предположительно для того, чтобы стать меньшей мишенью в случае, если я начну стрелять. Затем он заглянул в заднюю часть машины и стал ярко-красным.

"Ну, офицер, в чем дело? Что я должен был сделать?" спросил я его. Полицейский посмотрел на меня, и он действительно выглядел глупо, он выглядел абсолютно застенчивым. "Простите, сэр", - сказал он, - "но нам сказали, что едет мужчина, а через заднее стекло видны ноги голой женщины".

Я дотянулся до заднего стекла и сдернул ткань прямо с фигуры, а потом сказал: "Ну, офицер, покажите мне хоть какой-нибудь признак жизни в этой модели. Покажите мне, как она была убита. Посмотрите на нее внимательно". И затем я накрыл фигуру более тщательно. Полицейский вернулся к своей машине, а все машины позади нас гудели так, как будто пытались заполнить концертный зал или что-то в этом роде. Чувствуя себя не в своей тарелке, я уехал.

Был еще один случай с полицией, который может вызвать улыбку. У меня был офис в Лондоне, и он находился недалеко от станции метро. Моя жена часто навещала меня в обеденное время, и когда она уходила, я выглядывал из окна, чтобы убедиться, что она благополучно перешла оживленную лондонскую улицу.

Однажды я уже собирался заканчивать работу и идти домой, когда раздался громкий официальный стук в дверь. Я встал и подошел к двери, а там стояли два очень больших полицейских. Один из них сказал: "Мы хотим знать, что вы здесь делаете". Я повернулся и позволил им войти в мой кабинет. Он с интересом осмотрелся, а его помощник приготовился выступить в качестве свидетеля. Куда бы ни посмотрел главный полицейский, его помощник тоже смотрел.

Я пригласил их сесть, но нет, они не сели, они сказали мне, что пришли по официальному делу, что думают, что я занимаюсь какой-то незаконной деятельностью и что я подаю сигналы какой-то банде.

Это меня очень шокировало, на самом деле я был почти ошеломлен от удивления, и я просто не мог понять, о чем они говорят. "Что вы имеете в виду?" воскликнул я. Главный полицейский сказал: "Нам сообщили, что вы подаете странные сигналы около полудня, мы наблюдали за вами и видели эти странные сигналы. Кому вы подаете сигналы?"

И тут меня осенило, и я начал смеяться. Я сказал: "Боже правый, до чего докатился мир? Я просто машу рукой своей

жене, когда смотрю, чтобы она благополучно перешла дорогу и вошла на станцию метро".

Он сказал в ответ: "Этого не может быть, отсюда не видно станции". Без лишних слов я встал со стула, открыл окно, которое находилось справа от меня, и сказал: "Посмотрите и убедитесь сами". Они посмотрели друг на друга, затем вместе подошли к окну и выглянули наружу. Конечно, как я и говорил, напротив была станция метро. Они оба немного изменились в цвете, и я сказал, чтобы они изменились еще больше: "О да, я видел вас обоих, вы были в том многоквартирном доме напротив, я видел, как вы пытались спрятаться за шторами. Мне стало интересно, что вы задумали".

Затем главный полицейский сказал: "Вы занимаете этаж под этим офисом. У нас есть информация, что вы занимаетесь сексуальной деятельностью в квартире этажом ниже". Мне это надоело, и я сказал: "Хорошо, спуститесь со мной вниз и сами увидите всех голых женщин". Им совсем не понравилось мое отношение, и они задумались, что же они сделали не так.

Вместе мы спустились по лестнице, и я открыл большой выставочный зал, окна которого были плотно занавешены дорогой кружевной сеткой.

Над занавешенными окнами были маленькие форточки площадью около фута, которые, конечно же, не были занавешены.

Я подошел к одной лежащей фигуре, поднял ее и сказал: "Смотрите, если человек будет носить это с собой, перекладывая отсюда сюда", - я продемонстрировал, - "любопытная пожилая женщина, живущая в квартире напротив, может подумать, что это обнаженное тело".

Я постучал по фигурам и сказал: "Хорошо, посмотрите на них, не кажутся ли они вам непристойными?".

Полицейские полностью изменили свой тон, и старший из них сказал: "Мне жаль, что вы были потревожены, сэр, мне действительно очень жаль, но мы получили жалобу от сестры

одного очень высокопоставленного офицера полиции о том, что здесь происходят странные вещи. Мы вполне удовлетворены тем, что увидели. Вас больше не побеспокоят".

Ну, я и побеспокоил! Однажды вечером, около семи часов, мне пришлось пойти в свой офис, я открыл двери и вошёл, так как имел полное право. Я сделал ту часть работы, которую должен был сделать, а затем ушел. Когда я закрывал за собой дверь, двое полицейских схватили меня довольно грубо и попытались затащить в полицейскую машину. Но я знал свои права и потребовал немедленного объяснения. Они сказали мне, что поступило сообщение (да, это была та же самая женщина!), что зловещего вида мужчина (это я!) был замечен ворвавшимся в здание, поэтому они ждали меня. Они не поверили, что я имею право там находиться, поэтому я снова открыл офис, мы вошли, и мне пришлось позвонить агенту по недвижимости, который сдал мне это место, и он опознал меня по голосу. И снова полиция выглядела глупо и ушла, не сказав ни слова.

Вскоре после этого я решил, что нет смысла оставаться в таком офисе, где было очевидно, что старушке напротив нечем заняться, кроме как воображать себя полицейским, докладывающим о всевозможных воображаемых уголовных преступлениях. Поэтому я покинул этот офис и перешел в другой.

И снова я занимался определенной психологической работой среди людей, которые не могли получить помощь от ортодоксальной медицины, и у меня неплохо получалось, действительно получалось. Я вылечил несколько человек, но однажды нашелся человек, который попытался меня шантажировать. Так я понял, что если человек не зарегистрирован, то он находится во власти людей, которые с радостью получают всю возможную помощь, а затем попытаются шантажировать его. Но шантажист - что ж, в конце концов, он не добился своего!

Как раз в это время в нашу жизнь вошла молодая женщина, вошла по собственному желанию, по собственной воле. Мы относились к ней как к дочери, и до сих пор относимся, и она по-прежнему с нами. Но ее судьба, по ее мнению, была такова, что она должна была жить с нами, что она и сделала. Позже пресса много писала об этом, пытаясь сказать, что это был случай вечного треугольника; но ничто не могло быть тверже правды. Мы стояли "в квадрате", а не "в вечном треугольнике".

Примерно в это время меня познакомили с агентом по работе с авторами. Я думал, что получу у него работу по чтению и комментированию авторских рукописей, но нет, он знал кое-что о моей истории, и очень против своей воли я позволил уговорить себя написать книгу. Нельзя быть слишком разборчивым, когда голод совсем рядом, знаете ли, а голод был не просто рядом, он настойчиво стучался в дверь.

Так что я написал книгу, а потом некоторые авторы, завидовавшие моим знаниям о Тибете, попытались меня выследить. Они привлекли всевозможные детективные агентства, и одно из них действительно поместило объявление в лондонской газете "Таймс" или "Телеграф" с просьбой найти Лобсанга Рампу; он должен написать по такому-то и такому-то адресу, где его ждет что-то очень хорошее.

Я знал, что это подвох, и поэтому сказал об этом своему агенту, мистеру Сайрусу Бруксу. Он попросил своего зятя позвонить и узнать, в чем дело. Да, это действительно был подвох. Один автор в Германии был очень рассержен тем, что я написал о Тибете, хотя он считал, что это его личная неприкосновенная провинция, и поэтому он пытался выследить меня, чтобы решить, какие действия он может предпринять против меня.

Примерно в это время люди, связанные с молодой леди, которая жила с нами, почувствовали неприязнь, думая, что я ввел ее в заблуждение - это не так, - и они также пригласили частного детектива, который пытался разузнать обо мне. Но этот бедный

парень - ну, мне кажется, он был не очень умным, он даже не пытался вступить со мной в контакт. Интересно, он боялся или что-то в этом роде? Но вместо того, чтобы спросить меня прямо, как мужчина, он положился на свидетельства со слуха, а как любой должен знать, свидетельства со слуха не являются законными доказательствами, не так ли? Но две стороны объединились, и они пошли к какому-то репортеру, который был не очень популярен среди своих товарищей. Они попытались расставить несколько ловушек, но когда позже мы переехали в Ирландию, эти люди провели большую кампанию против меня в прессе, заявив, что я занимаюсь черной магией в нижней части дома, что у меня есть тайный храм, что я виновен во всех видах сексуальных оргий и так далее, и что в какой-то период моей карьеры у меня были неприятности с полицией. Ну, это было легко, у меня всегда были неприятности с полицией, но меня никогда ни в чем не обвиняли, и я действительно никогда не делал ничего такого, что заслуживало бы внимания полиции. Но нет смысла ворошить старые неприятности и разгребать пепел, который должен быть сожжен, но я хочу здесь дать показания мужу этой молодой леди. Он был и остается джентльменом, он очень хороший человек, он по-прежнему наш друг, и, как он прекрасно знал и, более того, как он свидетельствовал, заявления обо мне были совершенно неверными.

Нет, я больше ничего не скажу об этом, ничего о прессе, ничего о родственниках молодой леди. Она по-прежнему с нами, по-прежнему с нами как любимая дочь. Вот и все, вот и все.

Когда все это случилось, мы переехали в Ирландию, и то одно, то другое стоворилось разрушить мое здоровье. У меня был коронарный тромбоз, и думали, что я умру, но пресса сделала жизнь настолько отвратительной, что нам пришлось покинуть Ирландию, что мы сделали с крайней неохотой. У меня там было много друзей, и я до сих пор их не теряю.

Мы покинули Ирландию и уехали в Канаду, где сейчас и находимся. Мы много переезжали по Канаде, бывали в разных

городах, ездили в разные провинции. Но в конце концов мы получили по почте письмо, которое многое нам дало.

Однажды по почте пришло довольно толстое письмо. Марки были из страны, о которой я тогда знал очень мало. Это было письмо из Уругвая, страны в Южной Америке, которая находится между Аргентиной и Бразилией.

Письмо было интересным. В нем говорилось, что автор письма был главой большой компании, которая занималась печатью, изданием книг - всем, чем угодно. Мне предлагалось поехать в Монтевидео за счет этой компании, и я мог бы продолжить там свою работу, мне предоставили бы секретарей, машинисток, переводчиков - в общем, все, что я хотел. Писатель прислал мне фотографию, на которой он выглядел весьма внушительно за большим письменным столом с пишущей машинкой I.V.M. перед ним, множеством книг позади него и, кажется, диктофоном Philips.

Мы обсудили это, "мы" - это моя жена и наша приемная дочь, и через некоторое время решили, что это будет хорошая идея. Мы навели все необходимые справки и, наконец, поскольку формальности требовали времени, мы сели в поезд в Форт-Эри, Онтарио, Канада, для поездки в Нью-Йорк. Нам сказали, что мы будем пассажирами на борту грузового судна Moore McCormack, которое обычно вмещает двенадцать пассажиров.

В Нью-Йорке все, как обычно, было шумно и суматошно. Мы остановились на ночь в одном из больших отелей, а на следующее утро отправились в док Moore McCormack в нью-йоркской гавани, и меня очень позабавило, когда я обнаружил, что этот док находится прямо напротив того, к которому я приплыл столько лет назад. Однако я ничего не сказал, потому что нет смысла ворошить горькие воспоминания, но, признаюсь, я внимательно следил за речной полицией.

Мы поднялись на корабль, нашли свои каюты и поздно вечером того же дня с четырьмя локомотивами на палубе отплыли к первой Виттории в Бразилии. Там мы поднялись вверх

по длинному заливу, прежде чем прибыли в очень живописный, очень жаркий маленький поселок. Это был наш первый порт захода. Затем мы спустились в близлежащее место, чтобы разгрузить локомотивы - это были дизельные локомотивы для бразильских железных дорог.

Было еще две или три остановки в Бразилии, пока мы не получили разрешение на въезд в Монтевидео в Уругвае. Но когда мы приблизились к Монтевидео, то есть к Пунта-дель-Эсте, капитану сообщили по радио, что мы не можем причалить к Монтевидео, потому что там идет забастовка докеров, поэтому мы сначала отправились в Буэнос-Айрес и пробыли в этом порту около недели. Это был довольно оживленный порт, и мы видели огромное количество иностранных судов, которые заходили в него. Самыми популярными были немецкие, и довольно много судов, похоже, шли прямо вверх по реке, которая образует границу между Аргентиной и Уругваем. Нам сказали, что в нескольких милях дальше вверх по реке находится большой мясокомбинат, завод Фрай Бентоса.

Наконец, нам разрешили покинуть порт, и мы пошли вниз по Рио-де-Плата, и, наконец, прибыли в Монтевидео, место нашего назначения. Мы вошли во внешнюю гавань, и корабль был вынужден бросить якорь. Была забастовка, и собрался целый флот кораблей, и их нужно было обслужить в первую очередь, потому что они были там первыми, поэтому мы оставались на борту около недели. Наконец кораблю разрешили войти в гавань, и мы сошли на берег.

Однако наши надежды были полностью разрушены, потому что мы обнаружили, что у человека с огромным бизнесом не такой уж и огромный бизнес. Вместо этого — ну, если выразиться помягче, он был человеком с идеями, которые не всегда срабатывали.

Жить в Монтевидео было очень дорого. Похоже, у них там была особая идея, что за все нужно платить в американских

долларах, так что, по сути, учитывая обменный курс, мы платили фантастические суммы даже за элементарные вещи. Однако мы пробыли там полтора года, потом обнаружили, что там происходят всевозможные забастовки и усиливаются ограничения для иностранцев, и мы решили уехать.

Очень жаль, что нам пришлось уехать, потому что Монтевидео был действительно хорошим местом. Люди в большинстве своем - за исключением бастующих! - были очень приятными, очень вежливыми, и это было похоже на пребывание в европейском городе. Это был красивый город с прекрасной гаванью и пляжами. На очень короткое время мы остановились в местечке под названием Карраско, недалеко от аэропорта. У этого места был один ужасный недостаток - очень мелкий песок с огромных пляжей постоянно попадал в дома, поэтому, поскольку мы были слишком далеко от центра города, мы переехали в многоквартирный дом с видом на маяк.

В нескольких милях отсюда, на подходе к гавани, находился потерпевший крушение корабль. Это был довольно большой пассажирский лайнер, который по какой-то причине затонул недалеко от главного входа, да так и остался. Во время отлива была видна только главная палуба, а во время прилива мост и мостовая площадка оставались над водой. Мы видели, что здесь происходило много контрабанды, потому что корабль использовался как "перевалочный пункт" для контрабандистов.

В Монтевидео было много красивых достопримечательностей, включая высокий выступ на противоположной стороне гавани. Она была известна как "Гора", а на ее вершине находился форт, который был местной достопримечательностью.

Британцы сделали многое для модернизации Монтевидео. Они запустили автобусное сообщение, провели газопровод, и одним из преимуществ этого было то, что многие люди немного говорили по-английски.

Однажды, когда мы переехали в очередную квартиру ближе к центру города, небо почернело, и на какое-то время стало

холодно. Затем пришел циклон. Трое из нас пытались закрыть открытое окно, и когда мы столпились там, прижавшись плечами к окну, мы увидели удивительное зрелище: крыша автовокзала прямо под нами внезапно исчезла, все листы гофрированного железа летали по воздуху, как будто они были сделаны из папиросной бумаги. Мы посмотрели вниз и увидели там все автобусы, а рабочие смотрели вверх широко раскрытыми глазами.

По-настоящему забавным для нас было зрелище, когда куры, которых держали на плоских крышах домов в Монтевидео, взмыли прямо в воздух и пересекали улицу за улицей, вероятно, это был единственный полет в их жизни. Это действительно поразительное зрелище - видеть, как куры пролетают мимо с прижатыми к бокам крыльями!

Меня очень позабавило зрелище, когда мимо проплывала целая бельевая веревка, нагруженная только что выстиранной одеждой. Вербка была натянута и жесткая, как железный прут, а простыни и "нижнее бельё" висели, как будто в неподвижном воздухе. Я видел много циклонов, вихрей и т.д., но это, с моей точки зрения, было самым забавным.

Но Монтевидео терял свое очарование, и мы решили вернуться в Канаду из-за различных групп коммунистов, которые создавали проблемы. Во многом я сожалею об этом, потому что я думаю, что предпочел бы жить в Уругвае, чем в большинстве других мест. У них там другой менталитет. Они называют себя Восточной Республикой Уругвай. Это бедная страна с прекрасными идеалами, но идеалами настолько идеалистическими, что они непрактичны.

Мы вернулись в Канаду по морю, и тут встал вопрос о заработке денег, поэтому мне пришлось написать еще одну книгу. Мое здоровье сильно ухудшалось, и это было единственное, что я мог сделать.

Во время моего отсутствия я обнаружил, что один человек написал книгу по материалам, которые я написал для

английского журнала несколько лет назад. Он был очень своеобразным человеком, всякий раз, когда ему грозило судебное разбирательство или ему угрожали, он просто разорялся, и друзья или родственники "покупали" его бизнес, так что возмещения ущерба было немного, фактически его не было.

Одна из больших проблем, с которой я столкнулся после выхода "Третьего глаза", - это количество людей, которые пишут "Одобрено Лобсангом Рампой" и просто наклеивают соответствующие этикетки на товары, которые они поставляют. Все это неправда; я не "одобряю" вещи. Многие люди также выдавали себя за меня, и в действительности, в ряде случаев мне приходилось вызывать полицию. Например, был человек из Майами, который написал книготорговцу в Сан-Франциско от моего имени, он действительно подписался моим именем. Он написал много из «Святого Джо», чего я никогда не делаю, и он заказал много книг, чтобы ему их прислали. Совершенно случайно я написал книготорговцу в то же самое время из Ванкувера, и он был так поражен, получив письмо, очевидно, от меня и из Британской Колумбии, что написал мне и спросил, как я так быстро продвигаюсь. Выяснилось, что этот человек уже некоторое время заказывал товары на мое имя и не платил. Как я уже сказал, если кто-то настолько глуп, чтобы принять за "меня" ту чепуху, которую писал этот человек, он заслуживает того, чтобы его поймали. Были и другие, например, человек, который удалился в горную пещеру, сидел скрестив ноги, на нем было мало одежды, и выдавал себя за меня. Он советовал подросткам заниматься сексом и принимать наркотики, говоря, что это полезно для них. Но пресса, конечно, ухватилась за такие инциденты и подняла большой шум, и даже когда было доказано, что эти самозванцы выдавали себя за меня, пресса так и не смогла сообщить о том, что произошло на самом деле. Я категорически, категорически против самоубийств. Я категорически, категорически против наркотиков, и я категорически, категорически против прессы. Я считаю, что

средний репортер не приспособлен для того, чтобы писать о метафизике или оккультизме, у них нет знаний, у них нет духовности, и, на мой взгляд, у них просто не хватает мозгов".

После пребывания в Форт-Эри, куда мы вернулись из Южной Америки, мы отправились в Прескотт, Онтарио, где жили в небольшом отеле. Управляющий этой гостиницы был очень хорошим человеком. Мы прожили там год, и в течение всего этого года между нами и "руководством" не было ни малейшего разногласия или отсутствия гармонии. Его звали Иван Миллер, и он был настоящим джентльменом, и я хотел бы сейчас знать его адрес, чтобы еще раз выразить свою признательность за все усилия, которые он приложил. Он был крупным мужчиной, огромным на самом деле, и он был борцом, но при этом он мог быть более нежным, чем большинство женщин.

Глава одиннадцатая

Хорошо, что я вернулся в Канаду, чтобы иметь то, что тогда было надежной почтовой службой. В Уругвае было довольно много проблем, и один конкретный инцидент заставил меня пениться от ярости, когда мне, как автору, прислали много почты, а почтовое отделение в Монтевидео не разрешило мне ее получить. У меня было мое принятое имя, а также имя, под которым я писал, Т. Лобсанг Рампа, и сотрудники почтового отделения в Монтевидео были совершенно непреклонны, не разрешая мне получать почту на два имени. Они считали, что если у человека два имени, то он, должно быть, мошенник, поэтому я долго размышлял над этим вопросом и пришел к выводу, что мне гораздо лучше быть известным как Т. Лобсанг Рампа. Тогда я пошел на почту и сказал, что мне нужна почта для Т. Лобсанга Рампы, а остальное они могут вернуть.

Затем они должны были посмотреть мои документы. В моих документах было указано неправильное имя, поэтому я не мог получить почту. В конце концов мне пришлось обратиться к адвокату - "абогадо" - и составить документ о смене имени. Это должно было быть сделано законно, и на документе было много-много печатей, после чего нужно было дать объявление в уругвайской юридической газете о смене имени. Когда все эти формальности были выполнены, я мог получать почту на имя Т. Лобсанг Рампа, но мне было запрещено использовать другое имя.

Теперь, конечно, мое имя было законно изменено и в Канаде на Т. Лобсанг Рампа, и раз уж мы заговорили о чиновничестве, бюрократии и т.д. - теперь я канадский подданный. Я прошел канадскую натурализацию, и здесь снова формальности были поистине удивительными. Но в наше время, кажется, формальности есть во всем. Я пытался получить пенсию по старости, на которую я имею право, но бюрократия такова, что, по-видимому, я не смогу ее получить - или так мне говорят чиновники - если я не укажу точный адрес и точные даты приезда и отъезда из каждого места, где я был в Канаде. Ну, я был в огромном количестве мест от Виндзора до Прескотта, до Монреаля, Сент-Джона, Нью-Брансуика, Галифакса, до Ванкувера, обратно в Калгари и т.д., и я должен был подумать, что меня достаточно хорошо знают как гражданина Канады, с паспортом и т.д., но, видимо, это не устраивает помешанных на бюрократии чиновников. Так что вопрос "еще не решен". Это больше похоже на гнилое яблоко, чем на что-либо еще, не так ли?

Прошлой ночью мне было очень плохо, и поздно вечером я пробудился от тревожной дремоты и обнаружил, что вокруг меня собралась группа тех, кто был моими коллегами, ламами из Тибета. Они были в астрале, и они требовали, чтобы я вышел из тела и подошёл к ним, чтобы обсудить с ними все вопросы. "Что с вами со всеми?" спросил я. "Если я буду чувствовать себя еще хуже, чем сейчас, я навсегда останусь там". Лама Мингьяр

Дондуп улыбнулся и сказал: "Да, именно этого мы и боимся. Мы хотим, чтобы вы сначала сделали что-то".

Когда человек занимается астральными путешествиями столько лет, сколько я, в этом нет ничего особенного, это проще, чем встать с постели, поэтому я просто выскользнул из этого тела и отправился в астрал. Мы вместе пошли к берегу озера, на котором играло множество водоплавающих птиц. Здесь, в астрале, вы знаете, существа не боятся человека, поэтому эти птицы просто играли в воде. Мы сели на покрытый мхом берег, и мой Проводник сказал: "Знаешь, Лобсанг, здесь недостаточно подробно рассказывается о трансмиграции. Мы хотели, чтобы ты рассказал что-нибудь о народах, которые использовали трансмиграцию". Что ж, день в астрале был слишком приятным, чтобы много пересказывать, поэтому я указал, что на следующий день я снова приступлю к работе, прежде чем книга будет закончена.

Хотя было очень приятно находиться в астрале, вдали от боли, от забот и всего остального. Но, как мне напомнили, люди отправляются на Землю не ради удовольствия, а потому что им есть чему научиться или чему научить.

Итак, сегодня еще один день, день, когда я должен написать еще больше о переселении.

Во времена Атлантиды, а - о да! - Атлантида действительно существовала, это не просто плод воображения писателя; Атлантида была реальной. Но во времена Атлантиды существовала очень высокая цивилизация. Люди "ходили с Богами". Садовники Земли постоянно наблюдали за развитием событий на Атлантиде. Но те, за кем наблюдают, опасаются наблюдателей, поэтому Садовники Земли использовали процесс переселения, чтобы иметь возможность вести более тонкое наблюдение.

Духи Садовников использовали несколько тел подходящих вибраций, и тогда они могли смешиваться с людьми и выяснять,

что люди на самом деле думают о Садовниках и что они замышляют.

У Садовников Земли, которые присматривали за загадочной цивилизацией, известной как шумеры, также были наставники, прибывшие на Землю путем переселения. Это было слишком медленно, чтобы большие космические корабли пересекали пустоту за такое долгое время. С помощью трансмиграции это можно было сделать за считанные секунды.

Египтяне также в значительной степени управлялись и обучались высшими Сущностями, которые вселялись в специально выращенные тела, а когда эти тела не использовались Сущностями, их тщательно очищали, заворачивали и укладывали в каменные саркофаги. Невежественные египетские туземцы, наблюдавшие за этими церемониями, пришли к выводу, что Садовники сохраняют тела, поэтому те, кто стал свидетелем этих процедур, поспешили домой к своим жрецам и рассказали обо всем, что видели.

Тогда жрецы решили попробовать, что это такое, и когда умирает достаточно высокий человек, они обматывали его бинтами, обмазывали специями и прочим, но обнаруживали, что тела разлагаются. Тогда они пришли к выводу, что причиной разложения являются кишечник, сердце, печень и легкие, поэтому все эти части были удалены и помещены в отдельные кувшины. Хорошо, что они не готовили хозяев для приходящих духов, потому что хозяева действительно были бы без кишок, не так ли?!

Конечно, иногда так называемое бальзамирование происходило, когда больного космического мужчину или космическую женщину переводили в состояние анабиоза, чтобы его или ее можно было перенести на космический корабль и доставить в другое место для лечения.

На Земле было довольно много известных лидеров, которые были Сущностями, трансмигрировавшими в земные тела: Авраам, Моисей, Гаутама, Христос, а затем известный гений из

гениев - Леонардо да Винчи. Об изобретениях Леонардо да Винчи ходят легенды, и он очень сильно расширил знания этого мира. Он, как я полагаю, любой согласится, обладал навыками и науками, намного превосходящими знания землян. Человек, известный как Леонардо да Винчи, был незаконнорожденным ребенком без каких-либо особых преимуществ. Кто знает? Возможно, он даже был сыном водопроводчика! Тело человека, ставшего Леонардо да Винчи, имело такую степень вибрации, что очень высокая Сущность могла завладеть им и сделать все то, что не смог бы сделать ни один человек.

Со всей серьезностью я говорю, что если бы люди этого мира слушали только тех, кто действительно может совершать трансмиграцию, то у нас был бы прекрасный шанс освоить космос. Подумайте обо всех существующих мирах. Подумайте о возможности посетить мир за считанные секунды. Некоторые из миров никогда не смогут посетить ортодоксальные люди, потому что атмосфера может быть неправильной, климат может быть неправильным, или гравитация может быть неправильной. Но когда человек совершает трансмиграцию, он может принять тело любого жителя планеты, и тогда он может исследовать планету без каких-либо трудностей.

Люди, хорошо разбирающиеся в науке трансмиграции, могут вселяться в тела животных, чтобы их можно было эффективно изучать. Это уже делалось раньше, это часто делалось раньше, и из-за расовой памяти существуют определенные ложные убеждения, что люди перерождаются в животных. Это не так - никогда. Животные также не рождаются как люди. Животные также не уступают людям. Но поскольку существует расовая память о том, что Садовники Земли занимали тела определенных животных, знание об этом сохранилось в искаженном виде. Таким образом, хорошие религии обесцениваются.

Мы много путешествовали по Канаде. Я побывал в Виндзоре, Онтарио, в Форт-Эри и далее в Прескотт, а затем мы отправились в Сент-Джон, штат Северная Британия. Некоторое время, как вы

можете прочитать в других моих книгах, мы вполне счастливо жили в Нью-Брансуике, в очень приятном городе у моря. Но, как сказал мой бухгалтер, автор должен путешествовать, поэтому мы переехали в Монреаль и некоторое время жили в Habitat. Хабитат - это такая забавная коллекция домов, сложенных один на другой, как детские строительные кирпичики. В любом случае, это было довольно приятное место для жизни, и на самом деле оно нам так понравилось, что, уехав оттуда, мы позже вернулись туда. Опять же, в Монреале всегда были забастовки, были и языковые трудности, потому что франко-канадцы были совсем не дружелюбны к тем, кто не говорил по-французски, а мое собственное твердое мнение всегда заключалось в том, что Канада - англоязычная страна, и я отказывался говорить по-французски.

Вскоре пришло время, когда мы снова переехали, на этот раз в Ванкувер, Британская Колумбия, где мы жили в гостинице, фактически в отеле, в котором также были апартаменты. В последнее время Ванкувер сильно поредел под воздействием ужасной, на мой взгляд, формы правления. И еще одна жалоба на Ванкувер - это то, что везде висела табличка "без домашних животных", и, как однажды сказал один владелец отеля, домашние животные никогда не вредили его бизнесу, но дети вредили, и пьяницы тоже, и люди, которые курили в постели и поджигали жильё.

За свою жизнь я много переезжал. Я многому научился, и есть вещи, о которых я мечтаю...

Например, я хотел бы, чтобы существовала цензура в прессе, потому что я видел так много страданий, вызванных неточными сообщениями в прессе. Я рад отметить, что сейчас гораздо больше людей, очевидно, согласны со мной в этом, потому что точность прессы в наше время часто подвергается сомнению.

Предсказания, сделанные обо мне очень давно, оказались абсолютно точными. Было предсказано, что даже мой собственный народ ополчится против меня. Так и случилось,

потому что в трудную минуту никто не пришел мне на помощь и не подтвердил правдивость моей истории, а она правдива.

У меня было так много надежд на помощь Тибету. Я думал, например, что с признанием я смогу выступать от имени Тибета в Организации Объединенных Наций. Я надеялся, что с признанием я мог бы вести радиопередачу о свободном Тибете, но нет, никакой помощи мне не оказал народ Тибета, покинувший эту страну. К сожалению, это их потеря, так же как и моя. Так много хорошего можно было бы сделать. Мое имя широко известно, было признано, что я могу писать, также было заявлено, что я могу говорить. Я хотел использовать и то, и другое на службе Тибету, но они совсем не стремились признать меня, точно так же, как в прошлом Далай-лама не признавал Панчен-ламу и наоборот. Это то же самое, скажем мы, что один политический лидер игнорирует существование другого. Но я получаю огромное количество писем; сегодня, например, у меня было сто три. Часто бывает гораздо больше, и письма приходят со всего мира. Я узнаю вещи, которые для многих закрыты, и мне говорили, справедливо или нет, что нынешние люди, бежавшие из Тибета, не могут "узнать" меня, потому что другая религиозная фракция, помогающая им, будет перекрещена. У меня есть все доказательства того, что это действительно так. Но нет смысла начинать миниатюрную религиозную войну, не так ли?

Похоже, что против меня настроены в основном низшие слои беженцев. Несколько месяцев назад я получил письмо от одного важного человека, который был у Далай-ламы и обсуждал меня. Далай-лама, как мне сообщили, передал мне приглашение вернуться в Поталу, когда она будет освобождена от коммунистической агрессии.

А всего несколько недель назад наша приемная дочь (мы "не называем имен", помните?) получила письмо, в котором говорилось, что Далай-лама очень обеспокоен здоровьем доктора

Рампы, и Далай-лама ежедневно молится за него. Это письмо теперь хранится у моих издателей.

Еще одно мое "пожелание" заключается в следующем: существует довольно много оккультных организаций, некоторые из них утверждают, что они очень древние, хотя они были созданы рекламным агентом всего несколько лет назад. Но я жалею вот на что: если все эти люди такие святые, такие хорошие, такие преданные духовному просветлению, то почему бы нам всем не собраться вместе, ведь если они действительно искренни, они бы поняли, что все пути ведут домой.

Несколько студентов из некоторых культовых колледжей спросили меня, почему я не связался с группой "такой-то" или "такой-то", и я ответил, что я это сделал, и получил несколько шокирующих оскорбительных ответов от этих групп, потому что они завидуют или потому что они были отравлены прессой. А я так не считаю. Я считаю, что не важно, к какой религии принадлежит человек, не важно, как он изучает оккультизм. Если люди искренни, они смогут работать вместе.

Несколько лет назад ко мне обратился человек, который был основателем так называемой тибетской науки. Он написал мне и предложил, что мы сможем заработать много денег, если я присоединюсь к нему, и он будет использовать мое имя. Я не занимаюсь подобными вещами, я не занимаюсь этой работой в качестве уловки для зарабатывания денег. Мои убеждения - это мои повседневные убеждения, и я живу в соответствии с кодексом, которому меня учили.

Я бы хотел, чтобы многие из этих так называемых метафизических обществ или орденов были лицензированы после тщательной проверки. Очень многие из них - подделки, просто чтобы собрать деньги. Я знаю одну конкретную группу, которая совершенно свободно признает, что они берут то, что считают лучшим из целого ряда авторов, и выдают это за нечто совершенно иное. Что ж, это нечестно.

Это хорошая возможность еще раз сказать вам - если вы начнете читать эту книгу с конца, а не с начала, как многие, - что все мои книги абсолютно правдивы. Все, что я написал, является фактом. Каждый метафизический опыт, о котором я пишу, я могу сделать, и это мое самое искреннее желание, чтобы наступило время, когда люди действительно признают истинность моих книг, потому что мне еще есть чему научить людей. В настоящее время из-за лжи, распространяемой прессой, ко мне относятся как к прокаженному или изгою. Многие люди "окунаются" в мои книги, а потом пишут так, как будто это их собственная идея. Некоторое время назад я с большим удовольствием слушал на коротких волнах длинный отрывок из одной из моих книг, а потом в конце чтения был почти ошеломлен, услышав, что авторство приписывается какой-то женщине, которая с трудом может подписать свое имя!

Поверьте мне, все мои книги - правда, и я верю, что у меня есть система, благодаря которой люди этого мира могут безопасно посещать другие миры.

Я хочу поблагодарить миссис Sheelagh M. Rouse, которая напечатала пятнадцать моих книг. Первую напечатал я. Она это осуществила на одном дыхании.

Еще одна вещь, которая может вас заинтересовать: Миссис Рампа уже почти закончила книгу, в которой изложила свою версию всего этого дела. Если вы хотите узнать об этом - что ж, вам придется следить за рекламой, не так ли?

Так заканчивается четвертая книга
Как Это Есть Сейчас!